

Андрей Белянин

Тайный сыск царя Гороха

Спецслужбы были и будут всегда!

Annotation

Оба романа известного российского писателя Андрея Беянина «Тайный сыск царя Гороха» и «Заговор Черной Мессы» объединены одним героем – младшим лейтенантом милиции Никитой Ивановичем Ивашовым. Волею судьбы или случая Никита Иванович оказывается во временах царя Гороха, где ему поручается должность сыскаго воеводы, а отделение милиции под его руководством расквартировывают в тереме Бабы Яги. Ох и нелегка работа милицейская! А уж при царе Горохе тем более...

- [Андрей Белянин](#)

-

Андрей Белянин

Заговор Черной Мессы

Все началось с того, что в то утро меня опять разбудил петух. В нем вся проблема... Именно из-за этой скотины с гребешком и перьями я регулярно катастрофически не высыпаюсь! Естественно, утро испорчено и настроение на весь день – хуже некуда! Если Яга не внимлет моим стонам и молитвам, я сам его задушю. Или застрелю из стрелецкой пищали (правда, для этого мерзавца надо привязать перед самым дулом, иначе я из этой базуки ни в жисть не попаду). Может, Митьку попросить, он на него медвежий капкан поставит? Нет, нет, нет... О чем это я? Да наш Митяй первым же в этот капкан и угодит. Пусть уж лучше он его так ловит. Представив себе двухметрового парня с квадратными плечами, гоняющего кур по двору Бабы Яги, я невольно улыбнулся.

Прошу прощения, что не представился сразу. Ивашов Никита Иванович, младший лейтенант милиции, холост, в политических партиях не состоял, родился и вырос в городе Москве. В настоящее время являюсь главой первого лукошкинского отделения милиции. Лукошкино – это столица нашего царства. Правит здесь царь Горох, очень неглупый мужчина, будет время – расскажу о нем подробнее. Отделение наше расположено в двухэтажном тереме Бабы Яги, где я одновременно и квартирую. Эта милая старушка с горбатым носом и кривыми зубами входит в штат оперативно-следственной бригады, в плане сбора информации – совершенно незаменимый работник. Да еще и приколдовывает иногда. Я раньше сам в это не верил, пока лично не убедился. Ничего, привык... Еще у нас служит Митяй, тот самый герой с фигурой Терминатора, только ростом повыше, а мозгов... вровень, что у одного, что у другого. Он сам деревенский, образования никакого, вот и носит на подхвате. Однако все трое мы составляем неплохую рабочую бригаду, заставляя считаться с нами весь криминальный мир родного Лукошкина. Хотя, честно говоря, уголовников здесь маловато. Народец местный к профилактике преступлений относится очень серьезно, как поймают карманника на базаре, так всем миром отметелят, что бедолаге только у нас в отделении и спасение. Еще стрельцы, конечно, очень помогают. Царь выделил специальную сотню для патрулирования города. Ходят по трое, а старший, бородач Еремеев, каждое утро докладывает

лично мне криминалистическую обстановку. Как видите, работа наша, милицейская, в любом времени в любом государстве всегда востребованная. А этот сволочный петух... На самом-то деле проблема, конечно, не в петухе, а в том, что я просто хотел отдохнуть. Правда, из этого все равно ничего бы не вышло, но факт самого хотения...

Итак, сначала петух, потом Баба Яга доделывает его «черное дело», ласково уговаривая меня встать и спуститься к завтраку. Потом оказывается, что к обеду меня ждет царь-государь, а за столом будет присутствовать полсотни девиц-красавиц сплошь боярского рода и, как одна, на выданье. У Гороха своеобразное мнение о том, как и чем надо награждать за верную службу. Наградить, конечно, стоило... Прямо скажу, мы тогда провернули неслабое дельце с шамаханским заговором. Но награждать женитьбой?! Это уж какое-то чрезмерное древнерусское самодурство. Нет, я вовсе не противник брака, не убежденный холостяк или чего хуже... нет! Только жену я хочу выбрать себе сам. И вовсе не обязательно боярышню. По-моему, женская красота, ум и порядочность от сословий не зависят...

Так вот, в пиковый момент в терем залетает Митяй и на всю горницу орет, дескать, купцы пришли, дело у них. Я даже чуть не всплакнул от счастья – служба превыше всего! Значит, на смотрины к Гороху не идем, тирьям-пам-пам!

– Так что, воевода-батюшка, звать? – раздался из сеней Митькин бас.

– Зови, я же сказал.

Баба Яга сидела в уголке у печи, проворные спицы так и мелькали в умелых пальцах. Старушка обещала связать мне шерстяные носки на зиму, ну а заодно заменяла в отделении так называемый «детектор лжи». Минутой позже представительная делегация вошла в горницу. Гости перекрестились на образа и поклонились сначала бабке, потом мне.

– По делу мы, Никита Иванович.

Я указал на скамью. Все трое сели. Двоих я знал. Самый высокий и дородный, с окладистой рыжей бородой, был потомственный купец Аксенов Федор Борисович. Три собственные лавки, харчевня и постоянный двор; его дела, возможно, и пахивали «черным налом», но пока не шли в явный конфликт с законом. Вторым был его партнер по торговле персидскими тканями Кирокосьянц Арон Давидович. Выходец из далекой Армении, он уже лет десять безвылазно жил в Лукошкине. Перевез семью, открыл свой гостиный двор, склад, а в случае шамаханских налетов даже отправлял двоих сыновей в царское ополчение. Третьего я никогда не видел раньше, но мог догадываться... Черная шляпа с полями, длинная черная

одежда, завитые пейсы на висках и острохарактерный нос.

– Я вас слушаю, граждане купцы.

– Ну, говорить, видать, мне придется, как старшому, – весомо решил Федор Борисович. – Так вот оно и получается – воруют у нас!

– У нас везде воруют – страна такая, – криво улыбнулся я. – Поподробнее давайте: что пропало, когда и где?

– А... это вот уж пусть товарищ мой доложит, весь учет через его руки идет.

– Ну что я тэбэ скажу, участковый? – даже привстал Кирокосьянц. – Клянусь мамой, сколько живу – такого нэ видэл! Вэришь, нэт?!

– Верю. Конкретней, пожалуйста.

– Вай, зачэм торопишь? Такоэ дэло бэз суэты разбираться надо. Все черноэ воруют.

– Как это все черное? – не понял я.

Баба Яга в уголке тоже сделала удивленные глаза.

– Сам нэ знаю, – пожал плечами армянин. – Ткани пэрсидскиэ вэзем, в лавках храним, всэ на мэстэ, черных – нэт! Бархат черный испанский – нэт, кожа черная африканская – тожэ нэт.

– Господи, вы что ж там, негров свежуετε, что ли? – вырвалось у меня.

– Зачэм нэгров? Пантэра, лэв черный, змэи разныэ... Все на своем мэстэ лэжит, черный – нэт.

– Бред какой-то. Ладно, записал. Гражданин, вы что-то имеете добавить?

– Таки имею... Представиться позволите? Шмулинсон Абрам Моисеевич. Прибыл на днях в ваш трогательно милый город, имею честные намерения открыть меняльную контору с услугами опытного портного-гробовщика. Ви улавливаете суть? Вот ви человек молодой, благослови Господь, решаете жениться или, не приведи Боже, помереть...

– Ближе к делу, – напомнил я.

– Ах, дело. Всегда дела, бедный еврей вечно должен работать, потому как дома больная жена и шестеро ребятишек, а всем хочется кушать. Горе в том, шо я вложил весь свой капитал в черную материю, которая, как ви уже поняли, мне нужна до зарезу. Нет, я могу оббить гроб и веселым ситчиком в цветочек. По мне, так пусть покойник радуется, но поймут ли это родственники безвременно усопшего?

– Все ясно. Как я понял, вы, гражданин Аксенов, требуемый материал завезли?

– На том и стоим. Раз есть покупатель, мы ему товар завсегда лицом предоставим.

– А вы, гражданин Кирокосянц, получили материю на склад и взяли деньги с Абрама Моисеевича?

– Ну, взял. Пачэму нэ взять? Мы дэла честно вздем. Он дэньги вечером принес, утром на склад пошли – там нэт ничего!

– И дело-то не в деньгах, – снова вмешался старший купец, – деньги мы хоть сейчас вернем. А только непорядок это! Вора сыскать надобно всенепременно.

– Сыщем. – Я захлопнул планшетку. – На первый взгляд ничего особенного. Можете идти, граждане, мы займемся вашими кражами.

Все трое встали, поклонились и вышли. Баба Яга пересела ко мне за стол, задумчиво зевнула и грустно доложила:

– Все честь по чести, Никитушка. Преступника посреде них нет.

– Вы хотите сказать, вора?

– Ну, воруют-то все трое, в ихнем деле без воровства никак нельзя, в торговле воровать сызмальства учат, а не то прогоришь. Я тебе о чем толкую-то: все они правду говорят, и ни один об жулье энтот странном ничего не утаил.

– Я думаю, нужна хорошая ревизия на армянский склад. Наверняка там много чего неучтенного или «пропащего», а черной ткани хватились лишь из-за того, что за ней пришел покупатель, к тому же оплативший все услуги вперед.

– А зачем? – хмыкнула Яга.

– Хороший вопрос, – согласился я. – Действительно, зачем? Мог прийти утром, товар – деньги. Не вполне понятно...

– Что делать-то думаешь, Никитушка?

– Начну с базара. Надо обойти все лавки и поинтересоваться, но ненавязчиво, не пропадала ли где еще черная мануфактура.

– А еще кожу энту, негритянскую, не забудь.

– Африканскую. Не забуду. Эй, Митька, давай сюда, есть срочная работа. Значит, так...

Один из серьезных минусов нашего парня – это творческий склад ума. То есть ума как такового у него почти и нет, а та скромная масса, что есть, навеки отравлена вирусом созидания. Он любит творить! Дайте этой орясине любое задание – он его выполнит... Но так выполнит, что вы потом за голову схватитесь. После его походов на базар в качестве «народного контроля» за обвесом, недомером, нетоварным видом и т.д. отделение захлестнула волна жалоб от разобиженных торговцев. Проверяет степень пропеченности хлеба – сожрет полкаравая, уточняет наличие

спирта в медовухе – вылакает весь жбан, если не отберут. А уж его извечная борьба за качество кислой капусты...

– В общем, слушай, – сурово начал я, – задание твое будет трудным, секретным и опасным.

– Батюшка сыскной воевода, да я... вы ж меня знаете... Живота не пожалею!

– Знаю, слишком хорошо знаю. Поэтому и настаиваю на четком и оперативном выполнении приказа. Никакой самодеятельности!

– Обижаешь, батюшка...

– Выдвигаешься в район базара. Ходишь по рядам, но ничего не трогаешь. Понял? Узнаю, что опять у старушек семечки кланчил, якобы «на нужды отделения», – накажу! А задача твоя – всех обойти, по всем лавкам побегать и выяснить где, когда, по какой цене можно приобрести следующие товары: первое – ткань черная (шелк, ситец, бархат); второе – кожа черная (сафьян, хром, кирза).

– Осознал, – серьезно кивнул он. – А ежели я...

– Нет, покупать ничего не надо, спросишь и уходи. Бумагу, карандаш и сумку получишь у Яги, непосредственно перед выходом на задание.

– Уловил. Вот только...

– Нет, образцов не воруй, мне их сюда тащить незачем. Еще вопросы?

– Дык... ясно, не лыком шиты. Значитца, коли я...

– Митька, только попробуй! Подозрительным продавцам руки за спину не крутить и в отделение ко мне через весь город не волочь... Во всем прочем – действуй по обстановке. Главное, не привлекай особенного внимания.

Митяй тяжело вздохнул, развел руками, попытался козырнуть, притоптывая лаптями, и повернулся к Яге. Та достала большую холщовую сумку, сунула в нее лист бумаги и новенький карандаш, после чего от щедрой женской души бросила туда же два яблока и повесила парню на шею.

– Ты уж смотри там. Задание у тебя больно серьезное, не подведи нас с участковым.

– Не робей, бабуля, справимся! Но ежели что... уж ты мамане моей на деревню-то сообщи. Так, мол, и так... смертью храбрых... на боевом посту... Можно, я напоследок бублик с собою возьму? Все не так страшно пропадать во цвете лет...

– Бери, бери, родимый, – всхлипнула бабка, но уже через секунду поняла, что, собственно, происходит. – Ах ты, вымогатель паршивый! Телок беспардонный! А ну, марш на работу и чтоб духу твоего здесь не

было!

Митяй вовремя шмыгнул за дверь, и Яга поставила ухват на место.

– Совсем заболтал старую... А что, Никитушка, мы-то с тобой чем займемся?

– Рутиной, – вздохнул я, выглядывая в окно. – Вон Еремеев пожаловал, надо доклад принять. Сделайте нам чайку, пожалуйста.

Старший стрелец, Фома Еремеев, был немного моложе меня, но для солидности холил короткую бороду, а в начальники выбился благодаря личной храбрости и уму. Парнишка был поповского рода, но не пошел по родительским стопам, а сделал ставку на армейскую карьеру. По службе мы сдружились, и я всегда угощал его чаем.

– Что нового в городе?

– Жизнь течет, – философски отвечивал стрелец.

– А не было ли за последнее время каких-то подозрительных лиц?

– Народу много шастает, на то мы и столица. Тока если ребята начнут всех подозрительных хватать – у нас тюрем не достанет.

– Логично... – признал я.

– Али случилось чего? – Фома отодвинул чашку.

– И да и нет... Купцы пожаловались, будто у них черная ткань пропала, вот я и спросил. Так, на всякий случай...

– Да уж... ежели бы конь пропал, золото какое, а то тряпки. Обыскивать всех, что ли?

– Нет, конечно. Просто, если где всплывет рулон-другой, дай мне знать. Договорились?

– По рукам, участковый!

Вот с такими людьми и работать приятно. Однако на самом деле больше заняться было абсолютно нечем. При отсутствии какой-либо информации строить версии на пустом месте просто глупо. Похоже, Ягу съедала та же скука, мы на пару уселись за стол, и только тогда бабка дала выход своим сомнениям:

– Думала я, думала и вот что тебе, сокол ясный, скажу: ничего я не поняла! Зачем вору надо было ткань красть? Добро бы одну штуку, а то ведь все подчистую со склада умели. Чего с ней делать? Продать? А кому столько тряпок да кожи надо? Да ведь еще все сплошь черное...

– Это меня и смущает, – признался я. Абсолютная бессмысленность кражи. – Черный цвет у вас не в моде. Вот гробовщик захотел купить, так заказывать пришлось, в лавках не было. Почему вор не взял цветные ткани? Там, наверно, были и ярче, и дороже. Какой смысл в похищении именно черных?

– Вот и я о том же... И знаешь, беспокоит меня это, Никитушка. Прав ты был, надо завтра же на склад армянский идти, там ответ искать. Не нравится мне это дело. Помяни мое слово, добром оно не кончится.

– Ладно... На первый взгляд – ничего особенного, не будем нагнетать обстановку. Однако Митька задерживается... В Лукошкине не больше тридцати мануфактурных лавок, супермаркетов и универсамов в помине нет, где ж его черти носят?

Как бы в ответ на мой вопрос в ворота забарабанили. Яга пошла разбираться, а я бессмысленно мерил комнату шагами – черный цвет никак не хотел меня отпускать. Казалось, что я упустил что-то безумно важное, и, если бы только понять, почему именно черный, все стало бы легко и просто.

– Никитушка, тут к тебе...

В горницу вошли четверо купцов, судя по костюмам и лицам – все выходцы из Средней Азии. Самое трогательное, что трое держали в горизонтальном положении свернутый персидский ковер, с одной стороны которого почему-то торчали лапти сорок пятого размера.

– Да хранит Аллах тебя и твое управление, уважаемый участковый, – вежливо поклонились все, но говорил один, маленький, худой, в полосатом жилете и тюбетейке. – Мы люди не местные, приезжие, всех законов не знаем, но уважать очень стараемся. Вот шпиона поймали – тебе принесли. Благодарить не надо, подарков не надо – мы милицию очень любим.

Трое азиатов раскатали ковер, из которого вывалился... Митька! Собственно, кого еще я ждал?

– Шпион?

– Совсем шпион, гражданин начальник. Вокруг моего каравана целый час ходил, тюки смотрел. Я за ним Абдуллу послал, Абдулла говорит – шпион везде ходит, все смотрит, по-человечески не понимает, на бумажку пишет. Сам посмотри!

Я взял измятый лист, обильно исчерканный Митькиными каракулями, чертыхнулся про себя, а купец воодушевленно продолжил:

– Как одет! Разве честный гражданин так ходит? Шпион и есть! Мы его вежливо, как человека, спрашиваем: ты шпион? Молчит. А борода фальшивая! Вот, тебе принесли, начальник. Всего его забирай, нам даром не надо...

– Большое спасибо! – решился я, вставая из-за стола и пожимая всем четверым руки.

Улыбаясь и лопоча, купцы удалились. Настало время разборок...

– Бабуля, там у нас стрельцы не проходили? Надо сдать задержанного в тюрьму.

– Чего? – не понял Митька, сидящий на полу и завязывающий лапоть.

– Как скажешь, Никитушка, – подмигнула мне Яга. – Ах ты ж, напасти какие... Шпионы расползлись, как тараканы поганые! Всенепременно надо в тюрьму, там уж с него спросят...

– Да вы что?! Баба Яга! Никита Иванович! Вы что ж, не признали? Это ж я – Митька!

– Кто? – сощурился я. – Вы, гражданин, здесь горбатого не лепите, у нас с военными разведчиками разговор короткий – за уши и к стенке!

– А еще честным именем сотрудника милиции прикрывается, – возмущенно поддержала Яга, – Митька, говорит, я! Да ты нашего Митеньку в глаза-то видел? Он парень молодой, ни усов, ни бороды не носит, ликом светел и одет по-русски. А теперь на себя посмотри, нехристь басурманская!

Бедолага встал и торопливо ощупал себя со всех сторон. Потом до него дошло... Он сорвал с головы пестрый тюрбан, почему-то украшенный турьими рогами, сбросил с плеч большой мешок из-под муки с прорезями для рук и головы, снял непонятный платок, обернувший его бедра, как клетчатая шотландская юбка, стер подолом рубахи слой дегтя с лица и окончательно отлепил полуоторванную бороду из лисьего меха.

– Вот он я!

Под нашими тяжелыми взглядами Митька неуверенно потоптался и пустился в торопливые объяснения, не дожидаясь законных вопросов:

– А че я? Че сразу я? Вы ж сами сказали – «не привлекая внимания». Так мою рожу каждая собака в Лукошкине знает. Козе понятно, что, раз человек из милиции интересуется, значит, дело уголовное. Рази ж тут кто правду скажет? Ну вот, переоделся. Сам от купцов заезжих слышал, будто страны есть, где люди черны, аки бесы! Ну, я и... дегтем лицо и руки... слегка того... Костюмец подобрал, опять же, чтоб не узнали. Да ежели б энти узкоглазые меня палкой по затылку не шарахнули, я б их сам всех в один ковер запихал и узлом завязал на память!

– Митька, – еле выдохнул я, почти умирая от хохота, – а рога бычьих какого лешего к тюрбану присобачил? Негры, они, конечно, черные, как бесы, но безрогие, честное слово...

– Правда? – искренне огорчился он. – А я уж думал еще и хвост сзади привесить... Не рискнул, мальчишки б засмеяли.

– Ладно, – отдышались мы с Ягой. – Судя по всему, внимания к операции ты не привлек. Теперь покажи, Христа ради, чего ты тут

накалякал?

– Где? Дык... писал я тут. Не видно разве? Даже обидно как-то... Вот ведь нормальными буквами, разборчиво: «ничавонетутиисшоулафкахтоженету».

– Бабуля, это кто ж его, молодца, так грамоте обучил?

– Знамо кто – Филимон, дьяк думского приказу. После дела царского они, почитай, неделю безвылазно в его домишке сидели. Ты ж сам приказал, чтоб он премудрость эту книжную, как там... форсировал! Вот он и подошел со всем старанием...

– Ясненько... Ну что ж, шпион африканский из дружественной Нигерии, марш в баню! Как отмоешься, иди спать, устный доклад отложим на завтра.

К себе наверх я поднимался с тяжелым сердцем. Можно ругать Митьку за все грехи, но одно ясно без проверок: если он ничего не нашел, то в городских лавках черного материала нет! Толкнув дверь, я шагнул в свою комнату, и... кто-то сзади набросил мне что-то на голову и стал душить. Нападающий явно превосходил меня силой и весом, так что перебросить его через себя мне не удалось. Уже тускнеющим сознанием я сообразил прекратить бессмысленную борьбу с зажавшими мое горло лапами и, опустив левую руку, резко ударил противника в пах. Я попал туда, куда надо... Нападавший охнул и ослабил захват. Я вывернулся, кое-как сорвал с головы кусок мокрого шелка и, едва не падая, повис на двери. В слабом лунном свете была видна массивная мужская фигура, скрючившаяся в углу. Внезапно человек поднялся, блеснула узкая полоска стали, но он напрасно решил, что все будет так просто. Оттолкнувшись левой ногой от порога, я повис на руках, и, используя силу движения двери, ударил врага пяткой в грудь. Мужчину снесло к окну, через которое он и вылетел с торжественным звоном!

– Никитушка! Что с тобой, касатик?! – Ко мне бежала перепуганная бабка с ухватом наперевес.

– Все... нормально... – слова давались с трудом, видимо, негодяй все-таки сильно пережал мне горло.

Яга все поняла без слов, быстро осмотрела спальню, ткнула ухватом под кровать и высунулась в окно.

– Убег... – с сожалением доложила она. – Что ж это такое деется? Из-за каких-то тряпок на самого участкового злоумышленничать надумали... Не дело это. С утра потребую, чтоб наряд стрелецкий цельные сутки, в две смены, терем наш от злодеев охранял!

– Терем им не нужен. Им нужен я... почему?

– Нет уж, милоч! – строго заявила Яга. – В прошлый раз, чтоб до тебя добраться, шамахань дом мой жгли, красного петуха пускали. А в энтот раз чего удумают? Ну как порохом взорвут?!

– Уф... прямо какие-то арабские террористы... Что это?

– Где?

– Да вот. – Я поднял с пола кусок черной материи. – Шелк. Он набросил мне это на голову. Между прочим, цвет тот самый, как в ориентировках по поиску похищенного товара.

– Ну и что с того?

– Не знаю. Пока не знаю. А Митька где?

– В бане, где ему быть, – пожала плечами разгоряченная старушка. – Дак... и вправду, чей-то долго его нет... Не случилось чего?

Мы поспешили вниз. Баня находилась во дворе, рядом с порубом. Судя по луже воды и следам сапог, здесь тоже не обошлось без покушения. Боже ты мой, если они ему хоть что-то сделали! Я рванул дверь баньки. Показалось густейшее облако пара, и грозный Митькин голос визгливо проорал:

– Не подходи! Живым не дамся!

В то же мгновение на нас с Ягой выплеснулся целый жбан кипятка! Как мы умудрились отпрыгнуть в стороны – ума не приложу. Мне, человеку молодому и тренированному, это далось с трудом, что уж говорить о бабкином прыжке с кувырком-переворотом...

– Митька, дубина! Не дури! Это я, слышишь.

– Ба... воевода-батюшка? – недоверчиво спросил он, и из облака пара вышел красный, как вареный рак, наш вымытый сослуживец. Он прикрывался деревянной бадейкой и выглядел несколько напуганным.

– Что случилось?

– Так и я о том же спросить хотел. Случилось чего?

– Давай первый рассказывай.

– Че ж тут скажешь? Моюсь, согласно вашим начальственным указаниям. Вроде кто-то в дверь – шась! Я смотрю – мужик, весь в черном, глаза злые, а в руке ножик. Так, думаю, не колбасу он сюда резать пришел. А зачем? Ну, спрашивать не стал, просто дал ему, вон, шайкой по зубам – он за двери и выпал. Я – к котлу с кипятком, полную бадью зачерпнул, жду... тут дверь опять открывается. Ну и все... я как... а это вы... Предупредить же надо!

– Вот мы и бежали, чтоб тебя, дурака предупредить, – заворчала Баба Яга, она уже дважды поднималась из горячей лужи и дважды поскальзывалась вновь. На третьей попытке она плюхнулась и разразилась

полновесной бранью, так и сидя в грязи: – Что ж ты, охальник, на пожилых людей кипятком-то плещешь? Мало тебя не пырнули, мало Никиту Иваныча не придушили – так то хоть враги! А на меня что ж, свои же сотрудники покушения устраивают?!

Мы кинулись спасать рассерженную старушку. Митька, отбросив шайку, шагнул шире, чем я, и легко поднял Бабу Ягу. Но, узрев перед собой голого мужчину, моя домохозяйка аж побурела и возопила как резаная:

– Пусти, бесстыдник!!! Хоть бы срам ладошками прикрыл!.. Да я из тебя!..

Договорить бабке не удалось, Митька послушно разжал руки, и Яга вновь грохнулась в лужу! Грязь так и брызнула взрывом во все стороны. Теперь уже мы все трое были «чистыми», как чушки.

– Ирод... – тихо и со значением произнесла бабка.

Я деликатно поставил ее на ноги. Митяй не нашел ничего умнее, как поклониться нам до земли и, сверкая голыми ягодицами, упрыгать назад в баньку.

– Иди и ты с ним, касатик. Чистое белье я принесу. С тер... как это? террористами твоими завтра разберемся, есть у меня одна задумка. Утро вечера мудренее...

До завтрака Яга хранила таинственное молчание. После чая она села напротив меня и сама начала серьезный разговор:

– Вот что, Никита Иванович, ты у нас начальник, тебе и решать. А только я, старая, одно предложение имею. Хочу на операцию пойти.

– Что-нибудь серьезное? – встревожился я. – В вашем возрасте ложиться на стол к хирургу – дело рискованное. Кто оперировать-то будет?

– Оперировать? – не сразу уловила бабка. – Ну, я ж говорю, ты начальник, ты и оперируй!

– Я?!

Похоже, мы действительно не понимали друг друга. Выдержав долгую паузу и сложив в уме два и два, я понял... Поэтому постарался сделать серьезное лицо:

– Итак, каков же план вашей операции?

– Хочу я тех варнаков найти, что на вас с Митькой вчера злоумышленничали.

– Мысль дельная. А как? Кота по следу пустим?

– Нет. Вот смотри, я стеклушки под окном подобрала. Видишь, вот на этом и этом кровь запеклась. Видать, порезался, вражина... А вот и зуб коренной! У самой баньки, в грязи валялся. Напарник-то твой хвастал,

будто бадейкой злодею по мордам угодил? Так и есть, вот она, улика-то, зуб выбитый. По ним и найдем.

– М-м... весьма проблематично... В Лукошкине народу завались, если стрельцы начнут хватать всех беззубых или с порезом на пальце, то у нас поруба не хватит. Да и как идентифицировать группу крови на стекле с группой крови подозреваемого? Здесь нужна профессиональная медицинская экспертиза.

– Запутал ты меня... – поморщилась Яга. – Замудрил совсем словами своими учеными. Об эк...пертизе (прости ее, Господи) вашей я отродясь не слыхивала, а вот на крови человеческой завсегда поворожить можно. Прикрой-ка дверь да Митьке скажи, чтоб не пускал никого, – я колдовать буду.

На самом деле в этом нет ничего особенно интересного, Яга колдует по старинке. Технических приспособлений – минимум, химикатов никаких, но разных ингредиентов, типа сушеных ящериц, лягушачьей икры, куриного помета и прочей дурно пахнущей прелести, – в избытке. Все по баночкам, по горшочкам, по коробочкам, на специальных полочках, чтоб с кулинарными специями не перепутать. А то еще всыплешь ненароком в суп вместо перца толченые мышинные мозги...

– Кровь, кровь! Руда, руда! На три стороны свет, на четвертую ночь. Из сырой земли точит, точит вода – одолеть ее никому невмочь. Как на крестный ход не звонит звонарь, не разбить ветрам – камень Алатырь... Во степи гора, а на ней алтарь, как на алтаре том лежит Псалтирь. От ее страниц свет по времени, а сама от старости зелена... О хозяине, роду-племени, говори, руда-то, что велено!

За точность текста я ручаюсь, а вот что конкретно и в каком количестве Баба Яга сыпала в это время в глиняную миску, чем заливала, сколько раз плюнула... уже не запомнил. Главное, что после стиха она сунула в это месиво осколок стекла с размазанной капелькой крови, и над мисочкой заиграло розоватое сияние.

– Отвечай мне, кровь человеческая, – чьего ты роду-племени.

– Охранники мы, – тонким голоском пискнула склянка. – Служим у немецкого посла с самого своего рождения, поэтому роду-племени не ведаем.

– А кто твой хозяин, как имя его?

– Посла немецкого? – уточнила кровь.

– Ты мне из себя дуру-то не строй! – прикрикнула Яга. – На фига мне твой посол сдался?! Ты прямо говори – из чьего тела будешь?

– Так и говорю прямо – охранник Ганс Гогенцоллерн.

– Кто?! – обомлел я, не в силах сдержать удивления. – Это не тот Гогенцоллерн, что является высококняжеским родом Германии? Автомобильный магнат, подмявший под себя половину промышленности, блестящий аристократ, еще со времен саги о Нибелунгах, и постоянный претендент на императорский престол?..

– Нет, – хорошенько подумав, решила кровь, – я бы знала. Видимо, однофамилец.

– А зачем же твой хозяин нашего участкового душить удумал?

– Понятия не имею. Я за него не в ответе. Еще вопросы будут?

– Еще че спросить? – просемафорила Яга.

– Какой она группы? – брякнул я первое, что пришло в голову.

В криминалистике очень важно знать правильный состав крови подозреваемого...

– Какой ты группы? – певуче повторила бабка.

– Да вы че?.. – ошарашенно пропищала капля. – Ну и вопросыки, однако... Я что ж, по-вашему, сама себе медицинский анализ делала?!

– Тогда... претензий не имеем, – переглянулись мы.

– Честь имею откланяться. – Розовое сияние исчезло.

– Записать-то успел?

– Естественно... – Я на минуту оторвался от планшетки: – Зуб тоже будем допрашивать?

– А то...

Баба Яга взяла другую миску и повторила ту же процедуру, на этот раз заменяя слова «кровь» и «руда» на «кость» и «зуб». При минимальных исправлениях ритмика стиха не изменилась и определенная напевность была сохранена. Как видите, я тоже стал немного разбираться в колдовстве... С выбитым зубом провели схожую беседу, он отвечал так же охотно, хотя почему-то шепелявил:

– Хозяин мой охранником шлужил у пошла немецкого, а шовут его Шора Шуков.

– Жора Жуков? – Я опять не поверил своим ушам. – Бабуль, а он не издевается над нами?!

– Не посмеет... – отмахнулась Яга. – А что такого, имя как имя...

– Да как сказать... Слушай, а у вашего посла, что вся охрана состоит из таких знаменитостей?

– Не жнаю... Мажепу помню, Бурбонов двое, Романов ешть, Ротшильд, ну и Ху Ши Мин вроде – вам то жачем?

– А вот это не твою ума дело! – обрезала бабка. – Тут мы вопросы задаем. Пиши, Никитушка, все фамилии ихние пиши, потом разберемся.

– Э-э... мужик! – заволновался зуб. – Ты там не укаживай... А то шкажут, будто я опять вшех жаложил...

– Так, значит, были прецеденты? – сощурился я.

– Ничего не жнаю! Я жа хожайна не ответчик...

Когда с допросом было покончено, мы попытались суммировать полученные сведения.

– Итак, удалось выяснить, что двое охранников из штата германского посла (а именно Ганс Гогенцоллерн и Георгий Жуков) совершили акт разбойного нападения на сотрудников уголовного отдела центрального отделения милиции города Лукошкино. Вопросы... Зачем они это сделали? Знал ли об их действиях посол и какова его роль в этом деле? Можно ли из-за куска черного шелка, брошенного преступником, вывести версию о наличии некой связи данного покушения с делом о краже черной ткани?

– Че тут думать-то? Действовать надо! – решительно хлопнула кулачком по столу Баба Яга. – Берем стрельцов и айда в немецком посольстве шерудить. Пусть узнает немчура проклятая, как на нашу милицию рот разевать!

– Не выйдет... – призадумался я. – Посол – лицо неприкосновенное, и двор посольский обладает дипломатической неприкосновенностью. Без ордера на территорию суверенного государства вторгаться не будем, отсюда и до международного конфликта недалеко... Митьку с записочкой к царю отправлю, пусть там оформят все документы, мы после обеда заедем, заберем. А уж вечером, во всеоружии, вежливо заглянем к нашим немецким друзьям.

– Уж больно мудрено, – поморщилась Яга, вставая из-за стола и натягивая душегрейку. – По мне – так пошли бы прямичком и спросили без всяких там... Ну да ладно, ты молодой, тебе видней. Сейчас-то куда идем?

– Все по плану. – Я тоже встал, накинул китель и взялся за фуражку. – А по плану у нас визит на мануфактурный склад гражданина Кирокосьянца А.Д. Ну так что, пошли?

Митька с запиской дунул к Гороху. Его при царском тереме все знали и на аудиенции к царю в прихожих не томили. Я встретил у ворот стрелецкого старшину Еремеева, рассказал о ночном происшествии, наказав поставить у терема охрану и прислать трех стрельцов за нами на армянское подворье. Мы с Ягой неторопливо отправились пешком. В Лукошкине нас узнавали и приветствовали снятием шапок, для простого люда мой мундир был вполне начальственным, хотя и не таким богатым, как, например, у тех же стрельцов.

– Никитушка, а что мы, собственно, у Арона искать-то будем? Ежели недостачу, так он ее, поди, в книгах учетных надежно схоронил. Ежели ткань черную, недосмотренную, так ему всех приказчиков в шею гнать надо. Ежели еще какую преступную деятельность, то... чего нам, делать нечего?

– Мы идем знакомиться, – подумав, решил я. – Это официальная версия. На самом деле меня напрягает не сам факт кражи, а непонятная система исчезновения товара. Вы понимаете, они ведь не первый день замужем, знают, как торговать, как лавку запирасть, как собак с цепи спускать и сторожа на ночь ставить. Причем у армян талант к торговле просто врожденный. Я не понимаю, как у них могли украсть!

– Ежели жулики наши, местные, то и у армян украдут! – убежденно парировала Яга. – Русский человек во всем, что удали касасемо, верх возьмет. Ты б лучше подумал, с чего это на тебя убийца подослал?

– Вопрос, конечно, интересный... А самое главное, ответить на него нечем. Мы же еще ничего не узнали, не развели, не выяснили... и нате вам!

– Никитушка, а может, тебя того... ну, захотели на тот свет отправить только потому, что ты, голубь сизокрылый, вообще за это дело взялся?

Этим она меня срезала. Милицionеров убивают... иногда. Как и полицейских или любых других представителей внутренней власти. К такому печальному финалу нас загодя подготавливало начальство, да и мы сами отлично знали, на что шли. Однако покушаться на участкового еще до того, как он хоть что-то узнал, – это уже беспредел! Дайте бедному милиционеру хотя бы понять, за что именно!

Армянское подворье почти ничем не отличалось от большинства стоящих в Лукошкине зданий, разве что ворота украшала какая-то национальная резьба. Нас встретили вежливо, сразу позвали хозяина, пригласили в дом. Арон Давидович буквально лучился от счастья, называя нас самыми дорогими и самыми любимыми гостями! На мой взгляд – перебор в эмоциях налицо. Как правило, это верный признак нечистой совести...

– А тэперь – за стол! Вэсь дом ужэ сидит, вэсь вино налили, вас ждут. Идем, дорогиэ!

– Нет. Мы к вам строго по делу...

Пока мы препирались с хозяином, бабка быстро шмыгнула в горницу, вернулась и шепотом доложила на ухо:

– Никитушка, там и впрямь вся дворня сидит, стол от закусок ломится, вина полны кувшины. Если на минуточку сядем, аккурат к концу недели и

уйдем...

– Гражданин Кирокосьянц, проводите, пожалуйста, нас на склад.

– Какой склад? Какая служба? Слушай, такие гости...

– На склад, где пропала черная ткань, проводите.

– Ой, куда спэшить? Что он, убэжит, да?! У мэня эсть такое вино...

– На склад нас проводи, чурка бестолковая! – отодвинув меня, грозно рявкнула Баба Яга. – А сам марш за свой стол и пей там, пока не окосеешь! Никитушка, кледай ему пятнадцать суток за противодействие работникам милиции.

Гостеприимный армянин мгновенно развернулся и, как сомнамбула, отправился во двор. Мы – за ним. Открыв два висячих замка на большом сарае, он вновь развернулся и, также не говоря ни слова, ушел в дом.

– Это, как я понимаю, склад?

– Он и есть.

Все помещение было доверху набито товаром: ткани, шерсть, тюки с ватой, отдельно – связки кож и меха. Пока Яга находилась внутри, я внимательнейшим образом осмотрел помещение снаружи – никаких следов подкопа, взлома, тайного лаза – ничего. Как я понял, и у Яги негусто.

– Вот тут она лежала, ниточки черные к стене прилипли. А насчет способа, так я тебе так скажу, не крали ее, а сколданули!

– Как это? – не поверил я.

– А просто сидел кто ни есть у себя дома, книгу волшебную взял, заклинание прочел, и весь товар из лавок у его носа в сей же час и очутился. Сколданул он его, значит. Так что улик нет.

– Хорошенькое дело... Это что же, каждый, кому взбрдет, такое может?

– Не каждый. На то книга нужна, не простая, а черная. И читать ее надо умеючи, а то и одного слова не произнесешь – замертво свалишься. Не простой человек тут орудовал, а колдун могучий! Нелегко будет с ним справиться...

– Ну, если колдун... Тогда понятно, почему исчезла именно черная ткань, – вслух поразмыслил я. – У него с головой не все в порядке, может, в детстве ушибся, может, в юности мухоморов переел... Ничего не мог умнее придумать, как в столичном городе у купцов со склада тряпки таскать. Черные! На носовые платки, что ли?

– Не смешно, – сухо откликнулась Яга. – Пошли отсюда, слышь, уже поют.

Из терема действительно доносились чистые звуки сложенного многоголосья. Пели, по-моему, «Аршин малалан», но не буду утверждать

наверняка. Поманив к себе какого-то горбоносого паренька, мы объявили об уходе, попросили извиниться перед хозяином и не забыть запереть склад. Мальчик кивал не переставая...

Митьку со стрельцами мы встретили на улице. Наши первоначальные планы несколько изменились – царь разрешения на обыск посольства не дал, а потребовал, чтобы я сей же час предстал пред его светлые очи. На самом-то деле Горох вполне доверяет мне, как профессионалу, но иногда, со скуки, пытается изобразить из себя опытного оперативника на пенсии и «координирует мои действия». Это смешно и трогательно, хотя в его присутствии я стараюсь не хихикать – царь все-таки...

На входе в государевы палаты нас встретил думный дьяк Филимон Груздев. Его простили, восстановив в должности, и теперь он относился к милиции с необыкновенным почтением. По крайней мере при царе...

– Ба, Никита Иваныч пожаловали! Ну, здравствуй, здравствуй, свет ты наш участковый! И вам поклон, бабушка! И тебе привет, Митенька, что ж ты, стервец, второй день уроки прогуливаешь?!

– Заняты мы, Филя, – ответила за всех Баба Яга. – Проводи-ка нас к царю, да не болтай без дела.

– Конечно, конечно... Как можно? Да рази ж мы без понятия? Соображаем, что вам секретность тайную соблюдать надо... А что за дело-то?

– Секретное, – еще раз повторил дьяковы слова старательный Митька, зажимая священнослужителя пузом в угол. – Никита Иванович, вы идите, а мы уж тут... алфавит хором поразучиваем.

– Куды? Без меня? – метался дьяк, безуспешно пытаясь выпрыгнуть. – А я? Да как же... Нельзя ж... без доклада!

У тронного зала нас с Ягой встретили царские стрельцы. Вся стража сразу заулыбалась – помнила наш совместный бой за государевым тронном.

– Проходи, сыскной воевода, ждут тебя.

– Давай, касатик, уж ты там разберись. Да помягче, поспокойней с Горохом-то, не ровен час, осерчает – уволит тебя под горячую руку. Я уж тут, у окошечка подожду...

– Здравия желаю!

– Здрав и ты будь, участковый. Ну-козь, садись да обскажи мне обстоятельно, чего вы там с благородным купечеством удумали?

Горох старше меня на несколько лет, горяч, но отходчив, храбр, по-своему справедлив и для своего шестнадцатого века человек очень прогрессивных взглядов.

– Дело пока не особенно интересное... – задумчиво начал я. – Двое известных торговцев, граждане Аксенов и Кирокосьянц, подрядились доставить определенное количество черного материала по предоплате некоему Шмулинсону. Купцы они известные, оба не один год в бизнесе, партнерством проверены и друг друга ни в чем упрекнуть не могут. Однако если вечером были переведены деньги, то утром оплаченного товара на складе не оказалось. Он таинственным образом исчез...

– Дак... это тот Шмель... Шмуль... он, в общем, сам его и покрал! – воодушевленно хлопнул себя по колену государь.

– Хорошая версия, но, боюсь, притянута за уши. Зачем Шмулинсону красть собственный товар, если он за него уже заплатил?

– Так в чем и весь хитрый план... Он, вишь, и материю себе забрал, и деньги назад с купцов честных слупить хочет. Да точно тебе говорю – Шмулинсон и спер! Все они, Шмулинсоны, такие...

– О господи боже, что-то вас сегодня переклинило на антисемитизме. Разрабатываете новую концепцию «русской идеи»?

– А ты в мою политику не лезь!

– А вы в мою милицию лезете?

– А на то я и царь! Мне на роду написано всеми делами в государстве интересоваться, тем паче – уголовными. Ну, ладно... че там дальше-то было?

– Было покушение на меня и моего сотрудника, но мы с Митькой отбились. Обоим злоумышленникам удалось бежать. По следам крови и найденному зубу Бабе Яге удалось идентифицировать личности преступников.

– Кто посмел?! – грозно взревел Горох.

– По нашим сведениям, это некие Ганс Гогенцоллерн и Георгий Жуков, оба работают в штате охранников немецкого посла.

– Ешкин кот, – недобро процедил царь, сурово сдвинув брови. Мгновением позже он резво вскочил на ноги и громко топнул: – Стража!

– Здесь, ваше царское величество! – разом влетели стрельцы.

– Немецкий посол еще тут?

– Так точно, во дворе, в карету садится... – пояснил один. – Видать, домой к обеду спешают.

– Вертать взад! – рявкнул Горох. – Сейчас он у меня здесь... откушает! Посла со всем надлежащим уважением внесли уже через пару минут, хотя он грязно ругался и отбрыкивался.

– Доннер веттер! Дас ист дойчер дипломат! Русиш швайн! Думкопф!

– А-а... кто к нам пожаловал! – игриво улыбнулся Горох, сходя с трона

и гостеприимно распахивая руки. – Кнут Гамсунович Шпицрутенберг, собственной персоной! Входи, входи, дорогой посол немецкий... со стрелецких-то ручонок прыгни, чай не дитя малое, чтоб с тобой цацкались!

– Ваше царское величество... – Посол мгновенно изобразил изящный европейский поклон.

Господин Шпицрутенберг оказался долговязым и сухопарым немцем, скупой точностью движений напоминающим циркуль, в лиловых штанах, в камзоле с несчетным количеством пуговиц, чулках, башмаках, как у Гулливера, и длинном парике, болтающемся, словно уши спаниеля. По-русски говорил необычайно чисто, без малейшего акцента:

– Чем я могу служить русскому государю?

– Да так, мелочь суцая... Скажи-ка, мил человек, охрана твоя, что при слободе немецкой, не слишком велика ли?

– Я имею столько стражей, сколько достойно иметь представителю великой державы, – высокомерно вытянулся посол. – Лично мне, для обеспечения собственной безопасности, не нужен ни один. Я вполне обхожусь собственной шпагой.

– Да неужели? Так сколько, ты говоришь, при тебе солдат?

– Всего сто человек, считая конюхов, егерей, лакеев, поваров, портных, кюре, кузнеца и брадобрея. Я сам очень скромн в притязаниях, но положение обязывает...

– Кнут Гамсунович, видать, никак ты меня понять не хочешь... – сокрушенно проворчал Горох. – Уж который раз спрашиваю, охранников у тебя сколько?

– Десять, – сухо выдавил посол. – Если ваше величество сочтет их число чрезмерным, я охотно повешу шпагу на стену и полностью доверю собственную охрану вашим стрельцам.

– Ну, спасибочки за совет... Может, и вправду усадить тебя, от греха подальше, в палаты каменные, стрельцов приставить да охранять посменно, чтоб носу никуда не высунул!

– Что это значит?! – взвизгнул немец.

– А ты мне тут голос не завывай! – грозно поднимаясь на цыпочки, прорычал Горох. – Я ведь не посмотрю на твою европейскую дипломатию – самолично по шеям надаю и с лестницы спущу!

– Мой государь Фридрих...

– А вот твоему Фридриху дулю с маком! Не нравится?! Другого посла пришлет. Не хочет?! Чихал я на его эмбарго, обойдусь и без немецких сосисок!

– Но... такой разрыв дипломатических отношений... это же оскорбление на международном уровне! Европа не допустит...

– Что-о-о?! – Государь в праведном и совершенно неуправляемом гневе подпрыгнул, поймал полномочного представителя за пряди парика и притянул нос к носу. – Так ты, немчура австрийская, мне войной грозишь? Мало мы вам прошлый раз под Ревелем навтыкали?! Еще захотел? Так я тут сейчас и начну...

– Ваше царское величество! – не выдержав, вмешался я. – Ну нельзя же так, в самом деле... отпустите посла, мне с ним живым поговорить надо.

– Не лезь, участковый!.. – сопел царь. – Зашибу...

– Посажу на пятнадцать суток за хулиганство и сопротивление работникам милиции! – твердо пообещал я, вставая между драчунами и распихивая их в стороны.

Оба активно упирались. Посол молча тянул к себе парик, а Горох ни в какую не хотел его отпускать. Победило русское самодурство. Государь удовлетворенно откатился, завладев отвоеванным париком, а немец оскорбленно дернул коротко стриженной макушкой.

– Так... все довольны? Как петухи, ей-богу... Наигрались, и хватит! Гражданин Шпицрутенберг, у меня к вам пара вопросов...

– Я не буду отвечать, пока...

– Фигу! Фигу тебе с маслом!

– Ваше величество... – Я требовательно протянул руку.

– Не отдам! – надулся Горох.

– Нехорошо...

– Все равно. Не отдам!

– Стыдно... И принесите извинения Кнуту Гамсуновичу за необоснованные обвинения.

Некоторое время царь и посол еще прожигали друг друга обиженными взглядами, потом парик переключал к немцу и противники молча пожали друг другу руки.

– Итак, если инцидент исчерпан...

– С кем имею честь? – перебил дипломат.

– Ивашов, Никита Иванович, начальник лукошкинского отделения милиции, – представился я. – С вашего позволения, хотел бы выяснить, не входят ли в штат охранников некие Ганс Гогенцоллерн и Жора Жуков?

– Да, эти храбрые парни служат у меня.

– Вам известно, где они провели прошлую ночь?

– Я не в курсе... – Он недоуменно пожал плечами. – Обычно мой дом

охраняется четырьмя стражниками, на ночь заступают другие четверо. Признаться, я не помню, в какую смену дежурили эти двое, а чем вызвано...

– Да, вишь, твои «храбрые парни» вчерашней ночью на участкового моего напасть посмели! – вновь воодушевился Горох. – А ты, Кнут Гамсунович, и знать ничего не знаешь... Это что же получается? Дипломатия спит беспробудно, а за ее спиной ее же защитнички дела уголовные вершат... на мою милицию лапку задирают?! Не позволю!

– Но... я... прошу поверить... слово честного немца, если они виноваты... я сегодня же разберусь с мерзавцами! – воспрянул посол. – Господин милиционер, я буду просить вас немедленно отправиться со мной в слободу и лично, в моем присутствии допросить обоих! Если будет хоть тень сомнения в их невиновности, я тут же передам предателей в руки правосудия.

– Ну вот, другое дело... – ласково заключил царь. – Вот теперь – ты мне друг! Давай обнимемся и все забудем. Хоть ты и немец, а все-таки порядочный человек...

В само посольство мы выбрались уже к вечеру. Горох, по широте души легко переходивший от шумного гнева к щедрой любви, приказал накрывать столы и праздновать победу дипломатии. После третьей посол окончательно размяк, все простил и пил с царем на брудершафт, клянясь в вечной дружбе. Русский и немец – братья навек! Я ухитрился избежать возлияния, для службы нужна трезвая голова. Вышел к Яге, пояснил обстановку, потом договорился насчет стрелецкого эскорта. Если уж эти двое решились напасть на представителей милицейского управления, то уголовники они матерые. На всякий случай стоило оцепить всю немецкую слободу, а это не менее двух кварталов. Одной еремеевской сотней не обойтись...

Митька с присмирившим дьяком сидели во дворе, у конюшни, старательно горланя в два голоса:

Аз есть Арбуз, Арап, Армяк.
А Буки – Бредни, Бор, Бардак.
Есть Веди Вор, Весло, Варнак.
Глаголь – есть Гвоздь, Гумно, Гусак.
Добро – Дубина, Двор, Дурак...

Таким нехитрым способом дьяк Филимон учил своих подопечных азбуке. Оригинальный стихотворный текст принадлежал ему же, правда, на мой взгляд там было слишком много ругательств, но ни учителя, ни ученика это ни капли не смущало, и Митяй с воодушевлением продолжал:

Мыслете – Мымра, Море, Мир.
Покой есть Плут, Полено, Пир.

– Сожалею, что вынужден прервать ваши интеллектуальные занятия, но нам пора.

– Дак... мы ж не все буквы еще повторили, – заспорил было дьяк, но я проявил твердость:

– Завтра. Сегодня Дмитрий нужен мне как свидетель, необходимо провести очную ставку и опознать преступника. Завтра обещаю отпустить его на полдня для восполнения пробелов в чистописании. Напомните ему, что слова в тексте надо разделять, а каждое новое предложение начинать с заглавной буквы. Пошли, напарник...

Немецкий посол вышел от царя приплясывая, но своим ходом. Видимо, он уже не первый год осуществлял дипломатическую миссию в Лукошкине и был тренирован в таких делах. Для иностранца держался просто молодцом... Великолепный фореитор подал карету к самому крыльцу, мы четверо заняли места, я с послом, Митька с Ягой. Всю дорогу хранили вежливое молчание. Кнут Гамсунович нюхал какую-то соль, чтобы выветрить алкоголь из головы, а я размышлял о том, намного ли мы продвинулись в следствии. Выходило, что ни на шаг. Только больше запутались. Вылезли колдуны, нуждающиеся в черных тканях, охранники немецкого посла, хлебосольные армяне, и ни малейшей зацепки по самому существу дела. Похищенного-то как не было, так и нет. Надо бы не забыть завтра вызвать в отделение этого новоявленного гробовщика-менялу. Побеседовать о причинах непонятной доверчивости. Еврей дает армянину деньги и верит на слово в то, что русский товар уже привез, но взять можно только завтра! Подозрительно, да? Интуиция говорила мне, что стоит поглубже копнуть в этом направлении.

Немецкая слобода поразила прежде всего чистотой и аккуратностью. Судя по всему, дворы и дома ежедневно просто мыли с мылом! Стерильность прямо-таки умопомрачающая... Идя по чистеньким гаревым дорожкам, Яга только завистливо цокала языком, а Митька фыркал, бормоча под нос что-то квасно-патриотическое. Нас встретили вежливо-

корректные лакеи, сопровождали в дом. Десяток стрельцов последовал с нами, десяток остался во дворе, больше сотни, как и договаривались, оцепили слободу. Кнут Гамсунович дал конкретные указания, поэтому никто не нервничал, все проходило без суеты и паники, в атмосфере законопослушания и полного подчинения начальству. Усадив всех нас в своем кабинете, немецкий посол велел подать кофе и немедленно пригласить к нему требуемых лиц. Яга с Митькой от угощения отказались, а я с таким восторгом выпил чашечку, прилагая всю силу воли, чтобы не попросить еще. Кофе! Господи, ну как же я не догадался поинтересоваться у иностранных посольств. Их ведь в Лукошкине не меньше пяти. Купцы иноземные кофейные зерна, конечно, не завозили, а вот в немецкой слободе – пожалуйста, есть! По моей просьбе, для чистоты эксперимента, все десять телохранителей были вызваны, построены в ряд, и Митька придирчиво осмотрел каждого, медленно гуляя туда-сюда. Потом неожиданно развернулся и, схватив за грудки рослого крепыша с бесцветными глазами, громко потребовал:

– Так, быстро, без размышления, повтори – слон сосал соску!

– Нихт ферштейн, – не разжимая зубов, напряженно прошипел немец.

– Ах, не ферштейеешь, – обрадовался Митяй. – Он это, Никита Иванович, он! А ну, покажи зубы! Зубы покажи, кому говорят... О, вот! Нет у него зуба, что я говорил! Братва, вяжи злодея!

Посол сурово кивнул, и стрельцы взяли парня под стражу. Мне было намного сложнее, я ведь не видел своего врага в лицо. Было слишком темно, а по силуэту много не скажешь, но у одного охранника половина лица красовалась в свежих порезах, как у Шарапова.

– Ганс Гогенцоллерн?! – утвердительно спросил я.

Немецкий посол подумал и снова кивнул.

– Остальные свободны. Благодарю всех и приношу извинения за то, что оторвал от дела.

Прочие восемь молча кивнули, и по-военному развернувшись, вышли, не задавая вопросов.

– Они оба ваши, – подтвердил Кнут Гамсунович. – Надеюсь, вы упомянете его величеству о моем полном содействии властям?

– Всенепременно.

Я обернулся к двум равнодушно ожидающим охранникам:

– Ну что, граждане... вы задержаны по подозрению в нападении на работников милиции. Если у вас имеется алиби, какие-нибудь смягчающие обстоятельства, вопросы или протесты, то лучше заявить об этом сейчас, чем через пару часов в пыточной башне.

– Нихт ферштейн. – На лицах подозреваемых не дрогнул ни один мускул.

– В отделение обоих. Вот ключи от поруба, на данный момент он пустует. Сунете вниз, поставите охрану, дождетесь меня, мне еще надо кое-что уточнить.

Стрельцы поняливо кивнули и увели преступников, Яга с Митькой вышли во двор, а я намеренно задержался у посла.

– Кнут Гамсунович, давно хочу спросить... Вот вы – немец, сколько я слышал о Германии – порядок у вас в стране есть. А мы в России, что у меня, что здесь, живем в каком-то непреходящем бардаке. То ли с властителями не везет, то ли природа у нас такая... И ведь народ-то талантлив без меры, душой богат, руки золотые, потенциал огромный, а вот... никак.

– Да, да, мой друг... У вас удивительный народ, совершенно замечательный народ...

– И я о том же... Но вот ведь смотрю, даже по вашей немецкой слободе – все чистенько, вылизано, мужчины и женщины ходят выглаженные, вежливые. Детишки во дворе в белых воротничках и фартучках играют. Мусора нет, шелухи от семечек не видать, пьяные под заборами не валяются... Одним словом – культура. У нас этого нет, а у вас – есть. Почему? Что нам с Россией делать надо, чтобы страну из хамства вытащить?

– Пороть, – ласково и убежденно пояснил немец. – Пороть ежедневно. За провинность и в качестве назидания. Только так!

– Чего? – не понял я. – Как это – пороть?

– Как мы порем. Вот у нас в слободе утро начинается с порки. В шесть утра общий подъем, хоровое пение гимна Германии, а потом специальная зондеркоманда ходит по домам и проверяет, где мусор, где шум, где недозволенные речи, где просто пели с недостаточным почтением... Виновных там же на месте и порют. С утра десять шпицрутенов. За невымытые окна – двадцать, за грязь на улице – двадцать пять, за неопрятный вид – десять, за более серьезные проступки – до ста, за детские шалости – не больше пяти – мы же не звери...

Я вышел от него с больной головой и вздыбленными волосами. Слов не было... Фашист! Фашист натуральный! Да пусть нам по гроб жизни не быть в Европейском союзе, чем входить в него на шпицрутенах и детских слезах...

– Никитушка, ты че смурной такой?

– С немцем поговорил... о том, как нам благоустроить Россию.

– Да ты что?! Рази ж можно? Они ж, стервецы, отродясь ничего путного не посоветуют!

– Я бы не сказал... В моем мире немцы очень много сделали для приютившей их страны – Крузенштерн, Белинсгаузен, Клодт, Штильмарк, Блюхер...

– Как, как, Никита Иванович? Блю... кто?

– Иди ты, Митька! На два шага вперед! Не к Филимону тебя в обучение сдавать надо было, а в немецкую слободу. За неделю бы человеком сделали.

– Не сердчай на него, Никитушка, он по глупости, не по злобе... – вновь вмешалась бабка. – А только пока ты с послом о политике беседовал, я тут у обермейстера насчет субчиков наших уточнила. Не было их на дежурстве в ночь! Якобы у себя в казарме спали. Им, вишь, и в голову не приходит, чтоб кто-то самовольно из казармы ночью ушел. Че с них взять, немцы...

Уже темнело. Фонарей на лукошкинских улицах не предусматривалось, но пару раз попадавшиеся на пути стрелецкие дозоры радушно предупреждали, что в городе все спокойно. За поворотом темнел двухэтажный силуэт нашего терема. Вот и родное отделение, почти добрались... Митька первым ступил на деревянный мостик над неглубокой канавой на углу.

– Ой, батюшка воевода... глянь-кось, огонечек бежит! – удивленно выкрикнул он, указывая пальцами вниз.

Я слишком поздно понял, что это может значить... Грохнул такой взрыв! Земля и пламя взлетели в воздух, дымом заволокло все вокруг, нас с Ягой снесло к какому-то забору. Я так врезался спиной, что наверняка выломал пару досок. Рядом вверх тормашками приземлилась Яга, на фоне догорающих огрызков мостка четко вырисовывался ее впечатляющий нос, почему-то утыканный мелкими щепками.

– Поленом неструганым зацепило... – проследив мой взгляд, простонала бабка.

Я полез ей на помощь и едва не рухнул от дикой боли в колене – брюки были разорваны и над коленной чашечкой темнел багровый кровоподтек. Зазвонил пожарный колокол, со стороны отделения бежали стрельцы с факелами, повылезали встревоженные соседи. Нас подняли, осмотрели, затушили огонь... Еремеев приказал своим ребятам порыскать по темным углам, но злоумышленников не нашли. Бабу Ягу так на руках и понесли в терем, я хромал следом, опираясь на стрелецкий бердыш. Черт побери! Вот это уже действительно круто! Заминировать мостик на нашем

пути, вовремя поджечь бикфордов шнур, да так, что едва Митька...

– Митька! Где Митька?! Еремеев, задержи своих, нам надо его найти...

– Не кричи, участковый, – глухо ответил старший стрелец, обнимая меня за плечи. – Нет там никого... Мы уж сами все обыскали. Знали, что вас трое было...

– Как это нет?! – уперся я, а сердце сковало скользким холодом. – Он же... первым шел. Вон, говорит, огонек бежит. Я хотел... не успел я... Так грянуло, что земля дыбом! Но Митька... Боже мой, как же это?

Ближайшие парни поснимали шапки. Мы стояли, окруженные толпой народа, чья-то баба заголосила первая, ее рев подхватили остальные, мужики хмурили брови, но кое-где уже раздавались гневные выкрики о «государевых злодеях». Люди поняли: в городе творится что-то противоестественное. Ну, грабеж, разбой, поджог, даже убийство, были делом редким, но все же привычным. А вот взрыв... Это уже акт террора! Это не метод уничтожения отдельно взятой личности, а попытка запугать всех. Лукошкинцев всегда отличала здоровая способность сплачиваться перед лицом общей беды, и народ заволновался, требуя раскрыть дело и примерно наказать преступников. Возмущенные крики становились все громче:

– Че случилось, православные?

– Да Митьку беспутного из милиции убило!

– Как убило?

– На куски разорвало, даже лоскуточков не осталось...

– Ой, бабоньки-и-и!

– Ягу в терем унесли, видать, помрет к ночи.

– А участковый-то где?

– Да здесь стоит, весь пораненный. Ох, не жилец он теперь на свете, не жилец...

– Это кто ж такое злодейство удумал?

– Знамо кто – враги государевы! Сыскной воевода, вишь, многим злодеям хвосты-то прижал, вот они ему и наместили...

– Ой, бабоньки-и-и!..

Импровизированный митинг грозил перерасти в несанкционированный самосуд. Не дожидаясь, пока какой-нибудь горлопан самолично укажет толпе подходящего «преступника», я с помощью стрельцов кое-как вскарабкался на покосившийся забор и обратился к людям:

– Граждане! Послушайте меня, вашего участкового... То, что сейчас произошло, не останется безнаказанным! У меня... погиб друг. Мой

напарник, человек, беззаветно преданный службе в милиции... Дмитрий. Не сомневайтесь, я найду виновных. Я никому не позволю...

– Ой, бабоньки-и-и!..

– Да уймите же наконец эту дуру! Террористы, устроившие сегодняшний взрыв, будут найдены и обезврежены. Когда мне понадобится ваша помощь, а она понадобится обязательно, я сам приду и попрошу. А сейчас – расходитесь по домам. Не надо ничего предпринимать, оставьте это дело профессионалам, мы... – Мне было очень трудно говорить. Мы – уже не звучало. Баба Яга приходит в себя в тереме, Митька... Эх, Митя, Митя...

– Летит! – совершенно сумасшедшим голосом заорал кто-то, и с ночных небес в шарахнувшуюся толпу упал непонятный предмет.

При ближайшем рассмотрении все признали в нем обычный лапоть. Минутой позже рядом грохнулся второй.

– Ой, бабонь... оп! – Похоже, тетке действительно заткнули рот.

Все подняли глаза вверх. На самом коньке нашего терема, невероятно изогнувшись, висела долговязая мужская фигура. Судя по ритмичному качанию, она намертво зацепилась штанами.

– М... м... Дм... Митька?! – прозрев, заорал я.

– ...а ...атюшка ...икита ...ваныч! – протяжно раздалось сверху.

– Ты живой?!

– ...ока... а! ...нимите ...еня ...риста ...ади! ...ропадаю!

– Граждане! – воспрянул я. – Вот и пришло ваше время помочь родной милиции. А ну, у кого дома самая большая и крепкая скатерть – тащи сюда!

Через пять минут воодушевленные горожане стояли у нашего терема, растянув за края целых шесть больших, расшитых петухами, льняных скатертей с бахромой.

– Митяй! Все готово, падай!

– ...оюсь! ...друг ...е ...оймаете? – Высота гасила его крики, да и орать носом вниз, ногами вверх не очень удобно.

Я повернулся к Еремееву:

– Фома, можешь пальнуть из своей пиццали?

– Сбить его, что ли? – не понял он. – Дак... на таком расстоянии не промахнусь.

– Не дури! В него стрелять не надо. Просто пальни для острастки... Митька! Слушай меня! Сейчас стрельцы дадут залп и пулями прострелят тебе... ты чем зацепился-то?

– ...танами! ...олько ...не ...треляйте ...ристом ...огом ...олю!!! – перепуганно заверещали сверху.

– По штанам! Прямой наводкой! Целься! Пли!!! – командирским голосом опытного артиллериста рявкнул я.

Раздался слаженный залп... в воздух. В ту же минуту с крыши нашего терема, вопя, слетел младший сотрудник лукошкинского отделения милиции. Митька угодил на чью-то растянутую скатерть, два раза подпрыгнул и был подхвачен заботливыми стрельцами. Народ ломанулся потрогать воскресшего героя. На сегодняшнюю ночь Митька, несомненно, занимал ведущее место в графе популярности. Я облегченно вздохнул и позволил Еремееву увести меня в дом. Нога болела страшно, и голова кружилась. Надо позаботиться и о себе. Делом займемся завтра...

Сквозь приоткрытое окно опять доносилось треклятое «ку-ка-ре-ку». Не открывая глаз, я нашарил на стуле у кровати свои штаны, торопливо ощупал карманы с тайной надеждой обнаружить в одном табельный пистолет. Он не доживет до того дня, когда вылупившиеся цыплята скажут ему: «Здравствуй, папа!» Увы, чуда не произошло... Горластая скотина проорала побудку еще раз, спрыгнула с тына и величественно прошествовала во двор. Я со стоном сел и опустил ноги в теплые тапочки. Моя форма, как положено, висела на стуле. Брюки целехоньки, выстираны и отутюжены, к таким «бытовым» чудесам я давно привык. Сама Яга этого не делает, у нее какой-то договор с домовым насчет подобной работенки. А вот то, что на ноге не было и следа вчерашнего ушиба, – несомненная заслуга моей домохозяйки. Видимо, когда я отключился, она, невзирая на собственные страдания, занялась моей «раной». А может, не сама, может, кота ко мне направила, он у нее на все руки мастер. Или на все лапы? Или не на все, а на две передние? Тьфу! Что за чушь лезет в голову? Я встал, наклонил рукомойник, поплескал в лицо водичкой – вроде полегчало. Все, пора за дела.

Одевшись, я толкнул дверь – заперто. Не понял юмора... Толкнул посильнее – за дверью что-то мягко бухнуло об пол. Потом моим глазам предстал заспанный стрелец, видимо, во сне он подпирал дверь спиной.

– А-а-м-м... Доброго утречка, батюшка сыскной воевода!

– Ты что здесь делаешь?

– Вас от лиходеев сторожу, как Фома Силыч приказывали.

– Еремеев, что ли? – раздраженно буркнул я. – А почему спишь на посту?!

– Виноват, ваше благородие! Ненароком... и не заметил как, но всю ноченьку, аки филин, бдил!

– Ладно, свободен. Возвращайся к начальству и доложи, что все

нормально. Да, встретишь Еремеева, передай ему, чтоб он порядки свои в отделении не устраивал. Я не младенец, нечего ко мне нянек приставлять.

Парень поклонился, забрал стоящий у лестницы бердыш и убежал. Я медленно спустился вниз. Голова гудит... На Фому неизвестно зачем собак спустил, он же как лучше хотел... Все наперекосяк! Яги в горнице не было. Стол пустой. Выглянув в сени, я убедился, что и Митька куда-то слинял с утра пораньше. Все против меня! Полез в печку, хотел достать углей, разогреть самовар, но зацепился штаниной за ухват. Сначала упал он, больно стукнув меня по пальцам руки, а потом заслонка, которую я, естественно, выронил. Грохоту! Я тихо взвыл и в полном отчаянии опустился на скамью.

– Никитушка! Сокол ты наш ясный, да что ж это с тобой дееется? – Баба Яга неслышными шагами просеменила из своей половины и обняла меня, утешая, как ребенка. Я уткнулся носом в ее цветастую душегрейку, и мне стало так легко, так тепло, как бывает только в раннем детстве на руках у бабушки.

– Здорово, бабуленька! – донеслось из сеней. – А я вот с утра на рынок сбегал, яблочков спелых Никите Иванычу принес.

– Да не ори ты, неслух! Али не видишь, до чего враги нашего воеводу-батюшку довели? Измотался совсем человек, на себя не похож, а ты и рад спозаранку горло драть?!

– Прощения просим. – Митька на цыпочках подошел к нам, в скорбной позе стал рядом.

– Никита Иваныч, уж вы не переживайте, не берите близко к сердцу... Одолеем мы их, супостатов! Вы мне только пальцем ткните, который обидел, а уж я из него всю борзоту-то на раз повышибаю!

– В самом деле, занялся бы ты этим, Митенька. Участковый наш – человек хрупкий, умственной работой перегруженный, где ему за всем уследить. Я так думаю, пусть уж он нонче дома отсидится, а ты сам милицейскую службу справь. Проверь, где, чего, за порядком присмотри, чтоб знал народ: мы на посту. А там вечером и доложишься.

– Рад стараться, – не веря такому счастью, тихо проскулил мой напарник. – Да я, да за такое служебное доверие...

– Стоп! Сбавь обороты, герой. – Я собрался и вырвался из добрых бабкиных рук. – Не хороните меня раньше времени. Да и в санаторий для инвалидов записываться рановато. Давайте-ка завтракать, ну и по ходу посоветуемся о наших делах.

Митька разочарованно сник. В его жалобном взоре еще отсвечивала вожденная кокарда. Яга, наоборот, охая, бросилась к печке доставать

горшок с гречневой кашей, топленое молоко и пироги с грибами. Я только сейчас обратил внимание, что длинный нос нашей старушки был забинтован тряпочкой и украшался маленьким бантиком сбоку. Видимо, ее «ранения» были не в пример серьезней моих. Несмотря на возможный комизм ситуации, смеха это не вызывало, даже наоборот, здоровое раздражение и желание всерьез разобраться с негодяями, так издевающимися над заслуженной пенсионеркой. Митьку с пирогом и миской каши отправили в сени. Сколько я ни боролся с этой старорежимной дискриминацией, Яга была неумолима. Конечно, основной темой разговора за столом являлся вчерашний взрыв.

– Ты как хошь, участковый, а только это немцы твои нас подорвали! Нет им моего доверия, не было и нет! Вот погоди, не спорь... Посол энтот, Кнут Плеткович...

– Гамсунович, – поправил я.

– А мне, знаешь ли, без разницы, – взвилась бабка, – что ж он, немчура поганая, мне нос портить будет, а я молчи?! Да я ему... он у меня... я ж до самого царя дойду, чтоб засвидетельствовать...

– Это все эмоции, к тому же абсолютно не подтвержденные реальными фактами. С чего вы вообще взяли, что Шпицрутенберг имеет к этому отношение?

– Так ты сам посуди. Чьи охраннички на твою светлость покушались? Его! Кто нас пойлом горьким с запахом дурманным поил? Он! Кто тебя в кабинете задержал, пока его подручные покушение готовили? Опять он! А кому все это было выгодно? Ему же, басурманину!

– Глупости! – Я твердо отмел все возможные инсинуации. – Посол слишком дорожит своим местом и безропотно сдал двух телохранителей при малейшем намеке на его личное участие в нападении на работников милиции. Угощал он нас кофе. Между прочим, очень хорошего качества. Если не нравится, не пейте. И в кабинете он меня не задерживал, это моя бредовая идея посоветоваться с иностранцем насчет прогрессивных реформ в стране. Он за это время никуда не отлучался, никому никаких приказов не отдавал, мы все время были с глазу на глаз.

– А кто ж тогда знал, что мы из слободы домой пойдем?

– А куда мы могли пойти, на ночь глядя? В ресторан или библиотеку?!

Баба Яга некоторое время сосредоточенно молчала, выстраивая в уме новую версию обвинения, но, ничего не придумав, сдалась:

– Ничего не могу с собой поделат... А только чую: не русские это люди под нами мостик разнесли. Наш злодей, он ведь как... Ножик под ребро запустить, кистенем из-за угла ошарашить, удавку на шею набросить,

а то и попросту оглоблей вдоль хребта ломануть – всегда пожалуйста. Но чтобы такое...

– А если шамаханы? – предположил я.

– Навряд ли... Уж они-то так сильно по заливку схлопотали, что теперь нескоро к нам нос сунут. Чтобы взрыв устроить, здесь ведь и точность, и расчет, и знания нужны. Немецкий склад ума – вот как это обзывается. Без них, нехристей, тут не обошлось...

– Хорошо, не будем сбрасывать посла со счетов, оставим как рабочую версию. Тогда дело о пропаже черной ткани придется задвинуть в дальний ящик. Есть более неотложные задачи: наша безопасность, например.

– Царя оповестить надобно.

– Надо, но не хочется... Вы ведь его знаете, начнет кулаками махать, всех немцев в тюрьму, посла на каторгу, охранников на дыбу, там покаются... Я тут бьюсь-бьюсь над установлением в городе хоть какой-то законности, и все коту под хвост? В условиях диктатуры милиция работать не может. Мы просто выродимся в очередной фискально-карательный орган.

– Ох, Никитушка, – вздохнула Яга, – не лез бы ты в политику, себе дороже. Служил бы помаленьку, и все.

– Не могу, душа болит...

Мы помолчали. По большому счету она права, каждому надо заниматься своим делом, а нести прогресс в Древнюю сказочную Русь совершенно бесперспективно, да и небезопасно...

– Значит, на сегодня план действий таков... Митька!

– Ям... чавк... ам... нь?! – выжидательно донеслось из сеней.

– Давай завтракай поскорее, поработаешь курьером. Я составлю докладную для царя, передашь лично в руки. Потом сгоняешь в торговый квартал, найдешь погребальную контору Шмулинсона и пригласишь его ко мне в отделение, повестку я выпишу. Именно пригласишь! Вежливо, с поклонами, а узнаю, что опять угрожал за неявку «смертью безвременной и геенной огненной», – накажу.

– Умн, – наконец прожевал наш старательный товарищ и обиженно буркнул: – Да рази ж я совсем без понятия? Я ж по злобе и мухи не обижу...

– Угу, а кто плотника Лепехина в короб с опилками по самую шею засунул?

– А... у... а вы как узнали?

– На то я и участковый. Доложили уже. – Поморщившись, я достал из планшетки лист бумаги: – Вот его заявление, полностью признает себя

виновным в том, что в пьяном виде обозначал цвет милицейского мундира как мышинный. За такую дерзость и был опущен в опилки со стружками младшим сотрудником отделения. Вину свою осознал, прощения смиренно просит, и чтоб Христа ради, голову ему за эту провинность не рубили. Твоя работа?

– Моя, – гордо выпятился Митяй, – а пушай теперь милицию уважает.

– Подведешь ты своими угрозами всех нас под монастырь... Ладно, задание понял?

– Как не понять... Исполню в точности, не извольте сомневаться. Разрешите выполнять?

– погоди, сейчас докладную напишу.

Когда Митька умчался по делам, мы с Ягой тоже начали собираться. Во-первых, стоило осмотреть место вчерашнего теракта, возможно, колдовские способности бабки и укажут истинный след. Во-вторых, вернуться и допросить охранников посла. Они наверняка только косят под незнание языка, но при правильном допросе непременно расколются. И в-третьих, вечером провести разъяснительную беседу с гражданином Шмулинсоном Абрамом Моисеевичем. В смысле, чтобы он разъяснил мне кое-какие непонятные моменты. Вроде бы все...

Еремеев догадался поставить на охрану места преступления двух стрельцов. Они спроваживали любопытных и шугали соседских ребятишек, чтоб не затоптали следы. Беглый осмотр подтвердил мои худшие подозрения – никаких улик. Подобрав пару обгорелых щепок, я не обнаружил характерного запаха пороха. Что же тогда так рвануло? Динамит, бертолетова соль, пироксилин, нитроглицериновая смесь, пластиковая или водородная бомба? Баба Яга шныряла по канаве едва ли не на четвереньках, подбирая совершенно непонятные для меня камушки, листики, угольки... Когда она вылезла из-под единственного уцелевшего бревна, даже белая повязка на ее носу была перемазана сажей.

– Пошли в дом, участковый, там переговорим...

После умывания задумчивая бабка опустилась на скамью, наморщила лоб и долгое время молча о чем-то размышляла, передвигая по столу собранный в канаве мусор. Я приготовил бумагу и карандаш, а потом сидел тише мыши, ожидая, пока она настроится...

– Значит, вот как все оно было... Злодеи нам всем верную смерть приготовили. Уж как они прознали, когда мы через мосток пойдем, – про то мне не ведомо... А только сунули под него котел чугунный мало не в три ведра! Под котел тот разрыв-травы положили – целый пук! Бегун-травой на

десять шагов дорожку выстелили и в начале Степкин огонек поставили. Ну, а что потом было – про то ты не хуже моего ведаешь...

– Минуточку, – запротестовал я, – может, вам действительно все понятно, но я из всей этой ботаники ничего так и не уяснил. По-вашему выходит, что нас пытались подорвать какими-то лютиками-ромашками?!

– Ты думай, че говоришь-то! – Яга даже покраснела от незаслуженной обиды. – Не знаешь, так уж молчи.

– Нет, молчать я не буду, а вот вы объясните мне все популярно. Так, чтобы и я сам понял, и к делу подшил серьезный документ, а не обгорелый гербарий.

– Пожалуйста... – поджала губки бабка. – Чему вас только в милиции учили? Слушай, значит... Про разрыв-траву у нас даже дети малые знают. Растет она в лесу, от иной травы сразу не отличная, листья крестиком, цветочки красненькие, а вот только брось ее в воду – все травинки по течению плывут, она одна – против! Тут ее в руки бери да храни до поры. Потому как ежели разрыв-траву на замок, на засов али еще на что железное положить – она тот предмет на куски порвет!

– А... котел вроде был чугунный, – напомнил я.

– И чугун порвет, от него даже куски еще мельче посыплются. Оттого трава эта ворами разными пуще золота ценится... Добыть ее нелегко, а польза великая.

– Так, про воров я записал. А каким образом это биологическое оружие активизируется?

– Чего?!

– Виноват... Ну, в смысле, как добиваются того, чтобы она сработала? Кидают травку на замок и прячутся куда подальше, чтоб взрывом не зацепило?

– На то бегун-траву на дне канавы и положена была... Помнишь, Митька тебе еще на огонек указал? Так вот это цветок был махонький, Степкой-огоньком кличут. Он сам на одном месте не цветет, все по другим травам шастает, словно искорка огненная перебегает. А ежели им в человеческий след ткнуть, то цветок того человека завсегда сам отыщет. Вот враги наши чего и удумали... Котел под мостом уложили, разрыв-травы под него бросили да на Степкин огонек и заговорили.

– А где они Митькин след взяли?

– Эвон где... да он своими лаптями такие следы у забора наоставлял – любо-дорого поглядеть. Злодеям только и дела, что на след этот как бы ненароком цветок уронить, да подобрать, да на бегун-траву выложить. Как наш парень на мосток ступил, так Степкин огонек к нему и ринулся...

– Добежал до разрыв-травы, она сдетонировала, взорвала чугунный котел, который, в свою очередь, и разнес конкретный мостик, – аккуратно дописал я. Абсолютная белиберда! Но пока нет научного объяснения, будем держаться этого. – Вот только мне не вполне понятно, почему террористы ориентировались именно на Митькин след?

– Про то не ведаю, – развела руками Баба Яга. – Могла бы приврать, да не хочется. Вот разве мыслишка у меня одна была, как ее... гипотеза! Что, ежели соглядатай наш, по лавкам гуляя да про тряпки расспрашивая, ненароком углядел чего не следовало?

– Очень может быть, но что именно?

– У него и спроси.

– Как? Подойти и поинтересоваться, не видал ли он, часом, чего-то такого, о чем мне сказать подзабыл, а нас из-за этого «чего-то» едва не подорвали? Ну, он враз такого навспоминает – мы за неделю не разгребем.

– Тоже верно, – согласилась Яга. – А теперь давай время не тянуть, потому как...

В дверь постучали.

– Ты ждешь кого, Никитушка?

– Нет, а вы?

– И я нет.

– Войдите! – хором попросили мы.

В горницу торжественно вступила целая армянская делегация. Две старые толстухи с черными усами, еще молодая женщина с зареванным лицом, двое стройных юношей призывного возраста, худущий дед с трясущейся головой, трое ребятишек мал мала меньше и четверо взрослых мужчин, скорее всего слуг.

– Вы по какому вопросу, граждане? – недоуменно повернулся я.

Вместо ответа они дружно бухнулись на колени и стали бить лбами о пол. Терем зашатался... Я не преувеличиваю – на столе, подпрыгивая, звенела посуда!

– Прекратить немедленно! – взвыл я, пока Яга успешно перехватывала спрыгивающий самовар.

На минуту стало тихо, но только на минуту. Едва я перевел дыхание, как вся толпа так же дружно ударилась в слезы. Рыдали все – от мала до велика. Искренне, старательно, от души...

Мне пришлось орать снова и даже топать ногами, пока они наконец не замолчали, жалобно глядя на меня печальными, укоризненными взглядами.

– Что случилось? – очень тихо спросил я. – Отвечайте по существу, одним голосом. Если кто еще раз заплачет – злой дядя-милиционер посадит

того в тюрьму. Все поняли?

– Да, гражданин начальник... – горько вздохнула молодая женщина. – Милости твоей пришла просить для мужа своего Кирокосьянца Аронджана.

– Какой милости? Но... я же его не арестовывал, никаких обвинений не предъявлял, о чем вы просите?!

– О прощании, начальник... Ради дэтэй, ради матэри эго и тети с дядэй, ради мэня, безутэшной, – прости эго, дорогой участковый! Вэли своей уважаемой бабушкэ с нэго заклятээ снять.

– Опять не понял... Какое заклятэе? – Я беспомощно повернулся к Бабе Яге.

Она смущенно завозилась и поманила меня пальцем:

– Никитушка, видать, слова-то те, что я ему в запале сказала, – к месту пришлось... А что, хозяйюшка, муженек-то твой совсем пьяный лежит?

– Совсэм... – скорбно закивала жена Кирокосьянца. – Как за стол сэл, как все выпил, так и упал – нэ поднимается. Совсэм пьяный...

– А глазоньки у него не окосели?

– Окосэли, совсэм окосэли. Пьяный лэжит, никого нэ узнает, а глаза совсэм косыэ...

– Ладно, помогу горю вашему. На вот, пузыречек возьми, на тряпочку капни да мужу под нос и сунь. Небось протрезвеет... А как очухается, скажи, чтобы впредь милиции в работе помогал, а не застольями отвлекал от дел серьезных.

– Нэпрэмэнно! – Женщина подхватила пузырек, чмокнула бабку в щеку, и, не сказав ни «спасибо», ни «до свидания», со всей родней бросилась из терема вон.

– Ну и дела, – проворчал я. – Вы, бабушка, когда граждан заколдовываете, хоть в известность меня ставьте, а то стою дурак дураком. С чего это вы решили на нем отыгаться? Нам подозреваемых беречь надо...

– Ну, уж прости старую, не нарочно я...

– И как у вас это получается? Сказала слово – раз, и все! В моем времени экстрасенсы какие-то пассы руками делают, рожи корчат, установки дают... Некоторые потом книги о колдовстве пишут, секретами ремесла делятся и успешно приторговывают разными крестами, звездами, браслетами... Бизнес поставили на широкую ногу.

– Ну-ка, ну-ка, Расскажи, – мгновенно привстала Яга, в ее глазах загорелись желтые искорки материальной заинтересованности.

Добрые полчаса мы потратили на обсуждение коммерческих

принципов действия всяких лонго, чумаков, джунн и прочих баб нюр. Потомственные колдуны, опытные ясновидящие, могущественные маги, всезнающие гадалки. Таро, исправители кармы, жрецы вуду и настоящие чукотские шаманы – все разъясняли недипломированной старухе, как убедить среднестатистического человека добровольно расстаться с деньгами, да еще и чувствовать себя после этого счастливым, здоровым и богатым. Ну, хотя бы какое-то время...

Заявился Митька. Никого с собой не притащил, никто за ним не гнался, так что задание, видимо, исполнил как надо. Царь докладную прочел, ответную записку писать не стал, а на словах передал, что дает мне полную свободу действий. Но когда начну атаковать немецкую слободу пушками, то без него не начинать, ему тоже интересно... Шмулинсон божился именем святого Моисея быть к пяти часам как штык. Глупых вопросов не задавал, в панику не вдавался, сказал, что лишь возьмет пару чистого белья, теплые носки и мацу в дорогу.

Митяй уверял, что никого не запугивал...

– Хорошо, возьми двух стрельцов у ворот, открой поруб, там охранники посольские еще с ночи сидят. Забирайте обоих и ведите сюда, будем проводить перекрестный допрос по всем правилам.

Через пару минут к нам ворвался бледный стрелец:

– Батюшка сыскной воевода! Беда! Спустились мы в поруб, а заключенные-то совсем окоченели...

– Да, там у нас калориферы не топят... – не сразу врубился я.

– А что с трупами делать?

– С какими трупами?!

– Дак я ж говорю, холодные они совсем. Померли!

Переглянувшись с Ягой, я схватил фуражку и следом за стрельцом бросился к порубу. Митька ждал меня внутри. Поруб представлял собой большую землянку с бревенчатой крышей, десять ступеней вниз, ходить можно только пригнувшись. Раньше Яга держала здесь припасы на зиму, а со времени открытия отделения мы использовали его как «камеру предварительного заключения». Тусклый огонек свечи позволял разглядеть две скорчившиеся на земляном полу фигуры. Неужели действительно замерзли насмерть? Раньше такого никогда не было... Холодно здесь, да, но не настолько же!

– Что делать будем, Никита Иванович?

– Вытаскивай их во двор по одному. Сами справимся?

Митяй снисходительно пожал плечами. Силы ему Бог отпустил, ровно

владимирскому тяжеловозу. Когда два мертвеца были уложены у забора, Баба Яга придирчиво осмотрела обоих. Впрочем, на этот раз и у меня не было ни малейшего сомнения относительно причин скоропостижной смерти... Застывшие гримасы боли, изломанные судорогой тела, почерневшие языки и подсохшая пена в уголках рта явно указывали на преднамеренное отравление. Черт подери, я почувствовал себя обманутым и обворованным! Два преступника, двое подозреваемых, два свидетеля одновременно – уже никому ничего не расскажут. Кто-то просто убрал их с шахматной доски, как проигранные фигуры. Эти пешки слишком много знали. Может, не слишком, но достаточно для того, чтобы тот, кто стоял за их спинами, предпочел не рисковать...

– Никитушка, стрельцы говорят, что обыскивали обоих, оружия при них не было, а вот шарик малый, крошку ядовитую, вполне пронести могли. В ухе, например...

– К порубу никто не приближался?

– Знамо, нет, стрельцы ведь теперь все тут охраняют, заметили бы. Вон тот, помоложе, у самых дверей стоял, глаз не смыкая.

– Эй, молодец! Подойди-ка сюда. Напомни мне, с того времени, как заключенных отправили в поруб, к нему никто не подходил?

– Никто, воевода-батюшка.

– Ни животное, ни человек, ни насекомое? Поднапряги память, точно никто?

– Нет...

– А петух?

– Не... ну, может, муха туда-сюда летала, а так никого.

– Изнутри доносился какой-нибудь шум? Голоса, песни, плач, крики, возня?

– Да... нет... вроде. – Парень почесал в затылке. – Ну, ясное дело, живые люди, шебуршали слегка. Только по лестнице никто не ходил, в дверь не стучали, пристойно себя вели. Трубки курили...

– Курили?! – не сразу поверил я.

За все время своей работы в Лукошкине не встречал ни одного курящего человека. Табак в Россию был завезен царем Петром, а здесь его появление и не планировалось.

– Так ведь многие немцы трубки курят, – даже удивился стрелец. – Зелье дурманное, бесовское, и запах от него дюже зловонный, а им в удовольствие. Вот отсюда, из щели дымок черный тянулся. Я и решил – курят, супостаты...

– Странно... Я был внизу и совершенно не почувствовал запаха

табака. Митяй, обыщи их обоих еще раз.

– Ничего нет, Никита Иванович!

– А что, когда в первый раз обыскивал, что-нибудь было?

– Нет, – покачал головой второй стрелец. – Я сам их перещупал – ни в карманах, ни за пазухой, ни в сапогах, крошка хлебная – и та не завалялась.

– Так чего же ты мне тут дедуктивный метод разыгрываешь? – напустился я на стрельца помоложе. – Курили они... Ни трубки, ни огнива, ни табака, а он логические размышления строит, Честертон ходячий!

Парень страшно смутился и покраснел, меня отвлекла Яга, уж очень мрачным стало ее лицо.

– Никитушка, плохо дело! Надо этим жмурикам до заката осиновый кол в грудь вбить и либо сжечь, либо в землю зарыть да могилку солью присыпать, чтоб, не ровен час, не встали.

– Неужели настолько паршиво? – обреченно спросил я.

Старушка только многозначительно хмыкнула. Все ясно: остальная информация не для случайных свидетелей. Но... поступить с мертвецами согласно бабкиному предложению совершенно не представлялось возможным. Они – граждане другого государства. Если мы еще вправе судить их по нашим законам, то где и как им устроить похороны – частное дело немецкого посла. Тут и так-то не знаешь, каким образом выпутываться... Взяли двоих телохранителей под честное слово, вечером посадили в КПЗ, утром они оба окочурились. Что подумает посол о наших методах ведения допроса? С другой стороны, Баба Яга – очень серьезный специалист в своей области. Если уж она говорит, что надо сжечь или похоронить с колом в груди, то именно так и надлежит сделать, не иначе! Бабка – профессионал, лично я с ней спорить не буду, мне уже приходилось от воскресших мертвецов ладанкой отмахиваться.

– Значит, так, ребята, – обратился я к ожидающим стрельцам, – грузите оба тела на телегу и везите в немецкую слободу. Передадите с рук на руки. Начальником с вами пойдет младший сотрудник. Митя, обязательно дождись посла, перескажи ему все, что Яга советовала сделать с усопшими, и попроси к вечеру заглянуть в отделение, мне с ним еще раз побеседовать надо.

– Все понял, Никита Иванович, исполню справно, не извольте сомневаться... Один вопросик можно?

– По существу?

– А то!

– Валяй.

– Вот вы у стрельца про всех, кто к порубу подходил, спрашивали...

Петуха нашего особо упомянули. Неужто подозрения у вас против него имеются?

– Нет, – буркнул я, краснея. – Просто... был случай подвести его под статью. Совсем, понимаешь, спать не дает...

Митька сделал умное лицо и умчался на конюшню готовить телегу. Мы с бабкой присели на завалинке, требовалось поговорить. Для начала я высказал свои скромные соображения:

– Дело становится интригующим, появились первые трупы. Совершенно непонятно с чего... Визиты на армянский склад и в немецкое посольство ясности не добавили. Такое, чтобы подозреваемый умер у меня в КПЗ в первый же вечер по задержанию, – на моей памяти впервые. Как-то напрягает черный дым, замеченный бдительным часовым. Потом еще эти мухи... Поруб все-таки не медом намазан, да и уборная у нас в другом конце двора, с чего же им явиться?

– Все так, Никитушка, – мудро качала головой Баба Яга, – во всем ты в самое яблочко метишь. Хотя сама я в этом деле ничего понять не могу, но чую – хлопот мы с ним огребем не хуже, чем с шамаханами.

– У меня похожее предчувствие. Так что если я правильно угадал, то версию самоубийства мы решительно отменяем. Что-то или кто-то сумел проникнуть в поруб, заставить охранников принять яд и исчезнуть до нашего появления.

– Все так и было... – призадумалась Яга. – Вот только кто это – ума не приложу. В поруб он мушкой малой проник, на то большое умение надобно. А из поруба – дымом черным вылетел, так то вообще колдовство великое. Не с мелкой сошкой дело имеем.

– Может, опять Кощей за старое взялся?

– Может, и взялся, а только Кощей на тебя взрыв строить не стал бы. Не его это рук злодейство, не русское оно вообще, не было у нас такого...

– Почему же не было? На первый взгляд никакого импортного колдовства не заметно. Гномы по Лукошкину не шастают, эльфы не летают, гоблины с топорами не бегают, даже у взрывного устройства самое что ни на есть русское название – «разрыв-трава». Где вы тут иностранщину заметили?

– Чую... – развела руками Баба Яга.

Что тут скажешь? Еще незабвенный Шерлок Холмс советовал не пренебрегать таинственной силой женской интуиции.

Шмулинсон появился сразу после обеда, на два часа раньше, чем его ждали. В руках посох, за спиной холщовый мешок, из кармана выглядывает

потрепанная Каббала – словом, человек готов в дорогу.

– Проходите и присаживайтесь.

– И ви всегда так любезны после борща со сметаной, скажите на милость? Нет, нет, я пройду и сяду, такой грех жаловаться на вашу воспитанность. Когда ближайший этап?

– Чего? – не понял я.

– Ой, ну не делайте удивленное лицо! У моей Сары всегда бывает такое же, когда я спрашиваю, где деньги? Она идет на базар, имея в кармане рубль, по теперешним временам это – финансы! Но масло не мажется, маца пахнет дегтем, а кукурузной каши так мало, что дети кушают ее в две ложки! «Где деньги, Сара?» – спрашиваю я. Так вот она делает такое же лицо...

– Гражданин Шмулинсон, я вас пригласил не шутки шутить.

– Я жутко извиняюсь, гражданин начальник! – всплеснул руками язвительный гробовщик. – Таки позвольте полюбопытствовать, шо вы хотели услышать напоследок от бедного еврея?

– Просто хотел поговорить...

– Ну так разговаривайте.

– Абрам Моисеевич! – привстал я. – Что вы мне здесь комедию разыгрываете?! Вы не в Одессе и «Золотого Остапа» не получите, а вот за нежелание сотрудничать с милицией...

– Шо?! – прищурился Шмулинсон, сдвигая шляпу на затылок и оттопыривая пальцем ухо. – Я не ослышался? Речь шла о сотрудничестве? Скажите мне, шо я не оглох. Ви предлагаете мне сотрудничать с вами? Но, боже мой, я категорически согласен! Шо я буду делать? Дайте же мне потрогать наш трудовой договор, а вопросы оплаты обсудим позднее...

– Все... – сдался я. – Ответьте мне на один вопрос, и вы свободны.

– Всего один?! Ну, это даже как-то обидно... Ваш младший сотрудник, придя в мой огромный дом, громко оповестил, шо меня ждет жуткий допрос со всеми пристрастиями. Шо по моим пейсам в любом случае Магадан плачет, но чистосердечное признание скостит лет десять, так шо к семидесяти я буду на свободе. Сара сказала: «Абрам, сдавайся немедля! В семьдесят пять я еще не буду сморщенной старухой. Возьми теплые носки и отправляйся, а не то впаяют два срока». Она пожарила мне куру в дорогу...

– Где Митька? – Я повернулся к Яге едва ли не с нервным тиком.

– Дак со слободы немецкой не вернулся еще... – начала было моя хозяйка, но ее прервали.

В двери без стука вломился молодой стрелец, тот, что дежурил у входа,

и, задыхаясь, доложил:

– Батюшка... сыскной воевода! Немцы!

– Что орешь, как белорусский партизан?! Еще скажи – танки, мотоциклисты и отборная дивизия СС. Если из немецкой слободы, то пропусти.

– Да вся слобода сюда идет! Всем миром маршируют с камнями и палками. Хотят все отделение дотла спалить!

– Что за бред?! Где Митька?

– Ворота бревном подпирает.

– А... посол немецкий где?

– К царю побег на твою милость жаловаться. Он, вишь, за ворота, а к сотруднику твоему пастор местный пристал – скажи да скажи, зачем приходил? Ну, он и... объяснил. Дескать, охранников ваших замели, а теперича упырями вернули, делайте с ними что хотите. А если кто возмущение проявлять будет, так и... в общем, по закону. Священник бледный стал, как поганка. В кирху ихнюю забежал, начал своих скликать. Мы-то развернулись да в обрат пошли, а смотрим, за нами вся немецкая слобода идет, с песней!

Буквально в ту же минуту раздался грохот булыжников, брошенных в наши ворота. Я торопливо натягивал китель, Яга взялась за ухват, а гражданин Шмулинсон, выглянув в окошко, присел в уголке, надвинув шляпу на нос:

– Ша, меня тут не было. Живым я больше пригожусь родной милиции...

Мы выскочили на крыльцо. За нашим забором организованно бесновалась толпа. Был слышен лающий голос священника, вдохновенно орущего на чистом немецком что-то о превосходстве арийской расы. Хотя я в школе учил английский, но общий смысл его призывов был понятен без перевода. От напирающих людей забор буквально прогибался. Двое стрельцов, дежуривших при отделении, выпрягли кобылу и прижали телегой трясущиеся ворота. Со всех сторон раздавались удивленные крики народа:

– Немчура нашу милицию атакует!

Все, я полез на телегу – если их не остановить сейчас, то горячие лукошкинцы полезут нас защищать и все кончится грандиозной братоусобицей! Мое появление над воротами вызвало шквал оскорблений...

– Думкопф! Убийца! Руссише швайн! Палач! Отомстим за гибель Ганса и Жоры!

– Граждане немцы! – заорал я во всю мощь, рискуя сорвать голос и надеясь быть услышанным. – Вы находитесь во власти жестоких заблуждений! Ваши действия ведут к нарушению законности и порядка! Предлагаю немедленно разойтись по домам! На все вопросы я пунктуально отвечу перед вашим представителем – гражданином Кнутом Шпицрутенбергом.

– Найд! Нет! Здесь и сейчас! – дружно взревели крепкие немецкие парни, а из всех переулков, засучивая рукава, уже спешил на выручку наш народ, и столкновение казалось неизбежным.

– Хорошо! Я готов к откровенному разговору, но прекратите кричать все сразу. Пусть говорит один.

Посоветовавшись, немцы выдвинули вперед маленького незаметного человечка в коричневых одеждах католического пастора. Он говорил по-русски очень неплохо, хотя и с явными проблемами в склонениях и падежах:

– Мы требовать ответа за смерть двух честных солдат из охраны нашего посла!

– Все ясно, сам факт их гибели я как начальник отделения не отрицаю. Граждане Жуков и Гогенцоллерн были арестованы по подозрению в нападении на работников милиции. Их доставили сюда и посадили в камеру предварительного заключения...

– Они ни в чем не виноваты! – перебил священник, и толпа поддержала его согласным гулом. – Все обвинения были ложными. Мы знать этих людей как честных немцев.

– А им и не выдвигалось никакого обвинения. Я же сказал – задержаны по подозрению. Степень виновности определяет суд, а мы лишь подготавливаем материалы дела. Но сегодня утром, спустившись за ними для предварительного допроса, было обнаружено, что оба задержанных мертвы. Причины смерти выясняются.

– Вы убили их! Они отравлены! Кто, как не вы, могли дать яд?!

– А зачем? – Я перешел в наступление, упрямый немецкий пастор нравился мне все меньше и меньше. – С какой целью милиции было травить граждан чужого государства, даже не допросив их ни разу? Какой смысл арестовывать, прятать в поруб, давать яд, а утром следующего дня возвращать обратно?

– Это есть демагогия! Факт налицо – наши честные немцы мертвы!

– Вы забодали меня вашей «честностью»! – в свою очередь взорвался я.

Между прочим, у нас на руках были серьезные улики для

предъявления обоим очень весомых обвинений. Но кто-то не хотел, чтобы они заговорили... И уж, будьте уверены, я выясню, кто этот «кто-то», и он получит свое на всю катушку!

Священник хлопал глазами, забыв закрыть рот, но не находил, что сказать. Жители немецкой слободы тоже подуспокоились и, будучи по натуре людьми законопослушными, перестали давить на наш забор. По центральной улице бодро двигалась стрелецкая сотня Еремеева, а со стороны царского дворца, гроыхая, неслась карета посла.

– Еще раз убедительно прошу всех разойтись! Обещаю, что проведу самое тщательное расследование причин гибели ваших соотечественников. В интересах следствия определенную информацию я не имею права открывать, но она обязательно выведет нас на настоящих преступников.

– Мы не верить русскому полицая! Мы требовать казни всех служащих отделения! Особенно тот длинный парень, что хотят надругаться над телами наших погибших товарищей!

– Если наш сотрудник допустил серьезные служебные нарушения – он будет наказан по всей строгости устава.

– Нет! Мы требовать казни всех! – продолжал бесноваться пастор, но прочие немцы уже смущенно молчали.

По-моему, до них стало доходить, в какую опасную игру их втягивают яростные вопли духовного пастора. Кнут Гамсунович вылез из кареты, резко бросил пару коротких фраз на немецком, и вся толпа, послушно построившись в колонну по четыре, строевым шагом отправилась восвояси. Злобный пастор семенил в самом хвосте, что-то бормоча себе под нос.

– Я должен просить у вас извинения, герр Ивашов, – поклонился посол. – То, что произошло, досадная ошибка, невероятное помутнение рассудка, это просто невероятно для немецкого народа. Мы чтим законы, уважаем порядок и никогда бы не подняли бунта против государственной власти. Надеюсь, мы найдем способ забыть обо всем этом за штофом хорошего шнапса и порцией настоящих немецких сосисок с горохом.

– Конечно. – Я помахал ему рукой. – Обещаю держать вас в курсе хода следствия.

– Благодарю, позвольте откланяться.

– Куда-то спешите?

– Пороть! – даже удивился моей непонятливости посол.

Стало быть, сегодняшний вечер в немецкой слободе пройдет под знаком массовой экзекуции. Ну что ж, похоже, и мне не грех перенять кое-что из социального строя соседних держав.

– Митька-а! А ну вылезай, мерзавец...

Суровый товарищеский суд был устроен поздним вечером, как только я наконец избавился от словообильного гражданина Шмулинсона. Он просто завалил меня уговорами использовать его как «секретного сотрудника», фискала, шпиона, соглядатая, тайного агента и разведчика. Причем зарплату требовал не намного меньшую, чем у меня самого. Когда он стал непрозрачно намекать на вакантную должность моего заместителя и разработчика плана оперативных действий, Яга, не выдержав, вытолкала наглеца за дверь. Очень вовремя: еще немного – и либо я дал бы ему пятнадцать суток за саботаж, либо мне самому пришлось бы давать объяснения по факту причинения телесных повреждений потенциальному свидетелю...

После того как Яга заставила меня выпить успокаивающего чаю с медом, мы поставили перед нами грозные очи задумчивого Митяя.

– Бабуля, у меня на него уже просто слов не хватает. Диверсант какой-то... За последние дни он успешно провалил три задания. Показал всему городу, что мы интересуемся черной тканью, перепугал семейство Шмулинсонов, спровоцировал на мятеж целую слободу! Что ты им понарасказывал?

– Да... ничего такого... – замялся он. – Все как велено... Послу сказал, что охранники его от перепугу ночью дуба дали, а он не понял, обиделся. К царю жаловаться побежал.

– С царем мне еще завтра объясняться предстоит. Какого лешего ты этому пастору наговорил? Он же всю толпу сюда подогнал, они могли отделение по бревнышку разнести.

– А я че? Я ему ничего и не сказал...

– Врешь! – поднажал я.

– Нехорошо получается, Митенька, – поддержала Баба Яга.

Парень покраснел:

– Ну... сказал я. Правду сказал! Что смертью они померли неестественной и хоронить их надо умеючи. Кол в грудь или вообще сжечь да пепел по ветру... А он все слушал так вежливо, кивал все... Уж когда мы за ворота выехали, весь сыр-бор и поднялся. Я-то здесь при чем?

– Все. Кончилось мое терпение. Увольнять его надо, и дело с концом.

– Ты начальник, тебе видней, – неожиданно легко согласилась бабка.

Митька переводил круглые глаза с Яги на меня, словно не верил собственным ушам:

– Как... это? За что же... как же так? Батюшка сыскной воевода...

Бабуленька Ягуленька... смилуйтесь!

– С завтрашнего утра собираешь вещички, получаешь зарплату, и к себе в деревню, – окончательно решил я. – Или мы тебя вовремя уволим, или ты, в конце концов, все отделение под суд подведешь. Все, разговор закончен. Всем спокойной ночи...

Возможно, я обошелся с парнем слишком круто, но и денек выдался – сами знаете... Я же не железный, у меня тоже нервы есть.

Ночь была теплая, надо взять у Яги более легкое одеяло. Звезды и месяц светили так ярко, что уснуть не было никакой возможности. Все тело требовало отдыха, но голова принципиально оставалась холодной и ясной. Я перевернулся на спину и, закинув руки за голову, лирично уставился в окно. Вот она – Вечность... Проливается серебристым светом из черного муара ночи, играет россыпью разноцветных брызг на Млечном Пути. А местные жители называют его Лебединой дорогой, тоже красиво... Падающих звезд этим летом много, только успевай желания загадывать. Вы не поверите, я ни разу не загадал вернуться назад, в свое время. Именно здесь, в Лукошкине, пришло прозрение – как все-таки прекрасна жизнь! Жизнь нормальная, человеческая, в борьбе с врагами, в мирном быте, в праздниках и буднях, во всей ее красе и естественности. Люди проще, значимей, ближе к земле и Богу. Никаких тебе парламентов, импичментов, политики в общественном транспорте, американских куриных окорочков, телевизионной рекламы... Интересно, вот ведь живут же лукошкинские боярыни в критические дни без прокладок с крылышками? Все, все... замолкаю, человеку моего времени только дай шанс с утра плюнуть в рекламу – он до вечера не остановится!

Прав Горох, жениться мне надо. Конечно, не каждая жена сможет долго выносить тяжести и лишения нашей службы. Но, с другой стороны, здесь всех венчают в церкви и батюшка сразу готовит невесту к полному послушанию, терпению и «страху перед мужем, аки страху перед Богом»! Для жены работника милиции – в самый раз... Я вспомнил двух рослых фрейлин из немецкой слободы. Девушки были статные, крепкие, с отменными фигурами питерских кариатид. Может, намекнуть послу, зайти, познакомиться? Если они там не все помешаны на чистоте арийской крови, то вполне можно и поухаживать... На пляски народные пригласить, в трактирчике за чашечкой свежего сбитня посидеть, по лавкам и ярмаркам прогуляться, в скомороший балаган на вечернее представление зайти – ну, все как у людей, одним словом. Кажется, с этими мыслями меня сморил сон. Мне снилась далекая заснеженная Москва, Тверской бульвар, где недавно установили новый памятник Есенину. Мы с Наташей часто сидели

там на скамеечке, просто кормили голубей, после моего дежурства...

Я буквально подскочил, казалось, сердце сжала чья-то холодная, безжалостная рука. Дыхание было хриплым, как после долгого бега, на лбу выступил горячий пот... Все тихо. Вроде бы ничего не происходило, весь терем был погружен в мирный сон, но что-то не давало мне покоя. Какой-то липкий привязчивый страх ледяной струйкой скользил по нервам. Я достаточно быстро учусь – пора доверять своим предчувствиям. В распахнутое окно дышал холодный ветер, небо голубело, значит, до рассвета не слишком далеко. Упираясь ладонями в подоконник, я посмотрел во двор и... вздрогнул. У самого забора валялась стрелецкая шапка. Тем, кто не знаком с уставом царской службы, этого не понять. Шапка была более чем формой одежды – она являлась как бы символом принадлежности к своему полку, знаком, по которому определяли своих. Каждая стрелецкая сотня имела свой цвет верха, свой род ткани, свой мех опушки и даже свою манеру ношения – набекрень, на затылок, на самые брови, ровно... Потерять шапку для стрельца – верх позора! Если она бесхозно валяется у ворот, значит... Я начал лихорадочно одеваться, потом взял подсвечник, запалил от лампадки все три свечи и осторожно спустился вниз. На первый взгляд все было тихо. Я прошел к комнатке Яги – из-за дверей доносился ровный присвистывающий храп, здесь все в порядке. А вот из сеней шел неясный шум. Отодвинув засов, я на какое-то время просто окаменел – двое уже знакомых нам охранников: Гогенцоллерн и Жуков – в четыре руки успешно душили нашего Митяя! В обычном случае он бы и шестерых таких борцов заломал, но сейчас... Митька не спасует перед любым живым врагом, а вот мертвецов боится пуще смерти. Глаза упырей горели синим огнем, их сила явно удваивалась, мой напарник, лежа на полу, дрыгал ногами, хрипел и кое-как отпихивался, скуля от страха...

– Руки вверх! Все арестованы! – не своим голосом тонко возопил я, отставляя подсвечник и хватаясь за деревянное ведро в углу.

Гогенцоллерн оставил Митьку и молча повернулся ко мне. Я так огрел его ведром по башке, что только щепки брызнули во все стороны! Упырь отлетел в угол...

– Ага, не нравится! Я кому сказал, что все арестованы?! Приказываю сейчас же отпустить младшего сотрудника или...

Перебивая мою тираду, второй охранник отставил удушение и тоже повернулся ко мне. В ту же минуту из угла поднялся первый, и они оба пошли на меня, вытянув вперед когтистые руки. Я тактически отступил в комнату, здесь больше простора для маневра. Из своей комнатки выглянула Яга:

– Чей-то ты тут, Никитушка, делаешь? Ох ты ж, страсти Господни! Ожили-таки, кровопийцы проклятушие...

Первого нападающего я поймал на бросок с упором ноги в живот, он перелетел через всю комнату и сбил башкой полку с горшками. От такого грохота должно было проснуться полквартала! Второй едва не оторвал мне рукав, но я, упав на колено, провел прием дзюдо и, уложив противника, попытался заломить ему руку за спину. Бесполезно! Во-первых, он не чувствовал боли, во-вторых, сила мертвяка настолько превосходила мою, что он легко освободился. Я отпрыгнул к Бабе Яге, старушка как раз начинала начитывать заклинание. Двое упырей приближались с неотвратимостью бормашины в руках врача-садиста. Я успел нагнуться и рвануть на себя пеструю дорожку, на которой они стояли. Оба охранничка рухнули навзничь, но такой же «бряк» раздался за моей спиной. Оказывается, на другом конце дорожки стояла бабка... Упырь поймал меня за ногу, я врезал ему каблуком и вырвался, однако второй успел облапить меня за пояс. Это был конец... Его руки так страшно сжали мои ребра, что я взвыл! И сразу со двора донесся счастливый крик петуха, приветствующего новое утро. Упырь вздрогнул и, разжав объятия, тупой колодой грянул на пол. Второй так и не успел встать. Отдышавшись, я с горечью подумал, что мне придется объявить петуху благодарность от лица всего отделения...

– Никитушка...

– Да. Весь во внимании.

– Тебя не поцарапали, часом? – Баба Яга, охая, на четвереньках, добралась ко мне и помогла сесть, привалив спиной к печке.

Ребра болели так, что каждый вздох обжигал легкие. Точно сломал, фашист недобитый...

– Крови не видать, хорошо это, – утвердительно кивнула бабка после поверхностного осмотра. – Вот ежели б он укусил тебя до крови, то от его слюны тебя самого бы в упыря перевернуло. Они тем и опасны: как кого куснет – все, новый кровосос объявился! Только такое очень уж редко бывает.

– Почему? – невольно заинтересовался я.

– Да ведь упырь как присосется, так и не отпустит, пока всю кровушку не выпьет. Тогда уже человек трупом становится, хорони его безбоязненно, аки мученика.

– А... ну, тогда все в порядке, меня они не покусали и не поцарапали. Ребра помяли... Боже мой! Там Митька полузадушенный лежит!

Охая и ахая, держась за стены, мы кое-как доковыляли до сеней. Картина ужасная! Везде разгром, солома раскидана, лавка перевернута, от ведерка, как вы помните, одни щепки, на затоптанной овчине валяется наш отчаянный герой и... спит! Тихо так спит, доверчиво свернувшись калачиком. Сопит, бормочет что-то во сне, а от его дыхания на полу травинки высохшие перекатываются.

– Пойду-ка я лекарство тебе приготовлю, – тихо решила Яга, – а ты посмотри, что да как во дворе, и стрельцов кликни, пущай мертвяков этих из моего терема выносят.

Я, все еще кривясь от боли, обошел спящего, осторожно прикрыв за собой дверь. Первого стрельца я обнаружил у самого порога – он лежал с распоротым горлом, но на земле не было ни капли крови – упыри высосали всю. Второй, молодой парень, рассуждавший о вреде курения, был найден под забором. Его так крепко приложили затылком о дубовые доски, что бедолага до сих пор валялся в беспамятстве. Хлопаньем по щекам мне удалось привести стрельца в чувство.

– Ничего не помню... – слабо простонал он. – Из-за крыльца прыгнул кто-то, я и оборониться не успел...

– Встать можешь? Давай помогу.

– Голова кружится...

– Это бывает, сегодня всем досталось, пойдем в терем.

При виде тела своего товарища парень вздрогнул.

– Не смотри. Упыри его порвали.

Когда мы прошли в сени, Баба Яга укутывала лоскутным одеялом спящего Митьку.

– Плохо его дело. Вон, глянь, какие царапины на шее – заболеть может. А этот что?

– Похоже, сотрясение мозга вследствие тяжелого удара. Я уложу его в горнице, посмотрите потом, как помочь...

Где-то через час пришли сменные стрельцы, был вызван Еремеев, поднята на ноги вся сотня. Трупы охранников вновь отправили в немецкую слободу для разбора и опознания, раненого товарища забрали с собой, убитого повезли родным. Дело принимало кровавый оборот...

Митяя перенесли в мою комнату, он метался во сне, что-то снова шептал, но не просыпался и не приходил в сознание. Длинные следы упыриных когтей на его шее почернели и распухли, Яга прикладывала к ним мокрую тряпочку. Мне она сунула голубоватую мазь в горшочке, я, морщась, натер оба бока, боль отпустила. Вот Митьке, похоже, повезло меньше, ему становилось все хуже...

– Если до вечера не выходим парня, готовь гроб, участковый, – мрачно предупредила Яга.

– Мы можем что-нибудь сделать?

– Я и делаю, что могу!

– Ну... лекарства какие-то, уколы обеззараживающие, операция или переливание крови? Может быть, кровь нужна?

– Одно лекарство ему помочь может – вода живая. А у меня, как на грех, кончилась. Вот что, Никитушка, собирайся-ка ты в дорогу дальнюю, на речку Смородину поедешь. Там под мостом гиблый омут есть, надо тебе тамошних русалок выкликнуть – они помогут.

– Понял, отправляюсь. Сколько надо воды – пузырек, флягу, канистру? – Я накинул китель и взял фуражку.

– И трех капель довольно, но лучше все-таки флягу возьми, – наставляла бабка. – Кобылу нашу седлай, в телеге там не проехать. Как из городских ворот поскачешь, сразу налево бери до распутия, там направо по дороге до леса, за лесом пруд увидишь и мельницу заброшенную, вот от них по тропиночке на восход и погоняй. Как речку увидишь, так при ней и мост старый, рубленый. Русалки, они – девки капризные, ну да уж убеди их добром поделиться... Да смотри, до заката назад возвращайся, а не то плохо будет – сгубим парня во цвете лет.

Я молча кивнул и бодро направился на конюшню. Ребра еще болели, что, впрочем, не мешало мне успешно оседлать лошадку и с помощью чурбачка взгромоздиться ей на спину. Ездить верхом мне здесь уже приходилось, так что есть надежда, не упаду.

– Поспешай, Никитушка! – прокричала вслед Баба Яга, стрельцы распахнули ворота, а я изо всех сил толкнул кобылу пятками.

Она послушно припустила тряской рысью. Всю дорогу я ехал на «автопилоте», сказала бессонная ночь и утренние потрясения. Такого массированного давления на милицию я здесь еще не видел. Ну, жаловались на нас, кляузы писали, угрожали неоднократно, терем поджигали, но чтоб... Ни с того ни с сего, в первый же день следствия, покушение на жизнь прямо в помещении отделения?! Террористический акт – взрыв моста, на следующие сутки?! А потом еще и явление мертвецов-зомби, жестокое убийство одного стрельца, травмирование другого и мой младший сотрудник, бьющийся в горячечном бреде, – это не слишком?

– Дядя, дай сироте копеечку!

Неожиданно кобыла чуть не встала на дыбы, с трудом удержавшись в седле, я углядел стоящего в придорожной пыли мальчика лет пяти.

Светловолосый, голубоглазый, мордашка грязная, одежонка драная, ноги босы, через плечо – холщовая сумка – классический побирושка. Вообще-то в Лукошкине это редкость.

– Эй, малый, так под копыта коня лезть опасно. Какая-то мелочь у меня есть, вот, держи...

– Ой, сколько! Спаси тебя Бог, добрый дяденька!

– А по дорогам больше не бегай. Все-таки проезжая часть – не место для детских игр. Иди-ка прямо в Лукошкино, найди отделение милиции, там спросишь Еремеева. Это старшина стрелецкой сотни, ответственный за порядок в городе. Ему скажешь, что тебя участковый послал, младший лейтенант Ивашов. Запомнишь?

– Запомню, дяденька участковый младший лейтенант Ивашов, – послушно повторил мальчик.

– Так вот, он отведет тебя в детский приют при церкви Кирилла и Мефодия. Там есть школа, столовая, кормят хорошо (я проверял). Поживешь, поучишься годик-другой, а там, глядишь, и в подмастерья к кому-нибудь поступишь. Грамотные люди везде нужны.

– Спасибо, дяденька! – не переставал кланяться мальчик, а потом прямо в лоб спросил: – А чего это ты ко мне такой добренький?

– Работа наша, милицейская, такая, – буркнул я и тронул поводья.

Вскоре из-за деревьев показалось полуразрушенное строение, это наверняка была старая мельница. От нее мне следовало свернуть и ехать по солнышку, но едва я поворотил, как из-за кустов мне навстречу шагнул тот же самый мальчик.

– Ну и скорость у тебя, паренек! – искренне восхитился я. – Тебе бы в спортшколу по легкой атлетике, все медали на юниорских соревнованиях собирал бы. Что еще случилось?

– Дай милостыньку, дяденька участковый! – Он вновь затянул ту же песню. – Мамка хвора, батка хворый, дома хлеба нет, малые братишки да сестренки по лавкам сидят, кушать просят, а сами от голода плачут...

Голос мальчика, такой жалобный и проникновенный, мог бы растопить и камень, не то что чувствительное сердце милиционера. Я пошарил по карманам, извлекая последний серебряный рубль, оставшийся от зарплат, в Лукошкине на эти деньги можно было пировать три дня.

– Держи, передай родителям. А насчет школы все-таки подумай. С грамотой и такими ногами, как у тебя, можно бы к самому царю скороходом устроиться. Ему вечно курьеров не хватает...

– Спасибоочки, дяденька. – Мальчик мигом исчез в кустах.

Я поехал дальше. В третий раз он поджидал меня на холме, когда

впереди уже змеились тяжелые воды речки Смородины.

– Ну ты даешь, братишка... – только присвистнул я. – Так бегать... Прямо Маленький Мук какой-то... Волшебных лаптей у тебя, случайно, нет?

– Дяденька, подай на хлеб сиротинке нищему, безродному, вся семья по полатам с голоду пухнет. Бабка с дедом еле дышат, тетка с дядькой уже и есть не просят, только слезы точат, а про двоюродных братьев и говорить-то страшно...

– Все, малыш! Рад бы помочь, да нечем.

– Что, больше совсем ничего нет? – недоверчиво сощурился он.

– Ничего – ни меди, ни серебра, – вздохнул я.

– А золота?

– Слушай, ты... малолетний вымогатель! – вдруг дошло до меня. – Ты что ж это тут дорожный рэкет устроил, всех проезжих трясеешь? Что было – я тебе отдал, назад отнимать не буду, но имей же совесть...

– Не сердись, дяденька участковый, – тут же лучезарно заулыбался он. – Хочешь деньги свои вернуть? Так мне не жалко, бери!

С этими словами неблагодарный дошколенок как-то необычно размахнулся и ловко отправил полную горсть монет прямо в речку, только «плюх» раздался. У меня, наверно, челюсть отвисла. Не от его наглости – от таланта. До реки – добрых метров сто! У ребенка феноменальные спортивные данные!

– Дяденька!

– А? Что? Что тебе, мальчик?

– Рот закрой, ворона залетит, – серьезно посоветовал он, а потом попросил: – Фуражку дай померить.

– Великовата она тебе будет.

– Ну дай, а?

– Вот что, малец, она у меня форменная, заколдованная, – попытался сочинить я. – Кто ее наденет – сразу в милиционера превращается, а служба наша тяжелая и неблагодарная.

– Ну дай! Дай, пожалуйста! Не обижай сироту. Я только померяю, – жалобно заныл малыш, размазывая по щекам мгновенно брызнувшие слезы.

Я со вздохом снял фуражку и протянул ему. Счастливое дитя утонуло в ней с ушами, по самый нос.

– Вот спасибо тебе, дяденька участковый! Вовек твоей доброты не забуду...

Когда я опомнился – его уже не было. И моей фуражки тоже,

естественно...

Добрых пять минут я орал негодному мальчишке, чтоб он сию же минуту вернулся, иначе я серьезно поговорю с его родителями и порки ему не миновать. Абсолютно бесполезное сотрясение воздуха... Давно не чувствовал себя в такой бессильной ярости. Хоть плачь, хоть смейся, я ведь даже имени паршивца мелкого спросить не удосужился! Над головой издевалось солнце, впереди хихикала яркими бликами река, и даже ромашки, казалось, прятали смущенные улыбки, стесняясь в открытую хохотать над одураченным милиционером...

Я остановил кобылу у моста и, намотав поводья на перила, спустился вниз, к самой воде. Она была неестественно синего цвета, ближе к середине – вообще чистый ультрамарин, за что, видимо, и получила такое название – Смородина. Как именно следует вызывать русалок, я понятия не мел. Надо было бы вовремя поинтересоваться у Яги, да теперь поздно... Однако делать-то все равно что-то надо, у меня в Лукошкине парень пропадает.

– Гражданки русалки-и-и! Покажитесь, пожалуйста-а-а!..

Господи, что я несу?! Более идиотской формулировки вызывания кого-либо и придумать трудно. Вторая мысль, пришедшая мне в голову, была не более умной, но тем не менее сработала. Я попросту набрал камешков и начал кидать их в реку. Буквально через пару минут на поверхность вынырнули две хорошенькие головки, одна – с зелеными волосами, другая – с синими. Физиономии у обеих крайне недовольные, та, что с зелеными, еще почесывала шишку на макушке, куда ее стукнул мой камешек.

– Эй, добрый молодец, ты чего это тут озорничаешь?

– Виноват, гражданочки. – Я попытался козырнуть, но вовремя вспомнил, что лишен головного убора. – Разрешите представиться: начальник милицейского отделения города Лукошкино, младший лейтенант Ивашов Никита Иванович.

– Смотри, какой представительный, – хихикнула та, что с синими. – Мундир с пуговками, покрой иноземный, все так блестит, аж глазам больно. Ты, сокол, лучше бы сказал, зачем камнями кидался?

– Так я это и пытаюсь объяснить, – торопливо зачастил я. – Баба Яга меня послала к вам за живой водой. Младший сотрудник наш в бреду мечется, его упыри поцарапали, так что вы уж постарайтесь, пожалуйста.

Русалки переглянулись и довольно откровенно зевнули, им это было неинтересно...

– Но... там же человек умирает!

Они развернулись и неторопливо заскользили вниз по течению.

– Эй! Эй, вы куда, гражданочки! А знаете, чем карается отказ содействовать работникам милиции?

Они этого не знали, и им это было до лампочки. В отчаянии я заорал в полный голос:

– Да стойте же вы, спекулянтки мокрохвостые! Я заплачу!

Вот тут они мигом остановились, переглянулись и повернули обратно.

– Что ты там говорил об оплате, Никита Ивашов?

– Что готов заплатить за ваше снадобье. Между прочим, стыдно делать бизнес на безнадежно больных людях, но... об этом в другой раз. Вот емкость, наполните ее, пожалуйста, живой водой, скажите, сколько я вам должен, и не забудьте выписать чек – мне перед Ягой отчитываться надо.

– Зачем? – не поняли они.

– А откуда мне знать, что вы туда налили?! – резонно ответил я. – Старушка у нас в этом деле образованная, она проверит, если что не так – вот чек, и разбираться будем уже в другом месте.

Синеволодая подмигнула зеленокудрой, и та, подхватив мою флягу, скрылась под водой. Пока она отсутствовала, ее подруженька чересчур пристально меня разглядывала. В ее глазах сверкала такая неприкрытая откровенность, какая может быть только у истинных «детей природы». Ее морально-этические нормы явно отличались от моих, а рамки приличия в ее понятии вообще вряд ли имели место.

– Начальник милиции, а ты женат?

– Нет.

– А почему так? Не нашел суженую по сердцу?

– Времени не хватает, – буркнул я. – Служба, все время служба. И днем, и ночью, и в будни, и в праздники, так что как-то недосуг...

– И мне не до кобелей, – томно вздохнула она.

Я не сразу угадал скрытую игру слов, а когда понял, покраснел. Она надо мной издевалась.

– А почему ты назвал нас мокрохвостыми? – вновь полюбопытствовала русалка. Я пожал плечами... – Ты, наверно, думаешь, что у нас такие рыбки хвосты, как у карасей?

– А что, нет? – опять смутился я.

Синеволодая заливисто рассмеялась, словно горсть хрустальных шариков рассыпали по мраморному полу:

– Конечно же нет. Мы точно такие, как и все земные девушки, просто больше времени проводим в реке. Разве ты на земле не устаешь от этого солнца, пыли, вечно потной одежды, людского столпотворения? А здесь

тихо, легко, прохладно... Рыбьи хвосты придумали досужие бабы, чтобы отпугивать от нас своих мужчин. Ничего такого нет, посмотри...

– Эй, эй, гражданочка, что это вы делаете, – слабо запротестовал я, беспорядочно отступая, потом споткнулся, бухнулся задом на песок, да так и остался сидеть, не в силах отвести взгляда от дивного создания, что выходило ко мне из реки.

Нет, она была одета, но как... Тонкая, почти прозрачная, длинная рубашка без рукавов скорее обнажала, чем скрывала стройную девичью фигурку. Мокрая ткань облегла такие формы, каким могла бы позавидовать суперпопулярная манекенщица. Девочка была рождена для экрана и подиума, а белая кожа и синие волосы только добавляли ей своеобразного шарма. Когда вода стала ей по колено, она игриво повернулась и, подхватив волну мокрых волос, шутливо покачала бедрами.

– Вот видишь, никакого рыбьего хвоста!

– Ам... ну-у? вс...м... о-о-о!..

– Что, что? – обернувшись, переспросила она.

Ответить я не успел – из реки вынырнула вторая русалка и с деланным возмущением напустилась на подружку:

– Вот вы тут, значит, чем занимаетесь?! Я за живой водой плыву, туда и обратно в пять минут уложилась, а они здесь знакомство крутят... Даже меня не подождали, бесстыдники!

– Да мы ничем еще и не занимаемся, – улыбнулась синеволосая. – Никита захотел посмотреть, есть ли у меня хвост. Представляешь, чего ему там, в Лукошкине, нагородили?..

– Еще бы! Ну что ж, добрый молодец, вот твоя фляга, полнехонька. Где платить будешь?

Зеленоволосая тоже медленно вышла из реки. По сравнению с первой она была чуть ниже ростом и пухленькой, капли воды стекали с ее одеяния, как жемчужные нити... Две сразу – это перебор! Я не знал, куда прятать глаза. А обе русалки, ни малейшим образом не смущаясь, встали передо мной едва ли по щиколотку в воде и прямо потребовали:

– Плати!

– Что? Ах, да. Конечно, сейчас, минуточку. Вот только... – Я лихорадочно обыскивал карманы и только тут вспомнил, что отдал все свои деньги тому шустрому мальчугану, который в результате выбросил их в реку и бессовестно спер у меня милицейскую фуражку.

– Что ты там ищешь, милиционер? – немного удивились подружки.

Я, игриво улыбаясь, делал вид, что вот-вот вытащу из какого-нибудь внутреннего кармана завалившийся золотой. Бесполезно. Ни золотого

червонца, ни серебряного рубля, ни даже медной копеечки у меня не было. Малолетний спортсмен вытряс все подчистую.

– Никита, ты что, деньги потерял? – догадалась синеволосая.

– Ага, – жалобно признался я. – Может, как-нибудь в долг, а? Я вам расписку оставляю, честное слово.

– Слушай, он что, с нами деньгами рассчитываться собирался? – нахмурила бровушки зеленокудрая пышка. – Парень, ты тут давай не мудри, обещался платить – выполняй.

– Так я и говорю, что денег... – начал было я и осекся. Кажется, до меня дошло, какую именно оплату она имеет в виду.

– Что ж ты побледнел, миленький? – ласково заговорила вторая, протягивая ко мне белые руки. – Иди сюда, не бойся... Нас никто не увидит. Мы будем любить тебя так, что ты сам никогда больше не захочешь вернуться на эту сухую землю.

– Не переживай за друга, – поддержала зеленоволосая, – мы доставим ему живую воду, обещаем. А ты останься с нами хоть на денек. Тебе понравится! Иди к нам, ты ведь обещал плату...

Я невольно сделал пару шагов навстречу. Русалки нежно взяли меня за руки и поманили за собой. Я не находил слов, чтобы объяснить этим прекрасным созданиям, что у меня нет времени, что мне пора, что Митька болен, а в столице остались неразрешенные дела... Они глядели такими умоляющими глазами, называли меня самыми ласковыми именами, уговаривали остаться всего лишь на день, на часок, на пару минут... И лишь когда вода захлестнула меня выше колена, я опомнился. Попытался шагнуть назад. Ласковые руки русалок сжали мои запястья, словно медвежьи капканы. На секунду я почувствовал липкий страх...

– А ну отпустите дяденьку милиционера! – грубо потребовал тонкий мальчишеский голосок. Позади меня, на берегу, стоял тот самый пятилетний бегун в нахлобученной на нос форменной фуражке. – Я кому сказал?

– Вечно ты лезешь не в свое дело, Ванечка! – укоризненно затараторила зеленоволосая. – Младший лейтенант сам, добровольно с нами идет. Мы ему живую воду добыли, для больного сотрудника, а он за это заплатить обещался. Все честь по чести, без обмана, зачем же ты вмешиваешься?

– И не стыдно вам, а? – Мальчик по-детски погрозил пальчиком. – Пользуетесь тем, что он в наших краях человек новый и ничего о привычках ваших знать не знает. Охмурили мужика?

– Да ничего подобного! – хором возмутились обе русалки. – Никто его даже не держит, он сам!

– Ну, уж мне-то не надо голову морочить. Не первый год на свете живу... А ты, участковый, чего стоишь как неживой, хватит купаться, давай вылезай...

Я вырвался-таки из прохладных русалочьих рук, пошел и встал рядом с белобрысым спасителем, жалко хлюпая мокрыми ботинками.

– Ничего, пока до города доскачешь, небось высохнешь... – Он улыбнулся и протянул мне фуражку. – Не сердись, Никита Иванович, добрая у тебя душа, но доверчив ты, словно дитя малое, неразумное. Разве ж с русалками можно в воду идти? Защекочат и утопят! Не от характера злобного, а натура у них такая. Вон та, зеленоволосая, Дина, ее мать еще в младенчестве в реку бросила, от «греха внебрачного» избавлялась. А подружка ее, Уна, сама камень на шею повесила. Из-за любви несчастной в омут головой бросилась. Сам посуди, за что им людей любить?

– Понимаю, – тихо кивнул я. – Ну, а ты-то кто такой будешь? На вид ребенок, а рассуждаешь так, будто меня лет на двадцать старше.

– Больше! Много больше, участковый, – еще шире улыбнулся он. – Внешность-то, она ох как обманчива бывает... Ванюша-полевичок мое имя. В поле да на дороге живу и пропитаюсь. Хороший человек пройдет – награжу, плохой поедет – накажу.

– Это... что-то вроде лешего или домового, только в поле? – предположил я.

– Догадливы-ый... Время-то не тяни, глянь, полдень уже. Садись на кобылку свою да в город поспешай. Флягу не забудь!

– Спасибо! – Я надел фуражку, козырнул непонятному малышу и повернулся к реке, обе русалки смотрели на меня самыми печальными глазами.

– Вы уж извините, гражданочки, что так получилось... Честное милицейское, как с делами управлюсь, обязательно вернусь и за воду заплачу. Нет, тонуть я не намерен, но, может, подарок по душе каждой раздобыть сумею.

– Мне – бусы! – воскликнула Уна.

– А мне – серьги! – тут же поддержала зеленокудрая Дина.

– Заметано... – серьезно кивнул я. – А ты... Вы, Иван-полевик, примите мою благодарность за своевременную помощь.

– Ладно уж... езжай. – Малыш привстал на цыпочках и помахал мне рукой. – Бабе Яге привет передавай, мы с ней старые знакомые.

На обратном пути я гнал лошадь, как мог. Полная кожаная фляга

болталась на ремне через плечо и била меня по спине. Бабка просила доставить лекарство до заката, и, хотя до города мне добираться таким темпом едва ли больше часа, я пустил в галоп. Да мало ли чего еще подобного на пути встречается. А не показался бы этому многолетнему крохе «добрым дядей», так уже бы пускал пузыри на дне речки Смородины? Нет! Надо срочно попасть домой, в родное Лукошкино, а если куда еще и ездить, то заранее выпрашивать у Яги все возможные сюрпризы.

Стрелецкий конный дозор встретил меня уже за разрушенной мельницей.

– Эгей, по твою душу посланы, батюшка сыскной воевода!

– Что-то серьезное?! – Я привстал на стременах, резко осаживая разгоряченную лошадь.

– Хозяйка твоя нас за тобой погнала. Беда в отделении! Парень-то ваш совсем сбесился! – начал старшой.

– Митька?!

– А кто ж? Баба Яга говорит, все в бреду метался, да вот, как на беду, в отделение армяне Кирокосьянцы всей семьей пожаловали. Вина принесли, яблок, персиков разных, ковер большущий в подарок. Все за «науку» кланялись...

– Короче! – взмолился я.

– Чего?! А... ну, так Митька ваш как вдруг на четвереньки встал, да как начал всех по-собачьи облаивать! Кто в смех, кто в визг, а он ведь не шутки шутить – он кусаться начал. Армяшки из отделения как горох посыпались! Крику на всю улицу, а сотрудник твой – ну их по двору гонять! Рычит, у самого глаза красные, на землю пена падает, а зубами кусок штанов чьих-то так и треплет...

– Уволю! – сквозь зубы поклялся я, снова пускаясь вскачь. – Совсем мне мундир милицейский дискредитировал.

По Лукошкину мы неслись целым боевым отрядом. Из-под конских копыт с возмущенным кудахтаньем уворачивались куры, махали вслед счастливые ребятишки, испуганно крестились бабы, и уважительно снимали шапки мужики – милиция едет!

У ворот отделения нас встречала целая толпа народа. Стрелецкая сотня Еремеева успешно отпихивала чересчур нахальных, но самые любопытные облепили близстоящие деревья и заборы, пытаясь хоть как-то углядеть, что творится у нас во дворе.

– Православные, гляньте-ка, сам участковый приехал!

– Ну, все... Теперь-то он тута порядок наведет! Сейчас уж полетят с

плеч буйны головы, пойдут плясать кнуты с нагайками, посидят молодцы по острогам сибирским... Никитка, он на расправу крут! – восторженно вопил какой-то мелкий старикашка, грозя кулачком неизвестно кому.

Народ поддержал его уважительным сопением. Пока я спешивался и проталкивался к воротам, разнообразные крики со всех сторон делались все громче:

– А че случилось, че случилось? Случилось че?!

– Да Митька с милицейского двора совсем с ума спятил!

– Так его ж намедни бомбой разорвало?!

– Ни хрена! Взорвешь его, как же... Живой, подлец! Ничего-то ему не делается...

– А че случилось? Случилось-то че, православные? Скажите Христа ради, не то помру!

– Так я и говорю – Митька этот безбожный милицейской властью прикрывался, а сам все армянское подворье так живьем и загрыз!

В толпе раздались нестройные вздохи – бабы решили попадать в обморок...

– Таки всех?!

– Всех! И жен, и стариков, и детей малых не помиловал... А все почему? Потому, что милиция эта – служба адова! Не от Бога она идет, а от самого дьявола!

– Еремеев, будь другом, поймай мне этого голосистого умника и сунь в поруб. Мы с ним вечером разъяснительную беседу проведем, – на ходу попросил я и шмыгнул в калитку.

Зрелище, увиденное мной, заставило бы присесть любого, менее закаленного оперативного работника. С одной стороны, у меня волосы дыбом встали, с другой – вздохнуть не мог от хохота... Прямо по двору с гиканьем носилась Баба Яга, восседающая на Митькиной спине. Она цепко держала его за воротник и хлестала полотенцем по заднице. Митяй скакал на четвереньках с приличной скоростью, поднимая тучи пыли и резво взбрыкивая ногами.

– Никитушка-а-а... поберегись! – Бабка осадил скакуна прямо перед моим носом. – Воду живую принес?

– Угу... – едва держась на ногах, кивнул я.

– Так давай скорей, пока я его, неезженного, держу!

Я откупорил флягу и сунул в раскрытый Митькин рот. Он запрокинул голову и в минуту выхлестал все. Потом скосил на меня безумные глаза, чихнул и рухнул на живот, распластавшись, как тещин блин. Баба Яга вовремя успела соскочить и, сделав пару неуверенных шагов, тоже

ухнулась было наземь, но я ее подхватил.

– Неси меня в дом, участковый... – слабо простонала она. – Совсем замотал, супостат, будто не я на нем, а он на мне ездил.

– А... с ним как?

– С ним? Ниче с ним теперь не сделается... Как проспится – сам прибежит. Ох, спина, спина, спина... Замучил радикулит проклятый!..

Гороху я отправил докладную записку, на то, чтобы сегодня еще идти во дворец, сил уже не было. Забегал нарочный от немецкого посла, тот жутко извинялся за ночное происшествие. По совету шибко умного пастора трупы отравленных охранников были оставлены на ночь в открытых гробах в костеле. Утром их, естественно, не обнаружили. Когда стрельцы приволокли обоих, то выпиравшие клыки и острые когти у мертвецов волшебным образом исчезли. Но посол вроде бы мне во всем верит и обязуется сегодня же вечером обоих надлежащим образом похоронить. Правда, каким именно, деликатно умалчивает... Если они еще раз восстанут, я этого посла первого им на съедение суну. Итак, в деле уже три трупа. Что же такое творится? Складывается нехорошее впечатление, будто бы кто-то задался целью уничтожить все наше отделение. Но кому и чем мы так насолили? Ума не приложу...

Вечером я поделился своими сомнениями с Ягой. Митьку перенесли в сени, и он спал совершенно нормальным, здоровым сном. Мы с бабкой сели друг напротив друга, ведя неспешную беседу.

– Ты уж прости, что я тебе про русалок-то не рассказала. Все время забываю, что ты у нас не местный. Наши-то все знают, оттого и на речку Смородину особенных ходок нет. А за привет от Ванечки-полевика спасибо! Добрый он, понапрасну никого не обидит...

– Да, мальчишка забавный... – Я крутил в пальцах деревянную ложечку, наблюдая, как медленно перемещается в ней густая капля меда.

– Не томи, участковый, говори прямо, что душу мучает?

– Сомнения у меня, бабушка... Серьезные сомнения в правильности всего дела. Куда-то не туда мы движемся...

– А мы и не движемся вовсе, – хмыкнула Яга. – Все на одном месте толчемся. Как только взялись, так все шиворот-навыворот и пошло. Немцы невесть откуда влезли, упыри понабежали, взрывы, убийства, нападения в собственном доме... Такое творится – голова кругом!

– И, как вы заметили, все концентрируется на одном Митьке.

– Это... как же? – не поняла Яга.

– А вот посмотрите... Мы отправили его на базар, поспрашивать

насчет черной ткани. Он вернулся, доложил, что ничего не обнаружил, и в тот же вечер на нас напали. Следом очередное покушение – взрыв, ориентированный, между прочим, именно на Митькин след. Вчерашней ночью упыри не полезли ко мне или к вам. Они убрали стрельцов и дружно взялись за нашего горе-сотрудника. Сегодня я сам слышал подстрекательские выкрики из толпы, что, дескать, милиция – это от дьявола, а Митька – его слуга.

– Поймали болтуна-то?

– Нет, затерялся в толпе, – сумрачно вздохнул я. – Так вот, теперь я убежден, что все события между собой очень тесно связаны и ключом ко всему все-таки является наш герой. Видимо, вы были правы, он увидел что-то очень важное, но сам не осознал и не понял. А тот, кто об этом знает, не хочет ждать, пока он вспомнит... Его снова попытаются убить.

– Ладно, завтра с утра с ним потолкуем. Ты сегодня-то чего еще делать будешь?

– Видимо, да. Послал стрельцов за Шмулинсоном. Он ведь, хитрец, ушел вчера, так и не объяснив мне, почему рассчитался за ткань до получения товара.

– А... ну, вон, видать, его и ведут. – Бабка, приподнявшись, выглянула в окно. – Свеж как огурчик, без вещей, идет в милицию как к себе домой.

– Да что вы говорите?.. Ну, тогда зовите его пред наши грозные очи.

Шмулинсон шагнул в горницу, фамильярно подмигивая и улыбаясь самой покровительственной улыбкой:

– Ви не поверите, как я рад вашему лицезрению! Я таки чую, шо наше деловое сотрудничество уже почти дает сочные плоды. – Он без приглашения уселся за стол, по-хозяйски раздвинув локти, и, хитро сощурился, спросил: – Сегодня мы решаем вопрос оплаты, угадал?

– Нет, – сухо ответил я, доставая бумагу и ручку.

– Шо за странное слово «нет»? Я категорически не уловил его значения. А... понял! Таки ви хотите знать, чем я располагаю, прежде чем предложить мне свои условия? Это разумно. Мы с вами – деловые люди...

– Гражданин Шмулинсон Абрам Моисеевич, сорока трех лет от роду, женат, имеет троих детей...

– Ви забыли тещу!

– ...работает гробовщиком и портным одновременно, оказывает мелкие услуги как ростовщик, приводов в милицию не имел, за правонарушения не привлекался, проходит в деле о краже черной ткани как свидетель и пострадавший. Все так?

– В самое сердце! Именно так и не иначе, – растроганно подтвердил

Шмулинсон, – только вы забыли про тещу. Она тоже сидит на моей шее и, представьте себе, много ест...

– Абрам Моисеевич, – устало оборвал я, – скажите, почему вы заплатили деньги до того, как получили товар?

– А шо? – сразу насторожился он. – Где-то тут скрыт крупный криминал?

– Во всем Лукошкине даже дети знают классическую формулу здоровой торговли: товар – деньги. У вас почему-то наоборот. Отдаете деньги, судя по указанной сумме, немалые, и спокойненько ждете целый день, чтобы только завтра пойти на склад за получением ткани. Вас ничего не напрягает?

– А шо такого? Нет, шо такого, вы мне скажите! Я таки весь жутко пострадавший, а вы мне шьете дело! Нет, так у нас ничего не получится... Вам придется искать себе другого заместителя. Рад был видеть, преисполнен печали, буду вспоминать с щемящей болью в груди... Спешу откланяться.

– А ну сесть! – Я хлопнул ладонью по столу так, что самовар подпрыгнул, а перепуганный гробовщик вцепился руками в шляпу.

Нервотрепки последних дней давали о себе знать... Яга укоризненно свела брови, но ее глаза смеялись.

– Итак, мне очень хотелось бы знать, какие именно причины побудили вас на столь «странный» поступок?

– А шо? Чуть шо, сразу... Я шо, нарушил? Ви, гражданин начальник, или выдвигайте напротив меня ваши обвинения, или я склонен жаловаться государю! – постепенно успокаивая сам себя, завернул Шмулинсон.

– Значит, не хотите отвечать? Хорошо, я сам вам расскажу.

– Ви? Мне? Ой, ну жутко интересно...

– Вы заплатили Кирокосьянцу и Аксенову деньги вперед, так как были почти на сто процентов уверены, что на складе ткани не окажется. Думаю, вам известно имя человека, который также искал черную ткань и был готов ее у вас перекупить. Наверняка он сначала обращался напрямую к поставщикам, но купцы отказали. Они дорожат своим именем и не станут нарушать данное слово из-за лишней горсти серебра. А вот вы смекнули, как на этом можно сделать деньги... Этот некто знал, когда ткань поступит на склад, и вы это знали. Поэтому сунули всю сумму в руки недоумевающего армянина, спокойненько прождали целые сутки, а наутро осторожно уточнили, нельзя ли забрать купленное? Как вы и ожидали, черной ткани на складе не оказалось! Оставалось лишь поднять шум, обвинить купцов в прикарманивании «последних денег бедного еврея» и

получить в качестве откупного солидный куш, что вы и намеревались сделать.

– Ну, не... шо ви такое сочиняете? Да я ни в одном глазу... как можно?! Такие достойные люди, а я против них...

– Вот именно. Лукошкинские купцы славятся непререкаемой честностью в своем бизнесе. Малейший скандал мог бы бросить тень на их репутацию... Еще полгода назад они бы безоговорочно вернули вам деньги и щедро добавили от себя, лишь бы не допустить такого позора. Вы ошиблись лишь в одном: времена изменились. Теперь в столице работает милицейское отделение. И слава Богу, купеческие головы додумались сюда обратиться... Вам ведь этого очень не хотелось?

По смуглым щекам горбоносого афериста текли неискренние слезы, он аккуратно промокнул их мятым носовым платком, отступая на заранее подготовленные позиции:

– Ну... и шо? Где ж тут... состав преступления?

– Мошенничество, милый друг, – охотно пояснил я, – да еще в особо крупных размерах. Когда до купцов дойдет, как именно вы их подставили, они обойдутся без черной ткани, от всей души украсив ВАШ гроб хоть китайской парчой.

– Сколько мне светит? – мгновенно прекращая слезоразлив, поделовому уточнил Шмулинсон.

– Все зависит от моей доброты, но мне нужна информация.

– Понял на раз, начальник. Пишите. За два дня до привоза ткани ко мне подходил некий пастор Швабс из немецкой слободы. Ему срочно нужны были три штуки черного шелка и четыре штуки бархата на нужды костела. Я охотно согласился, можно сказать, подал руку помощи, но... мы не сошлись в цене. Прошу заметить в протоколе, шо он обозвал меня «грязным барыгой». За шо? Если я покупаю по одной цене, а продаю по другой – так это мой кусок хлеба, зачем ругаться?

– Дальше, – потребовал я.

– Ну, он сказал, шо тогда я ее вообще не увижу. Очень неприятный человек, ни с того ни с сего такие угрозы... Поговорив дома с Сарой, я принял мудрое соломоново решение – заплатить вперед. Либо все тихо и я таки получаю товар, либо его нет и я... опять не в обиде! Слушайте, ви так молоды, у вас все впереди, а у меня больная жена, голодные дети, теща с язвой и шумы в сердце. Я сказал чистую правду, клянусь Моисеем! Теперь я могу поспешить откланяться?

Когда гробовщик вышел, я тут же приказал двум стрельцам,

дежурившим в сенях, идти за ним следом, но на расстоянии, чтоб не заметил. Дело к ночи, а гибель ценного свидетеля меня абсолютно не устраивает. Парни кивнули и обязались бдить за «долгоносым» вплоть до самого его дома. Вообще стрельцов в тот вечер у нас было пруд пруди. Еремеев расквартировал на бабкином дворе едва ли не половину своей сотни. Все были суровы, собраны и полны решимости отомстить за гибель боевого товарища.

– Никитушка, ты бы шел спать, касатик... – начала Баба Яга, когда мы напились чаю.

Я выпил не меньше трех чашек, успокаивая душу после «содержательного» допроса свидетеля.

– Сейчас пойду, стрельцов дождусь только. Не век же они будут его провожать.

– Да уж, больше часа прошло... Вскорости должны быть. А как ты угадал про того злодея, что тканями интересовался?

– Про пастора? Это элементарная логика. Первые сомнения мне подбросил царь Горох, он начал шуметь, будто евреи вечно норовят с наших купцов три шкуры содрать. Глупости, конечно... По мне, так все хороши, но сама идея того, что Шмулинсон знал или подозревал о краже, в голову запала.

– Одно непонятно, зачем же пастору немецкому черную ткань красть? У них ведь, как я помню, во всем одеянии церковном черного цвета нет. Сам в белом платье по улицам разгуливает, служки его в коричневых рясах. При чем же тут черное-то?

– «Ищите причину – найдете преступника», как говорил нам полковник Шмулько.

– Че ж тут искать? – удивилась Яга. – Преступник – пастор этот, как его... Швабс. Заарестовывать его – и дело с концом!

– Хорошо бы... а за что?

– За... за... вот ведь, змей, и ухватить-то его не за что!

– К сожалению... Что мы можем ему предъявить? Что некий Шмулинсон бездоказательно утверждает, будто бы он, гражданин Швабс, пытался перекупить у него черную ткань, а когда не вышло, в сердцах пообещал, что тогда она никому не достанется? Банальнейшее брюзжание из-за несостоявшейся сделки. Состав преступления – никакого, признаков правонарушения – тоже. Не говоря уж о том, что немец вообще сделает круглые глаза и скажет, что он этого еврея впервые в жизни видит! Нет... Направление мы получили правильное, но, чтобы добиться результата, нам еще пахать и пахать...

– Охохо-о-нюшки, грехи наши тяжкие... – сочувственно вздохнула Яга, убирая со стола.

В дверь постучали, явились стрельцы, следившие за Шмулинсоном.

– Все мирно, батюшка сыскной воевода. До самого дома проводили гробовщика энтото.

– В дороге ничего особенного не приметили?

– Нет... ну, вот разве... – Говорящий замолчал, неуверенно глянул на напарника, потом все же решился и продолжил: – Показалось мне, будто на Гончарном переулке из-за забора человек выглядывал. Вроде вылезть собрался, да нас услышал... Я туда сбегал – никого. Иваныч говорит, показалось...

– Так... Это все? – уточнил я.

– Вроде все, – кивнули оба.

– Ясно. А что, молодцы, когда шли обратно, не было ли у вас ощущения, что за вами следят?

– Как в воду глядишь, участковый! – перекрестились стрельцы. – Только назад повернули, а чуем, ровно в спину кто дышит. Всю дорогу со страху оборачивались... Ну, да Бог миловал...

– Что ж, спасибо за службу. Вы свободны, доложите Еремееву о выполнении задания, и пусть располагает вами по собственному усмотрению. Бабуль, так я, видимо, пойду? Время и впрямь позднее, а этот петух завтра опять ни свет ни заря...

– Тревога-а! – истошным мужским воплем грянуло за окном. – Тревога, ребята, вражье!

Я бросился к дверям первый, оба стрельца – за мной, Яга кинулась к окошку. Во дворе горели факелы, толпились вооруженные люди, несколько человек в середине что-то яростно рубили бердышами...

– А ну, пропустите! Да разойдись же! Пропусти, кому говорю!

Когда я протолкался в центр, от «врагов» осталась лишь куча мелко нарубленных костей, плоти и тряпок, крови не было... На этот раз я узнал бы их и без дактилоскопического анализа. Ганс Гогенцоллерн и Георгий Жуков, бывшие охранники, неудавшиеся террористы, упыри, сегодня вечером похороненные на кладбище иноземцев. По крайней мере, нам так было обещано... Сейчас бессмысленно гадать, как они выбрались из могил. Наверно, осинового колов все-таки не вбили. О результате Яга предупреждала...

– Никто не пострадал?

– Нет, батюшка участковый, – откликнулись стрельцы. – Мы на стреме были, во всеоружии. Только эти злодеи через забор прыгнули, как мы их

всем миром – в топоры!

– Вообще-то поступили правильно, но только в данном конкретном случае, – напомнил я. – Это упыри, избавились от них, и ладно. А представьте, если бы живые люди? В плен надо брать, а не за бердыши хвататься. Впредь глядите повнимательней... Ну а за службу – всем спасибо.

– Рады стараться, батюшка сыскной воевода! – тихо грянули герои. – А что... это вот те самые, что Игната Дубова порвали и Петрушку Котова башкой к бревнам приложили?

– Да, те самые. В немецкую слободу этот мусор больше не повезем. Возьмите дров из поленницы и сожгите все это к чертовой матери.

– Слушаемся, – облегченно вздохнули стрельцы. – Стало быть, за своих мы все ж таки отомстили, сделали богоугодное дело... Ну, вот так-то, будут знать! Тащи дрова! У кого огонь? Гореть им на том свете, как на этом...

Я вернулся в дом. Рассказал Яге, как и что, да она и сама все в окошко видела.

– Ох, Никитушка, двоих злодеев завалили, а как бы дальше-то худо не было... Мы, вишь, все веточки рубим, а сам ствол – целехонек. Не нравится мне это...

– Мне тоже, а что поделать? Пока у нас на руках лишь разрозненные подозрения. Помните рассказ стрельцов? Я убежден, что они действительно видели упырей, охотящихся за Шмулинсоном. Когда убедились, что тот надежно заперся в доме, они пошли следом за стрельцами к отделению. Видимо, хотели попробовать счастья еще раз...

– Так ты все считаешь, что им наш Митька нужен?

– По рабочей версии – да. Вот он завтра проснется, я первым делом спрошу, не слыхал ли он о других покупателях черной ткани. Почти уверен, что он вспомнит тихого немецкого пастора. Но только вспомнит сам, без нашего давления, как нечто настолько несущественное, о чем в донесении и упоминать не стоило.

– Совсем ты запутал меня, старую... Да разве ж охранники посольские пастору подчиняются? У них, чай, свое начальство есть. Попробовал бы наш поп Кондрат командовать, да вон хоть тем же Еремеевым. Где сел бы, там и слез!

– Вообще-то – да... Мне это тоже не дает покоя. Но других гипотез пока нет. Может быть, они ему служили как духовному отцу? А может, он их загипнотизировал как-то?

– Чушь мелешь, участковый! – досадливо отмахнулась Яга. – Уж в

этом-то я б их сразу раскусила... Нет, они по иным причинам и после смерти его воле послушны. Иное колдовство здесь кроется, сильное да страшное...

– Ладно вам перед сном кошмары нагнетать, – зевая, попросил я. – Давайте-ка спать пойдем. По комнаткам, на бочок, и баиньки. День завтра тяжелый...

– А когда он у тебя в последний раз легкий был, Никитушка? – улыбнулась бабка. – Иди, иди, соколик, а насчет снов не беспокойся, уж я о том озабочусь...

Митька выздоровел! Это было первой новостью, порадовавшей меня в то утро. Или нет, вернее, второй, первой было отсутствие петуха. Меня разбудил заботливый стрелец, присланный Еремеевым, а не эта скандальная птица. До определенного момента я не мог поверить в свалившееся на голову счастье... Неужели петух повесился?! На деле все оказалось гораздо прозаичнее, я так умотался за день, что утром просто проспал петушиный крик. Значит, по-настоящему радостным остается все-таки одно событие – выздоровление нашего младшего сотрудника. Причина, по которой Баба Яга скрепя сердце позволила меня разбудить, – срочный вызов к царю! Горох в очередной раз «страшно гневался на неуважительного участкового». В большинстве случаев это делалось в уступку некоторым влиятельным боярам, до сих пор не простившим мне «посягательства» на их древние права. Просто в деле о шамаханском заговоре оказался изрядно замешан один очень родовитый гражданин, столбовой боярин Мышкин, и мне, естественно, пришлось его допрашивать, держать в порубе... Словом, обращаться без церемоний, как с обычным подозреваемым. Для прочих это было началом конца света! Горох хотя и всемерно меня поддерживал, но иногда «кидал кость» боярской думе, устраивая шумные разносы всему управлению в моем лице. Что делать, политика везде одинакова...

– Никитушка, к царю-то пойдешь, меня не забудь, – застенчиво напомнила бабка, пододвигая ко мне миску с варениками. Я только кивал, болтать с набитым ртом трудновато, а готовила Яга отменно. – У меня, слышь, тоже своя версия имеется. Да ты кушай, кушай, родной, не отвлекайся... Митю мы опосля чая вызовем, да и расспросим с предосторожностями. Сейчас он во дворе молодым стрельцам о своих подвигах бахвалится. Врет, будто бы с ним даже двое упырей справиться не смогли... О чем это я? А, насчет версии... Вот я что удумала, надо тебе к лесному дедушке сходить, посоветоваться. Я-то сама уж не один годок в

городе живу, нюх притупился, силы уже не те, а леший, он с землей-матушкой навечно корнями связан... Если в нашем деле какое чуждедейное волшебство есть, он тебе на него сразу же укажет! А мне сдается – есть оно. Шамаханцы-то что! Тьфу – и нет их Орды! Они же язычники поганые, без Кощеева зелья ничего из себя не представляют... А тут мы дело имеем с врагом серьезным. Сдается мне, за пастором этим такие силы стоят, что и Кощей с ними за ручку поздороваться не погнушается. Вот от царя вернемся – я тебя в лес свожу...

– М... н... в лес!.. – отрицательно замотал головой обьевавшийся я. – Давайте лучше вас туда командидуем, у меня от общения с русалками еще мурашки по коже бегают. А леший, я так полагаю, еще более крупный авторитет? Нет уж, мы как-нибудь по старинке, методом дедукции...

– Да ты не волнуйся, милый, я те все, что надо, обстоятельно расскажу. Если вечером поедешь, то к утру уже назад обернешься.

– А вы-то почему не хотите сходить?

– Нельзя мне... – снова засмущалась бабка, да так, что щеки у нее стали красными. – Дело тут такое... слишком уж личное. Сватался он ко мне неоднократно. Я все отказывала, молодой была, глупой... Долго мы с ним не виделись, и теперь уж что старое ворошить? Только опасение имею, приду в лес – ну, как он вновь приставать начнет?

– Да... но... – при мысли о том, кем надо быть, чтобы плениться «прелестями» Бабы Яги, – мне едва не стало дурно. – Так... ведь он, наверно, старый уже?

– Старый, – подтвердила Яга. – Я-то еще в девчонках бегала, а он уже не молод был. Теперь-то, видать, совсем стар, но рисковать не буду. Знаю я вас, мужиков, седина в голову – бес в ребро!

В конце концов она меня уговорила, пообещав с текущими делами отделения управляться самолично. Да и за ночь что особенного может произойти? Если бы днем – дело другое, а ночью... Бандиты тоже люди, им тоже спать надо. К царю мы пошли все трое плюс еще четверо стрельцов в качестве охраны. День как день... Народ занимался своими делами, никто не паниковал, об упырях горожане не знали, и я почувствовал некоторую зависть к этим безмятежным людям. Если верить Яге, то в Лукошкине свило гнездо какое-то страшное колдовство, и хотя его цели пока не ясны, но намерения наверняка преступны. Что можно такого взять с города? Зачем кому-то устраивать здесь тайную резиденцию чужеродных темных сил? Во-первых, нам и своих хватает. Во-вторых, я не уверен, что местный «криминал» потерпит конкуренцию. И все ради чего?! Обложить Лукошкино данью? Требовать от жителей человеческих жертв? Поменять

власть? Установить свой порядок и свою религию? Чушь какая-то... Это от нехватки настоящей рабочей информации всякая дрянь лезет в голову. И все-таки где-то в глубине подсознания билась мысль о том, что здесь есть рациональное зерно, надо только его разглядеть. Все непременно встанет на свои места, как только мне станет понятной причина кражи черной ткани... Цвет! Черный цвет... Видимо, все дело в нем. Дальше мои умозаключения натыкались на железобетонную стену отсутствия фактов. Гадать можно долго, но следствие держится только на голых фактах. Увы, именно их категорически не хватает...

У царского терема нас встречала представительная делегация бояр, немецкий посол и двое его приближенных, включая пастора Швабса. Теперь, когда он был у нас под подозрением, я постарался рассмотреть его попристальнее. Увы, в этом человеке не было ничего, за что мог бы зацепиться взгляд. Среднего роста, среднего телосложения, неопределенного возраста (где-то после тридцати, но до семидесяти), блеклые глаза на тусклом и настолько обыкновенном лице, что память отказывалась его фиксировать. Ни одной особой приметы! Когда-то я читал, что люди именно с такой внешностью становились кадровыми разведчиками и профессиональными шпионами. Он не был похож ни на кого, но при этом на всех одновременно...

Филимон шумно пригласил всех в зал боярской думы. Пока поднялись, пока расселись, пока объявили о приходе царя... Горох прошествовал через весь зал, как флагман на белых парусах, с ходу бухнулся на подушки трона и оборвал начавшего дежурное перечисление титулов дьяка:

– Цыц! Дел невпроворот, на охоту собираюсь, время на праздную болтовню тратить не соизволяю. Значит, так, посол немецкий в третий раз жалобу пишет на участкового нашего, воеводу сыскного Ивашова Никитку.

– Наказать милиционера! В кандалы его! Дожили, иностранцы в нос тычут, попрекают... – дружным хором отозвались боярские ряды.

Горох недобро сощурился и продолжил:

– Однако ж, первую и вторую жалобщину посол при мне разорвал с извинениями серьезными.

– Так и мы о том, наградить бы молодца! – с тем же пылом поддержала дума. – Службу справно несет, своих не забирает, иностранцы, и те, опомнившись, поклон ему бьют. Опять же для престижу российского зело полезно!

– Вот только третью жалобу он сам мне в руки утречком и вручил. По его словам выходит, что украл у него сыскной воевода ночью два трупа из костела, да и надругался над прахом. На куски посек, в огне спалил, а

пепел по ветру развеял.

– Казнить участкового!!! Хриstopродавец! Совсем страх Божий потерял! – через секундное замешательство раздалось со всех сторон. – Нешто мы язычники какие, чтоб к покойным уважения не иметь? Казни, государь, отступника!

Царь вскинул бровь, и в зале мгновенно повисла тишина.

– Ну что, посол немецкий, тебе слово. Говори все как есть, что на душе накопело... Уж мы выслушаем и без промедления будем суд вершить, скорый, но справедливый.

– Государь, – немец с достоинством шагнул вперед и поклонился так, что «уши» завитого парика коснулись напольного ковра, – и вы, благородные господа бояре, я прошу у всех вас прощения за то, что оторвал от важных государственных дел. Только что, во дворе, мы переговорили с Никитой Ивановичем, я получил исчерпывающие ответы и ни одной претензии в адрес лукошкинской милиции не выдвигаю. Надеюсь, что и младший лейтенант Ивашов извинит мне некоторую горячность ложных выводов. Благодарю за внимание...

На этот раз тупое молчание висело гораздо дольше.

– Че делать-то? – жалобно раздался наконец чей-то одинокий голос. – Опять награждать, что ли?

– А может, в кандалы? На всякий случай... А, государь? – участливо поддержал второй.

Царь демонстративно молчал. Бояре осторожно начали обсуждение, мало-помалу увлеклись и вскоре кое-где уже переходили на «ты», хватали друг друга за бороды, грозно размахивая резными посохами. Что ни говори, а времена не так резко меняются... Душа, например, как была, так и осталась прежней. Мы втроем неспешно считали мух... Митька ковырял лаптем узор на ковре, Яга что-то пересчитывала на ладони (вроде камушки, а вроде и чьи-то зубы), я отрешенно пялился на двух стилизованных русалок, вырезанных на подлокотниках трона. Волосы одной казались зеленоватыми, кудри другой отливали глубокой синевой...

– Быть по сему! – неожиданно громко рявкнул Горох, перекрывая общий бардак. Бояре, ворча, расселись по местам. – Иди сюда, сыскной воевода... За службу верную, по поддержанию имени российского перед державами иноземными, жалую тебе мою царскую благодарность да кошель с червонцами сверху.

– Спасибо, большое спасибо. – Я взял золото.

– Стой, куда пошел? Я ж еще не закончил, – удивился царь. – А за халатность и попустительство да над гостями чужедальними

насмехательства глупые велю тебя наказать десятью плетями прямо посередь двора. Или ты деньгами откупишься?

Я посмотрел на него задумчиво и вернул кошелек. В зале раздалось довольное урчание. Бояре выглядели, словно коты, объевшиеся сметаны. Горох исхитрился угодить всем, даже послу:

– А ты, друг Кнут Гамсунович, больше нас пустыми жалобами не тревожь. Ишь, взял манеру шутки шутить... Утром пишешь – вечером рвешь. На третий-то раз уже не смешно, ей-богу.

Когда царь объявил очередное заседание закрытым и все начали расходиться, Горох незаметно сделал мне знак, щелкнув пальцами. Я шепнул Бабе Яге, что задержусь, чтоб ждали с Митькой во дворе. Она понятиливо кивнула и, цапнув парня под локоток, ушла со всеми. Охрана царской особы также удалилась, став караулом у дверей.

– Ты что же такое творишь?! – обрушился на меня Горох, едва мы остались одни. – Голова твоя еловая, милицейская, ты хоть что-нибудь в международной обстановке понимаешь? Ты на фига мне отношения с немцами обостряешь до крайности?

– Но...

– Молчать! Не перечь государю, ибо в гневе я за себя не отвечаю! Три дня – три жалобы, это как? Ты что ж, генерал, решил, что ежели я на посла при тебе всех собак спустил, то так во веки веков будет?

– Не совсем, но вы...

– Не возражать! – окончательно взвинтился царь. – Я те повозражаю! – Он спрыгнул с трона и с размаху ткнул мне кулаком в лицо, целя в нос.

Горох, конечно, драчун не из последних, но и нас в школе милиции не только дорожным правилам учили. Я профессионально заломил ему руку за спину, не особо задумываясь о последствиях, Горох крикнул от боли:

– Пусти, злодей...

– Драться не будете?

– Ладно... Прощу тебя на сегодня. Да пусти же, кому говорят!

После чего мы сели рядом, и я обстоятельно рассказал государю весь парад последних событий. Он ахал, вскрикивал, перебивал, уточнял детали, а в самом конце и вовсе завопил в голос:

– Где посол?! Да я ему сейчас все рога поотшибаю, козлу недоверчивому!

– Не надо! – Я успел оттащить его величество от двери. – Это уж точно лишнее... Не волнуйтесь, мы накроем всю банду, но раньше времени хватать всех подозреваемых – глупо.

– Так и по хвостам бить – проку мало! – опомнился царь, вновь напуская на себя вид бывалого милицейского полковника. – Значит, так, твои действия, участковый... Во-первых, обо всем тотчас докладывать мне! Во-вторых, сам в змеиное гнездо не лезь, где я другого такого опера найду? В-третьих, будешь ихнего пахана вязать – меня позови, я с тобой инкогнито, в стрелецком платье сам на задержание пойду.

– Вам должность не позволяет, – засомневался я, – да и бояре наверняка такой хай поднимут... Не царское это дело.

– Царское! Очень даже царское! – надулся государь. – Ты думаешь, если я на троне сижу, так мне в жизни больше ничего не интересно? Я, чай, не бревно в короне, а человек действенный, мыслящий. А ты со мной все споришь, как с деспотом каким... Вот женю тебя, дурака, будешь знать!

– Не надо, – поспешно капитулировал я. – Лучше уж я вас с собой на облаву возьму.

– Ну, то-то... А насчет лесного дедушки, так послушайся моего совета – сказки это все, ничего ты так не узнаешь.

– Хм... я раньше думал, что и русалки – сказки, и Кощей – ненастоящий, и упыри – плод воображения. А вдруг он все-таки есть? Яга-то в этом уверена.

– Так я и не говорю, что нет его, – пустился в объяснения царь Горох. – Как же лесу и без лешего стоять? Я имел в виду, что информацию свою ты там не добудешь. Потому как представить тебе нечего, улики ни одной нет. Леший, может, и впрямь в любой вещице колдовскую силу угадает, но только ведь нет у нас на руках ничего. Всякий мусор после взрыва? Или зуб выбитый? Так он же человеком утерян был, а не упырем, нечистью охранники уже после смерти стали... Да и тела ты самолично сжечь повелел. С чем пред светлые лешевы очи предстанешь?

Тут он меня подцепил... Все, что было в деле, – это неуверенные подозрения в причастности немецкого пастора к грабежу и убийству. Доказательств – ни одного! Все улики косвенные, свидетелей вообще нет... Да любой начинающий адвокат при таком раскладе отмажет самого отпетого преступника в пять минут!

– То-то и оно, что крыть тебе нечем, – глубокомысленно заключил Горох. – Тяжела служба милицейская, все понимаю, а помочь не могу. Хочешь, кошелек верну? Только по-тихому, пока никто не видит...

– Да ладно... не надо. Бояре правы, никакой награды я пока не выслужил.

– Это правильно. – Государь сунул было руку за пазуху, как бы в поисках кошелька и, удовлетворенно нащупав его, оставил на том же

месте. – Чем до вечера заниматься-то будешь?

– В немецкую слободу пойду, хочу там попристальней оглядеться.

– Дело говоришь. А я, пожалуй, уж ни на какую охоту не поеду. Медведей да зайцев в зиму бьют, глухарей да уток – по осени, а за мелким сором мне соколов гонять неохота.

– Тогда честь имею. – Я развернулся на выход.

– Эй, погоди! – задержал меня царь. – Ну-ка... покажи еще разок, как это ты так лихо руку крутить наострился...

После третьей попытки Горох уяснил механизм приема и, наскоро попрощавшись со мной, убежал тренироваться на стрельцах. Я отправился восвояси... Во дворе ожидала моя команда.

С той же стрелецкой охраной мы направились в сторону немецкой слободы. Митька, как ни в чем не бывало, вертелся вокруг нас с Ягой, донимая меня вопросами:

– А что царь-то сказал?

– Ничего особенного, уточнил отдельные моменты по ходу следствия.

– И все? Эхма... я-то думал, что он вам кошелек с червонцами обратно вернет.

– Нет, я отказался.

– Чего?! – едва не взвыл Митька, выпучив глаза.

– Отказался, отказался, – спокойно подтвердил я, – материальное поощрение мы пока еще не заработали, но...

– А что «но»? – с надеждой протянул герой.

– Но у меня осталась устная царская благодарность!

Митька решил, что я над ним издеваюсь, изобразил глубокую обиду и было ускорил шаг, но Баба Яга задержала его за рукав и елеиным голоском начала тонкий психологический допрос:

– А что, Митенька, как нонешние купцы с покупателями себя ведут, не грубят ли?

– Грубят! – мгновенно «включился» в игру наш младший сотрудник. – Еще как грубят, и обзываются неприлично, и обвешивают безбожно. А с капустой квашеной вообще что удумали?! Сверху в бочонок сухую да кислую валят, а сочную да ядреную внизу держат! Тетка Матрена эта не иначе как враг идейный, потому что с капустой такое творит – не дай бог...

– Ох, ох, и не говори, милый, – участливо подпела бабка. – А я-то, старая, хотела ткани бархатной на кацавейку прикупить, да боюсь одна идти – еще недомерят...

– Недомерят! – категорично подтвердил Митька. – Лавочники, они ж, паразиты, вконец стыд и совесть потеряли. Недомер, недoves, товар

лежалый... Вот тетка Матрена, например, уж на что честное лицо делать научилась, а сама в капусту так и норовит вместо брусники калину подсыпать!

– Ай-ай-ай... Да как таких людей только земля носит? И ты говоришь, в тряпичном ряду тоже безобразие творится? Надо непременно Никите Иванычу доложить, а то ведь, поди, уже покупатели вовсю жалуются?

– Жалуются! Сам слышал! Вот на днях буквально при мне скандал был... Мужик какой-то черную ткань у купца Кондрашкина требовал, а тот не завез. Сует ему под нос синюю да коричневую, а черной-то и нет! Я было ближе протолкался, чтоб поддержать да возмущение солидарное выказать, только глядь – а и нет никого. Один купец за прилавком озирается... Увидел меня – креститься начал, я ить тогда с рогами был. Ну да, меня с цели не собьешь, развернулся я, да напрямую к тетке Матрене. Что ж ты, говорю, ведьма старая, делаешь? Разве это вкус? Разве у капусты квашеной, да с брусничкою, такой вкус быть должен?

– Разберусь я с ней, как бог свят разберусь! – от души пообещала Яга. – Вот ведь времена, прибудешь в лавку – ни товара, ни обслуживания. Я бы на месте мужика того прямо в отделение так и пошла. Надо бы его найти и свидетельские показания к делу пристроить. Он из себя-то каков?

На этот раз Митька на удивление долго молчал, чесал в затылке, морщил лоб, искренне пытаюсь вспомнить.

– Нет, не могу сказать, бабуля... Обычный такой. Как все. Только вот... не наш он.

Баба Яга бросила на меня выразительный взгляд. Я слегка кивнул, что ж – многое становилось понятным.

В отделении нас ждали. Стрельцы из еремеевской сотни доложили о некоторых мелких проступках, паре семейных скандалов, поимке одного конокрада и одной попытке церковного самосуда. Последнее меня заинтересовало, тем более что с остальным стрельцы разобрались собственными силами.

– Богомаза одного знаменитого от отца Кондрата с братией едва отбить успели.

– Странно... Отец Кондрат всегда производил впечатление человека солидного, уравновешенного, он даже голоса никогда не повысит. При мне, по крайней мере...

– Ну, вообще-то, – замялся стрелец, – батюшка наш порой... себе позволяет. Редко, конечно, по большим церковным праздникам. Как он говорит: «Питие – не грех, в меру, в потребное время, во славу Божию!»

– Это уже интересней, – воодушевился я, цитата мне понравилась, – и что же учудил наш преподобный, находясь в состоянии алкогольного опьянения?

– Богомаза приезжего начал доской иконной по башке бить. Два дьякона вмешались было, а как увидели, чего этот иконописец там намалевал, так и сами рукава позасучивали... Он кое-как вырвался, да в бега! Отец Кондратий с дьяками – за ним, кадилами над головой крутят, матерят его всячески, мы, когда увидели, еле отбить успели...

– Где задержанные?

– А... это... можно разве? Духовных-то особ в отделение особо не потащишь, проклянут еще...

– Перед законом все равны, – наставительно отметил я. – Пока еще церковь никто не отделял от государства, это будет сделано гораздо позднее, в двадцатом веке. Ладно, а пострадавший куда делся?

– А вот его мы в поруб запихали, – облегченно вздохнул стрелец. – Ему там сейчас самое безопасное место, еды мы оставили, пускай переночует парень, а?

– Ну... вообще-то это у нас камера предварительного заключения, а не гостиница. Но, с другой стороны, темнеет уже, гнать человека на ночь глядя – тоже не дело. Ладно, утром сам с ним поговорю.

Я прошел в терем, Яга уже вовсю хлопотала у печи, а Митька скромненько сел в сенях. Видимо, не хотел слишком уж часто мозолить нам глаза – вдруг я вспомню, что собирался его уволить? От плотного ужина я принципиально отказался, больно надо с набитым желудком в седле трястись... Яга поворчала для порядка, но уступила и, усевшись напротив, начала неторопливый инструктаж:

– К лешему пойдешь пешим, он коней не жалует. Оружия с собой тоже никакого не бери, смыслу нет – саблей его не изрубить, пульей не застрелить, а пушку ты, что ж, на своем гробу потащишь? Неча хозяина зря гневить, так иди... В провожатые тебе клубочек дам, куда он покатится, туда и ты ступай. От меня привет передавай, да особо не расписывай – решит еще, что я ему намеки делаю. Мне ж потом хоть в лес не заходи, любая кикимора пальцем тыкать будет...

– Бабуль, не отвлекайтесь, что я ему сказать должен?

– Вот обо всем, что у нас тут творится-то, и скажи! Пускай он по своим каналам проследит, а нет ли тут умыслу злодейского, инородного?

– У нас улики ни одной! – вовремя вспомнил я. – Предъявить ему для экспертизы абсолютно нечего.

– Он же леший, а не дьяк судейский! – укоризненно качнула носом

Яга. – Это вон Гороху да боярам будешь улики в нос совать, а в лесу они без надобности. Он тебе и так, на слово, поверит. Давай-ка, собирайся, Никитушка, время не ждет!

Собираться мне особенно нечего, взял планшетку с материалами по делу, надел фуражку перед зеркалом, сунул яблоко в карман на дорогу, вот и все сборы. Бабка достала из корзинки с вязаньем самый обыкновенный клубок серых шерстяных ниток, еще раз пообещав присматривать за городом в мое отсутствие.

– Клубочек-то раньше времени на землю не бросай. Выйдешь за ворота, иди направо, к сосновому бору, как до кладбища дойдешь, обогни его по тропиночке, а уж там напрямую в лес-то и иди. Как три сосны высокие в три обхвата толщиной увидишь – так клубок бросай, а сам за ниточку держи, он тебя выведет.

Уже во дворе мы еще немного поспорили с Еремеевым, который мою ночную прогулку прямо обозвал дурацкой затеей. Но в конце концов смирился, настояв в свою очередь на том, что до леса меня проводят шестеро его парней. Пришлось согласиться... Да я и спорил больше для вида, ближе к ночи меня мимо кладбища пройти – под пулеметом не заставишь! Было дело, нагулялся...

По дороге мы коротали время неспешной беседой. Степенные стрельцы, знающие, почем фунт лиха, больше помалкивали, сурово улыбаясь в усы, а вот молодой парнишка, лет семнадцати, все лез с вопросами. Видно, его впервые взяли на задание, и он радовался как ребенок, постоянно дергая меня за рукав с каким-то очередным «интересом».

– А вот интересуюсь я, служба-то она, милицейская, насколько премудра? Как вот можно выучиться, чтоб воров ловить?

– Это непросто, – важно отвечал я. – По большому счету, проблема даже не в поимке вора, а в умении доказать его вину.

– Как так? Да ежели я, например, на ярмарке какого ни есть жулика за руку поймал да в собственном кармане – рази ж еще чего-то и доказывать надо?

– Ну, положим, такие случаи чрезвычайно редки. Вор-карманник работает на уровне фокусника с музыкальными пальцами. Причем обычно в паре, украденный кошелек тут же передается товарищу, и тот спешит скрыться.

– Но ить первого вора-то я держу! – не сдавался паренек.

– Держишь, а что толку? Ну, приведешь к нам в отделение, обыщут его – кошелька нет, он Христом Богом клянется, что в глаза его не видел, а в

карман твой попал по чистой случайности – прижали в толпе – и все тут... За что судить? Так что основная задача милиции – пресекать саму попытку воровства, проводить работу с населением, ну и ловить, конечно, но так, чтобы уж наверняка!

– А вот я еще, дяденька Никита Иванович, интерес имею...

– Думай, что говоришь! – С добродушной суровостью старший товарищ отвесил молодцу подзатыльник. – Какой он тебе дядя? Он – сыскной воевода, или гражданин участковый. Хватит языком-то молоть, пришли вроде...

Мы действительно незаметно дотопали до лесной опушки. Стрельцы отсалютовали мне бердышами, сняв шапки, отдали земной поклон и перекрестили на прощание:

– Отчаянная ты голова, сыскной воевода... Храни тебя Господь, участковый! А меня в милицию возьмете?

По-моему, за последний выкрик паренек схлопотал еще одну дружескую затрещину. Было уже почти темно, однако три сосны я нашел довольно быстро. Во-первых, луна светила вовсю, во-вторых, три огромных дерева, растущих как бы из одного корня, спутать с другими было просто невозможно. Толщиной, высотой и массивностью они выделялись на общем фоне, как великаны среди лилипутов. Достав из кармана бабкин клубок, я крепко намотал толстую нитку на палец и бросил клубок наземь. Он покатился. Это меня уже не удивляло, привыкаешь ко всякому... Баба Яга сказала, что покатится, вот он и катится, а я бегу за ним в сырую чащу леса по непонятной тропинке, то и дело перешагивая пеньки и пригибаясь под ветки. Немного похоже на погоню за преступником с помощью служебно-розыскной собаки. Клубок неся резвой рысью, подпрыгивая на кочках, то замирая, словно бы принохиваясь к следу, то натягивая «поводок», будто обнаружив наконец искомого злодея.

– Вперед, Джульбарс! – неожиданно для самого себя выкрикнул я. Тьма сгущалась, в лесу мелькали неясные огоньки, слышались странные шорохи и пугающие крики ночных птиц. Наверно, поэтому очень хотелось, чтобы рядом было хоть одно живое существо, близкое и родное человеку. – Ищи след! Ищи... Ну, давай же, лохматый, мы должны его взять. Если только найдем, обещаю тебе первую медаль на международной собачьей выставке!

Словно понимая, о чем идет речь, клубок, едва не повизгивая, возбужденно тянул меня вперед. Выскочив на широкую, залитую лунным светом поляну, он сделал охотничью стойку, неподвижно замерев посередине. Я внимательно огляделся – вроде бы никого...

– Ишь ты, резвый какой, – добродушно произнес хрипловатый голос за моей спиной.

Я неторопливо, с достоинством, обернулся. Ни-ко-го!

– Че уставился-то? – Тот же голос раздался слева.

Резко повернув голову, я успел заметить еле уловимое движение еловых лап, но никакого постороннего лица не было.

– Пришел и вертится чего-то... – подковырнули уже справа.

Голос был, но говорящий оставался вне поля зрения. Морочит, догадался я, читал же в детстве, как леший заставлял охотников блуждать кругами, аукает, зовет, а в результате бросает где-нибудь в болоте с комарами. Нет уж, здесь такой номер не пройдет.

– Гражданин леший! Попрошу прекратить неуместные шутки и предъявить документы!

Секунда гробового молчания... А потом лес разразился хохотом. Смеялось все – деревья, травы, пни, невидимые мне птицы и звери, мелкая мошкара, звезды на верхушках сосен и даже палая хвоя под ногами... Все смеялось, хрюкало, хихикало, фыркало, хохотало, визжало, ухало, ахало – общее веселье было столь заразительным, что я и сам заулыбался.

– Наш человек! – отдышавшись, шумно провозгласил тот же голос, и на поляну шагнул старый дед.

На вид я бы дал ему лет семьдесят, но если Яга помнила его, еще будучи девочкой... Волосы длинные, на прямой пробор, схваченные ремешком, борода седая аж до пояса, одет в рубаху полотняную до колен, штанишки какие-то, ноги босые, пальцы корявые, как еловые сучки, и глаза непонятного цвета. Ростом старик был почти с меня, но вдвое шире в плечах, а легкость шага имел просто поразительную для такого возраста. Он обошел меня кругом, налюбовался со всех сторон, присел напротив на пенек и довольно безапелляционно потребовал:

– Подарок давай!

Наверно, у меня как-то изменилось лицо, потому что дедок сурово сдвинул брови и разочарованно пробурчал:

– Ну вот... он еще и без подарка приперся!

– Кх-м... меня к вам... послали, так сказать... – откашлявшись, начал я.

– Послали, говоришь?! И правильно сделали! Я вот тебя тоже пошлю... раз ты без подарочка...

– Подождите... вот! У меня яблоко есть... Пожалуйста!

– Чего?! Тьфу! Это что ж, теперь каждый Иван-царевич будет мне в нос дрянь недозрелую совать? – заворчал старик, но яблоко все-таки взял, в

два приема сгрыз и снова сплюнул – кислятина!

– Другого сорта нет... – Я развел руками, леший не производил благоприятного впечатления. Больше всего он был похож на престарелого хиппи, капризного, художественно замурзанного, с претензией на значимость и глубокую философию.

– Все равно кислятина! Но уж ладно, по подарку и отношение будет... Говори, Иван-царевич, что тебе в моем лесу надобно?

– Ну... начнем с того, что я не Иван-царевич.

– Тогда Иван-дурак! – убежденно заключил леший.

Я мысленно досчитал до десяти и постарался объяснить как можно спокойнее:

– Я из милиции. Начальник Лукошкинского отделения охраны правопорядка, младший лейтенант Ивашов Никита Иванович.

– Ах, вон ты что за птица... Да чтоб ты знал, я с вашей судейской братией отродясь дела не имел и не буду! Понаехали законнички на нашу голову...

– Я расследую дело о краже и убийстве...

– А я говорю – вон отсюда, вертухай!

– Поверьте, мне бы искренне не хотелось напоминать вам, пожилому, уважаемому человеку об ответственности за отказ сотрудничать с органами милиции. Всякий порядочный гражданин должен стоять на страже законов общества и...

– Ты откуль такой настырный взялся? – неожиданно заинтересовался дед, перебивая меня.

– От Бабы Яги! – Я решил пойти с козырей.

– От кого?!

– От нее, – подтвердил я. – Она моя домохозяйка, сдает мне комнату на втором этаже. Заодно и помогает в особо сложных расследованиях. О шамаханском заговоре слышали? Ну вот, а дело было шумное... Можно сказать – преступление века! Без ее знаний и советов мы бы ни за что не раскрыли опаснейшую банду, перевоплощающуюся в высоких должностных лиц и планировавшую полный захват Лукошкина!

– Да... врешь небось? – сощурился леший.

– Слово работника милиции!

– Ну, ежели не врешь... Тогда садись, Никита Иванович, так уж и быть, из-за старой дружбы выслушаю тебя. Раз сама Яга прислала... Эй! – вдруг опомнился старик, – а ты ей, случаем, не любовник?!

– Да вы в своем уме?! – даже не сразу нашелся с ответом я.

Дед впери в меня пристальный взгляд, прикинул и согласился:

– Нет, конечно... куда тебе, теленку мокроносому? Яга-то сейчас небось баба в самом соку, молокососами интересоваться не станет. Эх, а чего ж она сама сюда не пришла? Мы бы с ней... гораздо быстрее договорились.

– Поэтому и не пришла, – сухо ответил я. – Вы уж извините за прямоту, но время позднее, а мне еще домой добираться. Баба Яга просила рассказать вам о некоторых особенностях одного темного дела, над которым мы в данный момент и бьемся.

– А уж какова она молоденькая была... – совершенно не слушая меня, пустился в воспоминания дедок. – По тропиночке шла – что пава! И спереди, и сзади – глаз не налюбуется, а руки так и тянутся, шаловливые...

– Гражданин леший! Не знаю, как вас по имени-отчеству, но дело серьезное... Вы же обещали меня выслушать!

– Ну, ты упрямый какой... Ладно уж, давай говори, что у тебя там, только быстро – у меня гость сегодня, водяной подойти должен в картишки перекинуться... О, да вот и он!

Из-за сосен, пришепывая, вышла бесформенная фигура. Если бы меня не предупредили, что это и есть водяной, – я бы счел его просто огромным комом мокрых водорослей. Одутловатое лицо, явно зеленого цвета, большие печальные глаза и лягушачий рот до ушей. Он отвесил поясной поклон лесному хозяину и вопросительно глянул на меня:

– Так вот ты какой, участковый инспектор из Лукошкина... Знаем, знаем, мне девчата про тебя все рассказали.

– Уна и Дина? – догадался я.

– Они самые. Что, сосед, он и у тебя время отнимает?

– Да вот, – пожал плечами леший, – принесла нелегкая, говорит – Яга послала.

– И к нам, на речку Смородину, тоже она удружила... – грустно поддержал водяной. – Такая свойская бабка была, а теперь вот, как в милицию устроилась, так и шлет кого ни попадя...

– Точно, точно... Ну, давай, участковый, не томи! Уж коли я обещался, так выслушаю.

– Правильно, – кивнул водяной. – Мы – люди порядочные, мне отойти или не секрет?

– Не секрет, – решил я. – Буду предельно краток, дело выглядит так...

Опуская детали и диалоги, мне удалось уложиться минут в десять. Оба слушали не перебивая. Когда я закончил, леший многозначительно перемигнулся с водяным и повернулся ко мне:

– Очень занятная история. Спасибо тебе, Никита Иванович, потешил

душу. Ну, прощай... Берись за клубок, он тебя аккуратно к городу выведет.

– Как это? И... это все? А...

– А я ж говорил – законникам не помогаю! – обрезал хипповый дед, доставая из-за пазухи засаленные карты.

Водяной быстренько расставил вокруг гнилушки, и широкий пенек мгновенно преобразился в карточный стол.

– Иди, иди своей дорогой, добрый человек. Не видишь разве, мы заняты...

Во мне поднялась волна здорового раздражения этими нахальными пенсионерами. Ведь оба явно что-то знали, подозревали или поняли из моего рассказа, но намеренно и демонстративно отказывались помочь. Если бы не бабкина просьба – ей-богу, я бы развернулся и ушел! Но Яга так надеялась на то, что леший что-нибудь подскажет... Собрав в кулак всю силу воли и затолкав куда поглубже собственную гордость, я вновь повернулся к старичкам и глянул на расклад.

– Во что играем?

– Уф... ты еще здесь? Иди домой, милиция, азартные игры запрещены только монахам да детям малым, – отмахнулся леший.

– Значит, в «дурачка», – снисходительно хмыкнул я. – Ну-ну, старье, конечно, и ума особого не требует. Вся культурная Европа давно перешла на покер.

– Чей-то такое? – наострили ушки оба.

– Серьезная интеллектуальная игра, обычно на деньги. Профессионалы делают на этом в казино целое состояние за один вечер. А в Монте-Карло проводятся международные турниры по покеру. Ни один уважающий себя джентльмен не упустит возможность сыграть партию в покер. А в «дурака»... только бабы в деревнях и режутся. Ладно, удачи вам, ухожу...

– Эй, эй, участковый! – всполошились леший с водяным, как только я сделал пару шагов с поляны. – Погоди немного... Ты вот – человек молодой, да много повидавший. Не подскажешь ли нам, темным, как в эту премудрость твою карточную играют?

– Ну... почему нет? Времени у меня, конечно, немного, но только из уважения... А вам-то зачем?

– Надо, – уклончиво потупились оба, и в их глазах мелькнул азартный огонек легкой наживы. Ну что ж, дедули, вы сами этого хотели...

– Начнем с азов!

К полуночи, а может и чуть позднее, старички настолько вошли в игру, что я уже мог «катать» их по полной программе. Не подумайте ничего

плохого, просто работа в милиции учит всякому, а уж умение разбираться в азартных играх, как в одном из самых солидных видов мошенничества, вдалбливалось с первого курса. Наш капитан был буквально помешан на картах и, не обладай он генетической честностью, наверняка бы занял достойное место в когорте известных шулеров. Как же я сейчас был благодарен ему за все уроки в школе милиции, когда мы часами просиживали в классе, конспектируя в тетради масти, значения, расклады, методику раздачи, правильное тасование и те неуловимые маленькие хитрости, что дают игроку о-о-очень большие преимущества...

– Две десятки, шестерка и туз! Гони фуражку, участковый!

– А я говорю – у меня флэш!

– Не спешите... Итак, кто подтверждает ставку?

– Поддерживаю...

– Играю вдвое плюс бонус.

– Да на тебе, на тебе, на! Ненасытная твоя водяная утроба.

– Сожалею, граждане... Да, полный флэш-рояль. И китель тоже, спасибо...

– Ты что, смерти моей хочешь? Нет у меня больше золотых рыбок! И на фига они тебе в лесу?

– Сбрасываю.

– А бонус? У меня бонус сыграл!

– Куда ты смотришь, участковый? Он же карты водой кропит! Да чтоб я с ним после этого...

– Проигрывать надо достойно, – заключил я, когда небо на верхушках сосен стало заметно светлеть.

Оба старичка сидели мрачные, как черти на паперти, и все пытались понять, как это я все время проигрывал, а потом буквально на последней игре сорвал весь банк?! Я не только вернул себе китель, фуражку, кокарду, галстук с заколкой, записную книжку, планшетку и авторучку, но и получил сверх того карманный аквариум с тремя позолоченными мальками, полную горсть речного жемчуга, красивую ракушку, два берестяных туеска с негранеными самоцветами, рукописную книгу по бытовому колдовству, серебряное колечко и почти новые лапти тридцать пятого размера. Леший предлагал мешок свежих шишек, а водяной – партию лягушек, из них шесть – с икрой!

– Не могу, – мирно, но твердо объяснил я. – Служба не ждет. Большое спасибо за увлекательную игру. В следующий раз вам повезет больше. Мне пора.

– Никита Иваныч, – леший вцепился в мой рукав, скорчив самое

жалобное лицо, – ну не уходи ты... Ради всего святого – дай отыграться!

– Рад бы, да не могу – дела. Всего хорошего...

– Смилуйся, добрый человек! Прояви сострадание – меня же лешачиха домой не пустит! Я ить... ить... ить ее книжку продул и колечко тоже. Лапти-то, тьфу! не жалко, каменьев тоже наберу...

– И мне теперь хоть в болото не заходи! – хлюпая носом, поддержал водяной. – Русалки засмеют... Жемчуг я новый добуду, но рыбки!.. Они ж мне как родные... Я их и по именам, и в лицо, и ласково по-всякому... Дай отыграться, аспид милицейский!

– Ну, будет, будет вам... – Мне с трудом удавалось подавить смех. – Что ж мы в милиции, звери какие? У нас тоже сердце есть, мы пожилых людей всегда уважаем. Но сами видите, рассвет скоро, а у меня в Лукошкине дело нераскрытое висит. Вот уж закончу, вернусь...

– Когда? – с надеждой воспрянули дружки.

– Да скоро... может, уже на следующей неделе, хотя... к концу месяца все-таки будет реальной.

– Без ножа режешь, – скорбно решили леший и водяной, потом переглянулись и внесли контрпредложение: – А ежели мы тебе совет дадим, который Баба Яга просила, вернешь проигрыш?

– Вполне возможно, – как бы нехотя согласился я. – Но информация должна быть очень ценной.

– Ладно, – решился леший, – твоя взяла. Только чур, никому не говорить, что я законнику помогаю.

– Помощь – это когда добровольно, – подтвердил я, – а вы просто оказываете мне некую услугу, в обмен на возврат проигранного имущества.

– Во-во... именно так. Значит, слушай... Многое мне неизвестно, а только по лесам нашим слух ходит, будто бы вознамерилась нечисть иноземная и в наших краях себе пристанище искать. Уж больно у них там в Европе доблестные рыцари лютуют, вроде всех драконов подчистую извели, эльфов выжили, тролли под землю подались, а ведьмовскому племени и вовсе на людях показываться боязно... Инквизиция! Уловил?

– Не совсем, – признал я.

– А это значит, что простой народ, доселе с нечистью местной в тихом согласии живший, пасторами своими подстрекаемый, в большую амбицию ударился. Не хочет верить в брауни, пикси молока не оставляет, от «маленького народца» подковами да крестом отгораживается. Оно, может, и не так плохо, времена разные бывают. Глядишь, и прошло бы... Но люди более злопамятны и начатого дела не бросают. Видать, уж слишком понравилось священникам тамошним на ведьм охотиться. Решили они, что

пора и на Руси свои порядки заводить... Нечисть всякую, ну, нас то есть, поганой метлой выгнать. А как? И удумали они штуку страшную – словом Божиим ужасно могучего демона из самого ада заковать! Чтоб, значит, он нас отсель повыкидывал...

– Нет, этого им никто не позволит! – категорически заявил я. – У нас суверенное государство, и со всеми своими проблемами мы разберемся сами. Ну а какое конкретно отношение все эти далеко идущие планы имеют к нынешним лукошкинским событиям?

– Ты че, глухой?! – даже обиделся леший. – Я тут че перед тобой полчаса дурочку ломаю...

– Не горячись... – успокоил друга водяной. – Он хочет сказать, что для вызывания иноземного демона необходим священник, храм и месса. Судя по вашим же протоколам, подозрительный пастор в немецкой слободе имеется, а значит, имеет смысл поискать и храм. Между прочим, он должен быть черным. По крайней мере, изнутри...

– Черная ткань, – прозрел я.

– Отчего нет? А для мессы им понадобится еще и человеческое жертвоприношение.

– Теперь дошло, участковый? – снисходительно буркнул леший. – Отдавай добро, мы свое слово сдержали.

– Да, пожалуйста. Хотя... мне кажется, что могли бы и так помочь. Все-таки беда надвигается общая. И вам, возможно, небезразлична судьба будущего России?

– Конечно... – серьезно кивнули сказочные пенсионеры. – Только если мы б тебе так сразу бы все и рассказали – интересу бы не было. А нам... скучно тут. Вот и решили пошутить по-стариковски...

– В каком смысле? – опять уточнил я.

– Эх, молодежь... – лукаво взглянул водяной. – Ты что ж, участковый, и в самом деле думаешь, что мы твой покер только сегодня в глаза увидели?!

– Ладно уж, пусть идет... – добродушно усмехнулся леший.

А я чувствовал себя так, что хоть сквозь землю от стыда провалиться.

– Не красней ты, словно девица. Мы ведь, почитай, за картами полжизни провели, все игры наперечет знаем... Хороший ты человек, Никита Иванович, только доверчивый слишком, но старых людей уважил, спасибо тебе... А Яге привет передавай, пущай заходит на огонек, клубочек-то не забудь.

– Сп... спаси... бо за содействие... – с трудом прокашлялся я.

– Ну, беги, беги... Вон рассвело совсем. Удачи тебе, участковый!

Держа клубок за длинную нитку, я брел по пробуждающемуся лесу по колено в росе и клялся сам себе самыми страшными клятвами, что никто никогда не узнает о моей игре в карты с лешим и водяным! Порой мне даже чудился тихий стариковский смех за спиной, но оборачиваться не хотелось. Вот таким образом меня давно не ставили на место...

Несмотря на несусветную рань, у городских ворот меня дожидались шестеро стрельцов. С пищалями наперевес, видимо, заботливый Еремеев расстарался.

– Привет, молодцы! Вы что же, всю ночь здесь куковали?

Они молча кивнули. Обвинять мужиков в невежливости не хотелось, сам отлично знаю, как портят настроение долгие дежурства в мирное время. Я прошел вперед, стрельцы маршировали следом. В иное время я бы обратил на это внимание... Итак, есть версия о попытке духовного подрыва существующего строя. С одной стороны, все варианты уничтожения нечистой силы вроде бы должно приветствовать. (Хотя я не представляю себе, как мог бы сдать в тюрьму ту же Бабу Ягу или подружек русалок, Ваню-полевика, лешего и водяного. Вот Кощея – посадил бы с превеликим удовольствием!) Но главное не в этом, а в том, что мы к себе в Лукошкино никаких «спасителей человечества» не звали, и спасать нас от одной нечисти, вызывая для этого другую, – не решение проблемы. Это ведь – что в лоб, что по лбу! А если копнуть поглубже, то и вовсе...

– Ложись! Ложись, Никита Иванович!!! – Чей-то сумасшедший крик вернул меня в действительность.

Чуть удивленно обернувшись назад, к сопровождающим стрельцам, я вдруг увидел нацеленные в мою сторону стволы. Дымились фитили, лица целящихся были искажены ненавистью, и то, что я успел вовремя подогнуть ноги, было просто чудом...

– Хайль дойчланд! Капут руссиш швайн-полицай!

Грянул залп! Буквально в тот же миг – второй. Следом раздалось яростное «Ребята, вяжи сукиных детей!», и чьи-то сильные руки помогли мне встать. Из шестерых стрельцов, сопровождавших меня от ворот, четверо лежали на земле, изрешеченные пулями. Двоим уцелевшим крутили руки веревками такие же стрельцы. В пороховом дыму я с трудом отыскал Фому, в надежде получить хоть какие-то объяснения. Старший стрелец протянул мне мою фуражку – рядом с кокардой зияла солидная дыра от пули, палец проходил свободно.

– Еще немного ниже, и не было бы у нас сыскного воеводы...

– А что случилось? – наконец смог спросить я.

– Никита Иванович, ты у нас с утречка туго соображать стал. Разуй глаза-то, али сам не видишь?

– Что за фамильярный тон, сотник Еремеев?! Субординацию забыли?

– Да вот уж забыл! – неожиданно сорвавшись в крик, разошелся старший стрелец. – Ты что ж с людьми моими делаешь, умник милицейский?! Одного похоронили, другой по сей день в бинтах ходит, нонешней ночью сам, своими руками шестерым ребятам глаза закрыл! Я тут никому не позволю стрельцов гробить! Кровь людская – не водица!.. И ты, участковый, мне в этом деле не указ!

– Прекрати орать! – Я сгреб бледного от ярости парня и встряхнул изо всех сил. – Что тут произошло?!

– Пусти, воевода... Не доводи до греха!..

Вместо ответа я как следует дал ему в грудь. Присутствующие стрельцы так и замерли... Их мрачные взгляды не обещали мне ничего хорошего, но нападать на главу милицейского управления они тоже не решались. Положение спасла неизвестная девица, идущая в такую рань от колодца с полными ведрами на коромысле. Одно ведро я успел подхватить и окатил поднявшегося стрельца ледяной водой с ног до головы. Еремеев только крикнул... С минуту мы стояли молча, огонек опасного русского безумства в его глазах медленно таял.

– Прости, Никита Иваныч... Совсем голову потерял... Мало не восемь человек за последние дни из строя вывели! Я ж как не в себе весь...

– Ты можешь членораздельно доложить, что же все-таки случилось?

– Могу... – кивнул он, потом повернулся к стрельцам: – Пленных – в поруб, трупы с собой в отделение, на опознание. Охранять так, чтобы муха не пролетела! Еще раз прости, сыскной воевода... Дозор у меня по ночи пропал. Не явились к означенному часу. Пошли на поиски, мало ли чего... Нашли только под утро, под мостком, всех... холодных уже. Ран на теле не видно, от чего умерли – не разберешь. Одежду с них поснимали, одно исподнее да кресты.

– Что за чертовщина?.. – помрачнел я.

– Ну, мы всю сотню срочным порядком под ружье, бабка твоя потребовала, чтоб сию минуту к воротам бежали – у нее предчувствие. Глядим, ты идешь... Вроде весь задумчивый, а того не видишь, что за спиной у тебя творится. Я в голос ору! Тут они и махнули залпом. Ну, мы тоже... Дальше сам знаешь.

– Кто они?

– А ты не понял? Немцы! В платья стрелецкие переоделись, а рожи бритые куда спрячешь? Хорошо, успели вовремя – не то, быть бы тебе на

кладбище, в могилке маленькой с крестом деревянным да фуражкой милицейскою.

– Спасибо...

– Не за что, – буркнул стрелец, но протянутую руку пожал. – Слышь, сыскной воевода, с четверыми мы посчитались, но неужто допустишь, чтоб эта сволота германская и дальше наших била?! Надо сей же день жечь слободу!

– Нет.

– Как... нет?

– Я сказал – нет! Не спеши, как друга прошу... Не все в этом деле так просто. Если можешь, поверь, я найду виновных и заставлю их ответить за погибших парней по всей строгости закона!

Еремеев сплюнул и ускорил шаг. Я надеялся, что он меня понял. Боже мой, каким же дураком надо быть, чтобы принять переодетых немцев за дозорных стрельцов... Их ведь даже внешне не спутаешь. Мне ведь бросилось в глаза их дружное марширование, в войске царя Гороха эта наука еще даже не замышлялась. Жители немецкой слободы чисто брили лица, а стрельцы носили усы и бороды, русские любят поболтать, а эти не сказали ни слова за всю дорогу. Я должен был почувствовать неладное...

Баба Яга ждала меня в тереме не в лучшем расположении духа.

– Живой?

– Так получилось...

– Бедовая твоя голова, участковый... Есть хочешь?

– Нет. Вы слышали, что произошло?

– Про стрельцов-то убитых? Слышала... – Бабка села рядышком, сумрачно скрестив руки на груди. – Плохо наше дело... По всем статьям плохо!

– Да... – вынужденно признал я. – Такое впечатление, будто бы все наши планы заранее известны противнику. Он всегда успевает ударить первым. Я чувствую себя связанным по рукам и ногам. Ночью убито шесть человек, и убийцы почти наверняка – те немцы, что в меня стреляли. Убежден, на поверку они все окажутся личными охранниками посла... Если Еремеев сумеет удержать стрельцов, если Горох не полезет засучивать рукава, если город ничего не узнает раньше времени – у немецкой слободы есть шанс на справедливый суд. В противном случае ее просто спалят со всем мирным населением...

– Про первых охранников-упырей не забывай. Если их приплюсовать да стрельца умершего, так в деле нашем уже девять трупов обретается!

– Есть подозреваемые...

- И ни одной улики.
- Есть вполне сложившаяся версия...
- И ни одного вещественного доказательства.

Какое-то время мы с Ягой тупо смотрели в разные стороны. Перенасыщение эмоциями вылилось в равнодушную апатию ко всему происшедшему.

- Тут у нас за ночь-то ничего особенного не было...
- Ага, кроме шести убитых.
- ...но вот записочку стрельцам для тебя передали. Уж за полночь Шмулинсон нос из дому высунул, дозор проходящий остановил и упросил вручить. Чего ему до утра не терпелось?
- Давайте, что там у нас... «Имею информацию и нужду в вознаграждении. Ваш Абраша». Вот наглец... Как вам это нравится?
- Никак... Может, выпороть его разок?
- О-о-у... Тут такой хай поднимут – до Израиля слышно будет! Нас же потом Тель-Авив по самую крышу нотами протеста завалит. После обеда пусть Митька его приведет.
- Ты решил по утречку царя навестить?
- Да надо бы. Час-другой передремлю, и в путь, но сначала хочу рассказать о моем разговоре с лешим. Кстати, там еще и водяной оказался...

К обеду я встал, наскоро перекусил, отправил Митьку на базар (продуктов прикупить, настроение народа выяснить и Шмулинсона на обратном пути захватить), а сам направился к царю. Дело принимало слишком серьезный оборот, и не было гарантии справиться с ним только силами работников милиции. Я намеревался требовать у Гороха более широких полномочий с привлечением основных сил стрелецкой гвардии. Хотя против кого конкретно мы будем воевать – до сих пор оставалось непонятным. В прошлый раз это были шамахань, но их уже знали, к ним привыкли, кто появится теперь – я даже боялся предполагать. Судя по многозначительным намекам лешего и водяного, работа нам всем предстоит каторжная...

Стрелецкий эскорт, следующий за мной, уже начинал изрядно раздражать. Первоначально их было всего двое, но чем дальше, тем ценнее становилась моя голова в глазах сотника Еремеева, и теперь охрана усилилась до шести человек. Лукошкинский народ уважительно ломал шапки, но за моей спиной не ограничивал себя в разнообразии догадок:

- Гля, гля... сыскной воевода со стрельцами пошел! Видать, на дело...

Без дела таким отрядом разве пойдут?

– Ткача Шпильку заарестовывают!

– А за что?

– А он вчера по пьяни отца Кондрата кобелем брюхатым обозвал!

– Бреешь! Рази ж бывают брюхатые кобели?

– А ты отца Кондрата видел? Ну вот и молчи...

– Эй, сердешные, а зачем на одного ткача-то столько народу?

– Дак он же, супостат, наверняка сопротивление милиции окажет! Я его, аспида, знаю – так и норовит иголкой ширнуть...

– Ох ты ж, страсти какие... Ну, храни Господь нашего участкового...

– Бедовая голова! Поди, в шрамах весь.

– Да уж, человек храбрости отчаянной... Митька с милицейского подворья трепался, будто бы Никита Иванович в боях с преступностью весь как есть израненный! А ему все нипочем – глянь, лицо бледное, гордое...

В общем, наслушался, пока дошли. Горох только что откушал и пожелал видеть меня сию же минуту, пока чай не остыл. Для спокойствия седобородых бояр это звучало как «А подать каналью пред мои грозные очи!», но на самом деле охранные стрельцы улыбались в усы, сурово сопровождая меня в царские покои. Горох отослал всех, самолично налил мне большую чашку ароматного чая и булькнул две ложки сахара:

– Заморский, купцы аглицкие два мешка презентовали. Это вот «Граф Грей» с бергамотом... Вроде зверь такой здоровенный, а?

– Нет, – улыбнулся я, – бергамот – это растение, а зверь такой есть – бегемот или гиппопотам.

– Образование... – без зависти, но с легкой грустью отметил царь. – Я вот вроде немало обучен, а в животных не силен. Как там правильно наука эта называется?

– Если про животных, то зоология, а про растения – уже ботаника. А все вместе – биология.

– Вот, вот... и купец аглицкий тоже мне все о ценности биологического состава толковал. Хорош чай-то?

– Очень. А что, у купцов опытный переводчик?

– Зачем он мне? – пожал плечами Горох. – Языкам-то мы, слава богу, с малолетства обучены.

– Как это? – не поверил я.

– Ну, аглицкому, франкскому да итальянскому всех царевичей учат. Государства эти сильные, богатые, язык знать надобно. А прочие...

– Что?!

– Я говорю – прочие, – невозмутимо продолжал царь, – они специального обучения не требуют, их как-то само собой знаешь. Немецкий, польский, финский, шведский, татарский, персидский... Все соседи наши, ихней речью поневоле говорить будешь.

– Да вы полиглот!

– Пылеглот?! Ну ты... это... говори, да не заговаривайся! – побурел от обиды государь.

– Полиглот – это уважительное звание человека, говорящего на нескольких языках, – поспешил объясниться я.

Горох понимающе кивнул. Лично для меня это был очередной «щелчок по носу», чтоб не зазнавался. Я-то в глубине души считал себя в плане образования на две головы выше любого лукошкинского ученого и... нате вам! Царь Горох свободно владеет несколькими языками, даже не задумываясь о том, какое это достижение. Царский рейтинг резко вырос в моих глазах...

– Ладно, хватит чаевничать, – решил Горох после третьей чашки. – Ты ведь не за плюшками сюда прибежал, докладывай.

Я предельно коротко описал свою встречу с лешим и водяным и, как можно деликатнее, о шести убитых стрельцах и перестрелке у главных ворот. Не помогло... Знал ведь, что может случиться, но и промолчать не мог. Горох вспылil так резко, что опрокинул стол. Медный самовар гулко бухнулся на пол, посуда разлетелась во все стороны, роскошный ковер оказался залит медом и вареньем.

– Стража! Всех в ружье! Чтоб гвардия конная сию же минуту у крыльца стояла. А ты молчи, сыскной воевода!

– А я еще ничего и не сказал.

– Вот и молчи!

– Ну и пожалуйста, – отвернулся я.

– Нет уж, ты скажи! – мгновенно завелся царь, пока стрельцы носились туда-сюда, выполняя монаршие указания. – Ты мне сейчас скажи, что я тут законы нарушаю, презумпции невиновности всякие... Мне немчура будет в столице моих же людей душить, а я их дипломатической неприкосновенностью потчевать, да?!

– Ну, гвардию-то зачем? Арестовать надо всего одного человека. Посол наверняка окажет всестороннее содействие, немцы чтут порядок.

– Вот я им для порядку и... – Горох сунул мне под нос внушительный кулак. – А ты, милиция, если еще хоть слово вякнешь супротив моего самодурства – со службы разжалую! Сам буду воров ловить... Куда как интереснее, а ты за меня будешь перед боярами с умным видом сидеть...

– Ладно, – не стал спорить я, – но перед тем, как меня переведут на новую должность, позвольте съездить с вами на дело. В качестве стороннего наблюдателя, в последний раз...

– В последний, говоришь? – на секунду задумался государь. – А, поехали, черт с тобой! Только смотри, под горячую руку не лезь и в методы мои не вмешивайся!

– Упаси бог...

Я и в самом деле близко не собирался вмешиваться в его действия. Во-первых, это со всех сторон глупо. Он – царь, творит что хочет, ограничений – практически никаких. Отделение курирует самолично, если ему так уж взбрело покомандовать – пусть развлекается. Во-вторых, мне действительно интересно посмотреть, как будет реагировать пастор Швабс, поняв, что его действия возбудили подозрения не только у скромного лейтенанта милиции, но и у самого государя. Пока Горох спешно облачался в боевые доспехи, я спустился вниз, попросил конюха предоставить мне лошадь и вместе с гвардейцами дождался выхода начальства. Затрубили трубы, забили барабаны, и мы, кавалькадой в пятьдесят всадников, бодрой рысью тронулись в сторону немецкой слободы. Я держался рядом с Горохом, с левой руки, так ему было удобнее разговаривать.

– Арестуем всех! Ну, не всю слободу, конечно, а всех, что у посла в охране. Руки крутить я уже наострился... Сейчас мы всех преступников в два счета переловим!

Немцы встретили наш отряд недоуменно-вежливо, ворота раскрыли, не дожидаясь просьб или требований, но Кнут Гамсунович навстречу почему-то не вышел...

– Перекрыть все выходы и входы! В оба глядеть за смутьянами! При попытке сопротивления – руки за спину и в тюрьму! – раскомандовался царь Горох, не слезая с белого, празднично наряженного жеребца. – Где посол? Подать его сюда!

Все немцы, находившиеся в данный момент в слободе, побросали работу и выбежали поглазеть на неожиданное вторжение. Мужчины и женщины, старики и дети, в аккуратно отглаженных костюмчиках, без тени страха и без слова упрека, позволили конным гвардейцам взять себя в кольцо и лишь доверчиво смотрели на царя, что-то тихо шепча по-немецки. Никто и не думал сопротивляться... Всадники смущенно ерзали в седлах и старались ободряюще улыбаться, а Горох все продолжал бушевать, хотя уже и не столь уверенно:

– А ну, который тут пастор Швабс? Выходи ответ держать за дела свои

злодейские... И посла, посла мне наконец найдите!

– Великий государь, – на хорошем русском ответил один пожилой бюргер, делая шаг вперед, – я исполняю обязанности бургомистра в нашей небольшой колонии. Господин посол должен был быть у вас во дворце, он уехал еще ранним утром.

– Не было у нас вашего Шпицрутенберга. Если б явился, мне б враз доложили. Хватит врать, тут он небось... Пусть лучше сам выйдет, пока мои ребята здесь все закоулки не обыскали.

– Как будет угодно вашему величеству, – послушно поклонился немец.

По его лицу было ясно, что он не лгал. Видимо, посол со свитой и вправду куда-то уехал утром. В слободу они не возвращались, в царские палаты не заезжали, тогда где они? Горох тоже мужик неглупый, оставив на потом вопрос поиска посла, он переключился на пастора.

– Увы, преподобный отец Швабс очень болен, – покачал головой бургомистр. – Он второй день лежит не вставая. Если вашему величеству угодно, я провожу вас к нему.

Царь кивнул одному из стрельцов, что-то приказал сквозь зубы, и тот, спешившись, отправился с немцем. Буквально через пять минут они вернулись. Парень также шепотом доложил на ухо государю. Горох помрачнел...

– Может быть, мы можем предложить вашему величеству обед? – неуверенно молвил бюргер.

Он явно не понимал, зачем царь во главе отборного стрелецкого отряда неожиданно ворвался в слободу. Прочие немцы тоже прикрывали робкими улыбками полное непонимание происходящего. Похоже, все планы царя рушились, как шалашики в грозу. Он то краснел, то бледнел, но решительно не находил, к чему придраться.

– Пошлите двух молодцов проверить личные покои посла, – тихо посоветовал я.

Горох быстро закивал. Пока бургомистр водил стрельцов по высокому каменному дому, где размещалась резиденция немецкого дипломата, я сполз с коня и деликатно поинтересовался, где здесь церковь.

– Кирха? – вежливо переспросив, мне указали на небольшое пузатое здание в самом дальнем конце слободы.

Я прошелся к нему пешком. Двери не были закрыты, но внутри – ни души. Похоже, что церковь находилась в состоянии капитального ремонта или реставрации. Ни икон, ни скульптур, ни росписей на стенах – вообще ничего, что бы указывало на ритуальное помещение. Есть только алтарь из грубых гранитных плит черно-красного оттенка, и тот без креста. Хотя и

никаких намеков на присутствие иного бога тоже не было. Я обошел все здание, изнутри оно повторяло форму пятиугольника, снаружи вписывалось в обыкновенный квадрат. Это как-то закрепились в моем подсознании... Беглый обыск ничего не дал, похищенной ткани я не обнаружил, признаков планируемой черной мессы тоже нигде не замечалось. На всякий случай я вернулся к царю и уточнил:

– Что там с пастором?

– И впрямь больной, – напряженно подтвердил Горох, – стрелец говорит, так жаром и пышет. В кровати лежит, слова непонятные бормочет, бредит...

– Государь, беда!!! – донеслось из посольского дома.

Переглянувшись, мы поспешили внутрь, причем бургомистр, несколько немцев и особо любопытные стрельцы увязались следом. Поднявшись по лестнице на второй этаж, мы ахнули, ошарашенные увиденным. Рабочий кабинет немецкого посла был перевернут вверх дном! Шкафы взломаны, стол лежит на боку, бумаги и грамоты разбросаны по всему полу, ковер скомкан, личные вещи валяются где попало...

– Ну, что ты на это скажешь, сыскной воевода?

– Скажу, что крови нет, следов борьбы не видно. Наверняка весь этот тарарам был произведен, как только гражданин Шпицрутенберг выехал со двора. Здесь явно что-то искали. Потайной шкафчик, тайник в полу, сейф в стене, но не нашли.

– Почему ты так уверен?

– Исходя из милицейского опыта, злоумышленники в большинстве случаев уничтожают следы преступления. Если бы они нашли то, что хотели, то либо убрали бы за собой, либо устроили пожар. Так избавляются от улик, метод старый, но проверенный.

– Ничего не понимаю... – Царь задумчиво почесал бороду. – Так ведь посол вернется, все увидит, и уж такой шум поднимется... Знаю я его, всех тут перепорет, а виновного найдет.

– Значит, они рассчитывают, что он... не вернется, – неожиданно для себя прозрел я.

– Плохо дело. Вот что, Никита Иваныч, бери подчиненную тебе сотню и объявляй посла в розыск. Здесь нам больше делать нечего. Больного священника я с собой не потащу, люди засмеют. Но стражу у его постели поставлю! Как только оклемается – сразу ко мне на допрос. Присутствовать будешь?

– Нет.

– Вот и молодец. Я сам хотел об этом попросить, а пыр...т... пыртокол

я тебе после покажу.

Из немецкой слободы мы уезжали несолоно хлебавши, с извинениями за беспокойство. В плане продвинутости следствия – абсолютный нуль. Человек, которого я планировал арестовать, мечется в горячечном бреде, тащить его в отделение в таком состоянии – и бессмысленно, и преступно. Посол никакой разумной информации наверняка не даст, ему самому сейчас требуется помощь. Вот тут-то я вспомнил, что забыл задать парочку существенных вопросов. Я догнал того стрельца, что ходил к пастору:

– Слушай, молодец, а ты не расслышал, как именно бредил этот немецкий поп? Какие слова он говорил?

– Дык... он же по-немецки больше, – пожал широкими плечами стрелец. – Ниче толком и не разобрать. Хотя... погоду, участковый, вот – вспомнил! Про мух он что-то бормотал!..

На полпути я козырнул Гороху и направил коня в отделение, потом Митька вернет. Всю дорогу эти «мухи» не давали мне покоя, что-то скреблось на самом дне памяти, но что именно? Я не забыл, как стрельцы, сторожившие поруб с отравленными телохранителями, тоже отмечали навязчивое присутствие мух. Но почему? При чем они здесь? Мух, комаров, мошек и прочей насекомой братии в Лукошкине хватало с избытком. Если всерьез загружать себя энтомологическими проблемами – свихнешься и кончишь тараканами в голове.

Баба Яга ждала меня на крыльце вместе с Еремеевым. Это хорошо, не придется искать его по городу.

– Случилось чего, сыскной воевода?

– Да. Собирай своих ребят и срочно прочеши все закоулки – из немецкой слободы посол пропал.

– Вот те раз! Неужто похитили?

– Очень похоже, – кивнул я, – поскольку его телохранителей в слободе не оказалось, можно предположить, что он с ними и исчез. Добровольно или его увезли силой, обманом – мне неизвестно. Куда и зачем – тоже...

– Все понял, Никита Иванович. – Старший стрелец взялся за шапку и шагнул с крыльца на двор. – Сей же час всю сотню подниму под ружье, к вечеру твоего немца где-нибудь да отыщем!

– Что, Никитушка, закрутилось колесо, не остановишь? – Баба Яга подцепила меня под ручку и ввела в дом.

В горнице уже ждал накрытый стол, бабка у меня в этом плане очень обязательная: война войной, а обед – по расписанию. На самом деле есть ни капли не хотелось, а вот выговориться требовалось. Яга слушала, как

всегда, внимательно.

– Все сходится, Никитушка... Чужая я в этом деле чуждались прицел, заморскую руку, так оно на то и вышло. Подмога нам нужна, сами не управимся.

– Царь дает войска.

– Толку от них... Вон посол немецкий пропал, что они, нашли его? И не найдут.

– Мне непонятно, зачем вообще его было похищать?

– А ты, соколик, так уверен, что его похитили? А ну как он сам почуял запах паленого, да и сбежал? – сощурилась Яга.

Это уже была проверенная система: я строил версию, бабка ее разбивала. В результате мы обычно приходили к единственно правильному решению.

– Если он хотел бы сбежать, то почему в его кабинете все поставлено с ног на голову? Там явно производили неквалифицированный обыск.

– Так, может, он сам все и порушил, чтоб от себя подозрения отвести, а нас на ложный след направить.

– Тогда бы он подбросил нам «следы кровопролитной борьбы», – парировал я. – А мог бы и чей-нибудь труп подложить, потом поджечь все, и мы бы обнаружили лишь обгорелые останки «немецкого посла», а он сам спокойненько удрал бы в нейтральную страну по фальшивому загранпаспорту. Нет, к обыску в собственном доме он явно непричастен... Будем надеяться на еремеевских ребят, у них с этими «телохранителями» свои счета.

– Дался тебе этот немец! О главном думать надо: о том, какую нечисть иноземную нам в Лукошкино всучить вздумали.

– Я говорил с лешим и водяным, они не знают. Предполагают, что это кто-то очень сильный, но кто именно...

– Да уж эти два старых пня поперед дела и не почешутся! Им зад от сиденья оторвать – так давиться легче. Оба уж плесенью покрылись, а кроме карт ничего путного на уме. Они нам не подмога... Пока их самих напрямую этот демон иноземный в мухоморы носом не ткнет – нипочем вмешиваться не станут!

– Тогда о какой помощи речь? – поинтересовался я.

Яга надолго замолчала.

– Ладно, утро вечера мудренее. Скоро Митька с базара придет. Ты его всерьез увольнять надумал?

– Нет, пожалуй, дам последний шанс и назначу испытательный срок.

– Оно и правильно. Дурак он, конечно, и растяпа, но ведь наш человек.

Попривыкли мы к нему, прогоним – самим же скучно станет. Ну, а пока давай-ка поешь...

– Да не хочу я.

– Никитушка-а-а... ну зачем обижаешь меня, старую? Ну если я тебе слово грубое молвила, так прости, не со зла, от возрасту. Покушай хоть чего, не мучай бабушку... А потом уж и делами займемся. Не забыл, чай, кто у нас в порубе сидит?

– Два пленных немца из свиты Шпицрутенберга и скрывающийся от православного гнева богомаз Савва Новичков! Вот его-то, я думаю, давно пора выпустить.

– Правильно, а к злодеям этим я четверых стрельцов подсадила в охрану. Ежели еще и их кто отравить вздумает, так стража не позволит.

– Тогда попросите кого-нибудь, чтобы парня вывели из поруба, пусть перекусит и отправляется домой.

– Нечего тут всяких приваживать, – ворчливо откликнулась Яга, – не хватало еще арестантов из КПЗ прикармливать. Пусть спасибо скажет, что мы его от тумачков избавили.

Новичков оказался высоким сухопарым мужчиной лет на пять старше меня. Волосы рассыпчатые, русые, лицо простое, одет в оригинальное тряпье, но чисто и аккуратно. Я уверен, что богомаз шил на себя сам, и должен признать, кутюрье из него получался неплохой.

– Вы свободны, гражданин. Впредь постарайтесь избегать конфликтов с церковной властью. За что они вас все-таки?

– Иконы я пишу... в новой манере... – скромно помялся художник.

– Странно... Неужели манера настолько новая, что за нее уже бьют? – удивился я.

– А вот не изволите ли глянуть, батюшка сыскной воевода... – Он сунул руку за пазуху и извлек обернутый тряпочкой сверток.

Из него на стол высыпались плоские расписные дощечки размером в тетрадный лист. Да... парень явно поспешил родиться. Тут был такой авангард! Куда там бледному Пикассо в голубовато-розовом периоде... Нет, лично мне очень даже нравилось, но и отца Кондрата я теперь тоже хорошо понимал. Иконописными канонами здесь и не пахло. Богоматерь и младенец из геометрических фигур, у коня Святого Георгия – пять ног, ангел с огненным мечом – многорук, как каракурт, и такого же цвета. Вон моющийся ангелочек в тазике – очень симпатичный получился, я бы даже себе попросил, но неудобно...

– А в установленных традициях творить не пробовали?

– Отчего же, и в установленных могу, – вздохнул горе-автор, – только

скучно же, так все умеют.

Вечная трагедия непонятых гениев. Мы пожали друг другу руки и распрощались. Спустя недолгое время появился Митька. Не один...

– Здравия желаю, батюшка сыскной воевода!

– Митя, ты кого сюда притащил?!

– Как это кого? – даже опешил он. – Кого приказывали.

Я тихо заскрипел зубами, прикрыв глаза и до боли в суставах сжимая кулаки. Во дворе нашего отделения с хоругвями и иконами толпился весь святейший синод... У всех были лица первых христианских мучеников. Но самое худшее, что вокруг священнослужителей вальяжно расхаживал горбоносый Шмулинсон со стрелецкой пищалью на плече. Баба Яга подошла к окошку, ахнула и тоже схватилась за сердце:

– Митенька... Да как же ты мог?! Кто ж тебя, дурака подберезового, надоумил всех наших священников заарестовать?

– Да Шмулинсон же и подсказал, добрый человек! – радостно выдохнул наш младший сотрудник. – Я к нему пришел, как велено, за информацией. Пищаль для солидности взял, шапку на стрелецкий манер сдвинул, а он мне вежливо так, по-людски, говорит: «Дмитрий, ви человек умный, в милиции служите, ну скажите ради бога, кому могла понадобиться моя черная ткань, за которую, прошу заметить, уплачены скорбные еврейские деньги? Не говорите! Я сам вам отвечу – тем, кому она нужна! А кому она нужна? Тем, кто ее носит! А кто в Лукошкине носит черные одежды?» Вот тут-то меня и озарило...

Мы с Ягой страдальчески переглянулись. Счастливый Митька, ни на что не обращая внимания, красочно расписывал, как он самолично остановил едва ли не целый крестный ход и очень вежливо, без угроз, как положено – граждане, пройдемте... У меня просто не хватало слов. Если милиционеров за глаза называют козлами, то повелось это еще со времен царя Гороха, и виноват в этом мой старательный подчиненный, дубина!

– Бабушка, вы не могли бы как-нибудь заманить в дом вон того картавого «стража порядка»?

– Попробую, Никитушка, но со священниками уж ты будешь разбираться сам.

– Естественно... – кисло выдавил я.

Бабуля вышла на крыльцо и тихо свистнула. Шмулинсон наострил уши. Яга поманила его пальцем и тихо намекнула:

– Аванс ждет.

Абрам Моисеевич мгновенно приставил тяжелую пищаль к забору и

рысью бросился в дом:

– Никита Иванович, мое почтение. Штой-то ви сегодня кажется мне небрежно бледным... Не заболели, часом? Я всегда говорил – берегите нервы, от них все болезни! Ви же так окончательно посадите здоровье в борьбе с преступностью...

Я встал из-за стола, подошел к печке, взял ухват и передал его Яге.

– Держите обоих на мушке. Попробуют бежать – поступайте по законам военного времени.

– А... я ж... я же – свой! – взвыл было Митька, но под неподкупным взглядом Бабы Яги стушевался и притих. – Я же... свой я... милицейский... как лучше хотел...

– Молчи уж теперь, отступник! Подвел-таки все отделение под монастырь...

Я еще раз поправил фуражку и с самым сокрушенным видом шагнул на крыльцо. Псалмы и молитвы мгновенно прекратились, лица присутствующих обернулись ко мне. Кто со страхом, кто с надеждой, а кто и покаянно ожидал последнего решения.

– Граждане, – прокашлялся я, – а кто тут, собственно, главный?

– Епископ Никон в отъезде, стало быть, я за него буду, – густым басом прогудел отец Кондрат.

– Помню, помню, встречались. Это что же вы, батюшка, уже второй раз в отделение залетаете?

– Грешен...

– Вот именно, – приободрился я. – Взрослый человек, жену имеете непьющую, дочь-красавица вымахала, а вы? Уличные драки устраиваете, свободных художников без суда и следствия бьете... Нарушаете, гражданин!

– Ох... грехи наши тяжкие, – честно повесил голову отец Кондрат и повернулся к остальным: – Братия! Зело виновен перед всеми. Это ж из-за меня, недостойного, вас всех в отделение замели. Простите, Христа ради, окаянного... Мой грех, мне и ответ держать.

– Пусть Господь тебя простит, как мы прощаем, – дружно откликнулись дьячки, монахи, попы и служки.

У меня едва слезы не навернулись от такой трогательной картины, но следовало довести дело до конца.

– И вам, граждане, должно быть стыдно! Почему вы не удержали вашего товарища от опрометчивого поступка?

– Истинно! – крикнул кто-то. – Вяжи и нас, участковый!

– Почему никто не приложил никаких усилий по борьбе с самими

зачатками правонарушения у отца Кондрата? Почему никто не подошел, не поговорил с ним по-братски, по-церковному?

– Правильно, правильно, – поддержали другие голоса. – Погрязли мы в делах суетных и забыли о ближнем. Велика вина наша, и нет нам прощения. Все на каторгу пойдем, веди, участковый!

– Ну... каторга – это, пожалуй, слишком, – постарался успокоить я разгоряченные самобичеванием головы. – Один судья над нами, имя ему – Господь Бог. А я лишь осуществляю некоторые функции профилактики. Так что, граждане, дайте мне честное поповское, что с отцом Кондратом больше такого не повторится?

– Век будем Бога молить за твою милицию! – просветлел народ.

Я тоже вздохнул посвободнее, хорошо, когда вот так удастся выкрутиться. Сицилианская защита...

– А что, святые отцы, вы откуда, собственно, шли таким составом?

– Да церковь новую строят на Волowych горках, камень краеугольный освящали.

– О! Напомнили. Раз уж вы все здесь, не откажите в маленькой услуге, освятите отделение. Давно собирался, да все как-то в суете, в беготне... Как закончите – все свободны, претензий к вам больше не имею, дело на отца Кондрата заводить не буду. По рукам?

В общем, расстались мы друзьями. Обряд освящения проводил сам отец Кондрат, степенный и торжественный. Он нараспев читал молитвы, помахивая дымящимся кадилом и разбрызгивая святую воду специальной метелочкой. Сводный хор дьяконов столичных церквей старался вовсю, наш забор буквально облепили любопытные соседи, набежавшие послушать духовное пение. В целом все было очень красиво и впечатляюще, меня даже благословили напоследок. Я поблагодарил всех от лица лукошкинской милиции и лично попрощался с каждым за руку. По-моему, все ушли довольные и никаких обид на необоснованный арест никто не затаил. На самом-то деле нам крупно повезло, что в эту облаву не залетел дьяк Филимон думского приказа. Уж он бы не преминул устроить такой скандалчик... Мы бы долго потом отмывали «честь мундира». С такими мыслями я вернулся в дом и бухнулся на скамью перед нашими пинкертонами.

– Ну, все... сейчас я буду зверствовать.

– Это не я! – в один голос заявили оба. Посмотрели друг на друга и тут же добавили: – Это он!

– Значит, так... Митьку – в поруб. Пусть заменит стрельцов, они наверняка совсем замерзли. А с вами, гражданин Шмулинсон, мы

поговорим отдельно...

– А шо не так, гражданин начальник?! – мгновенно затараторил Шмулинсон, не давая мне рта раскрыть. – Ежели ваш шибко умный друг не глядя сплошь понаоскорблял духовенство, при чем здесь я? Но на всякий случай я таки жутко извиняюсь! Ви мне не верите? Тогда спросите ваших священников, я хоть кого-нибудь тронул? Я хоть одного застрелил для острастки? Ну, может, погрозил пищалью, но, во-первых, не со зла, а во-вторых, я целился в воздух! За шо ж ви на меня так пристально смотрите?!

Я демонстративно молчал, чуть склонив голову, и разглядывал ростовщика-гробовщика-портного самым рассеянным взглядом.

– Ви получали мою тайную записку? О, я вижу, ви получали. Ну, и ваше мнение? Шо, ви таки не находите, шо сказать? То есть абсолютно? Мне даже странно... Я не жалею времени и грошей, моя жена буквально считает себя вдовой – так редко она меня видит, дети уже не спрашивают «где наш папа?», они глотают слезы и взрослеют на глазах. Я набит сведениями, как рыба-фиш зеленым горошком, а ви ничего не хотите у меня спросить?! Это же антисемитизм!

– Никитушка, – глухо раздался за моей спиной бабкин голос, – а не вышел бы ты на пару минут во двор? Не худо бы поруб посмотреть, подследственных проведать... Стрельцам вон по кулебяке снеси. Для них большая честь будет, если сам воевода-батюшка собственноручно попотчует. Выйди, а?

Я взял фуражку, еще раз молча оглядел Шмулинсона и, сочувственно похлопав его по плечу, покинул горницу. Дверь я прижал стоящим в сенях поленом. Почти в ту же минуту в нее яростно забарабанили, и визгливый голос прямолинейно сообщил:

– Не имеете права! Выпустите меня, гражданин участковый! Я не останусь наедине с этой сумасшедшей старухой... Она меня съест.

– Приятного аппетита, бабушка! – громко ответил я.

Вопли несчастного были слышны даже во дворе, но очень недолгое время. Стрельцы, несущие охрану у ворот отделения, доложили, что новостей от Еремеева пока не поступало. Я прошел к порубу, торжественно вручил сидящим на бревнышке бородачам по выданной кулебяке и от лица всего отделения поблагодарил за верную службу. Парни аж покраснели от удовольствия...

В порубе было прохладно. Митька, скрючившись, сидел на табуреточке в углу, а у противоположной стены в полулежачем состоянии находились две связанные фигуры.

– Здравия желаю, батюшка сыскной воевода!

– Здорово, виделись... Как тут дела?

– Спокойненько, муха не пролетывала. Мимо меня...

– Это хорошо, мух особенно бей. Как заключенные?

– Ведут себя тихо. Что-то лопочут по-своему, не разбери-поймешь, а более ничем характера не проявляют.

– Попытка к бегству?

– Да куда ж им, сердешным? Стрельцы-то от всей души постарались – на каждом столько узлов, сколько на жабе бородавок.

– Угрозы, подкуп, шантаж?

– Глазами страшно зыркают, – подумав, решил Митяй. – Денег не предлагали... а у них есть?

– Не знаю, спроси...

– Зачем? – подозрительно отодвинулся он. – Мы в милиции на жалованье состоим, нам лишнего не надо... Уж мы и в лапотках походим, а честь свою мундирную от взяток охраним!

– Правильно. А теперь послушай меня. Дежурство сдашь через полчаса, заглянешь к Яге, она с тобой по-свойски потолковать хотела. И запомни раз и навсегда – никогда не слушайся добрых советов Шмулинсона! Поверь, Митя, ты нам слишком дорог...

– Как это? – застенчиво переспросил двухметровый герой.

– В смысле, обходишься очень дорого. Я из-за твоих выкрутасов скоро совсем седой стану, да и бабка не железная. Пожалей нас, а?

Митька горько вздохнул и побожился, что впредь...

Проведя таким образом серьезную профилактическую беседу с личным составом, я преспокойненько вернулся в дом. Абрама Моисеевича в горнице не было. На мой многозначительный взгляд Баба Яга недовольно заворчала у печи:

– Да не съела я его, не съела. Что ж вы меня, совсем за ведьму держите? Трудится он... У мужиков все беды от безделья. Как только заняться нечем, так дурь из башки и прет! Заняла я его общественно полезным трудом на благо отделения...

– Каким?

– По специальности, – пояснила бабка и, открыв мне дверь в свою комнатку, продемонстрировала такую картину... исправительная колония в миниатюре!

На небольшом угловом столе лежали плисовые Митькины штаны, а бледный Шмулинсон, держа иглу двумя руками, старательно латал в них дырки. Рост несчастного «тайного агента» был уменьшен до размеров не крупной мышки. За ходом работ пристально наблюдал здоровенный

бабкин кот, плотоядно щуривший зеленые глаза.

– Супруге его я весточку отправлю, дескать, муж на заработках в отделении батрачит. И даже уплачу по совести, как за художественную штопку, – невозмутимо развернулась Яга.

Я вышел следом, дверь шмулинсоновской темницы захлопнулась. Яга взялась ставить самовар, вроде бы все были при деле, можно без суеты выпить чашечку.

– Ты уж не сердчай, Никитушка, что я тут посвоевольничала. Достал он меня, злодей, аж до печенок.

– Все в порядке. Надеюсь, обойдемся без международного скандала...

– Да и пусть поскандалят немного, брань на ворота не виснет, а от нас не убудет. Давай-ка вот ватрушечку...

– Спасибо. Ум-м... вкусно...

– Беда-а-а-а!!! – В горницу с безумными глазами вломились те скучающие герои, которых я угощал кулебякой. (Как я от неожиданности ватрушкой не подавился – ума не приложу!)

– Вставай, сыскной воевода, в порубе беда!

Да-а, зрелище было не из приятных...

Когда я подбежал к порубу, оттуда пулей вылетел бледный как смерть Митька. Глаза – круглые, зубы стучат, волосы на голове – дыбом, а руки – по локоть в крови. Объяснить он толком ничего не мог, у бедняги губы прыгали. Я бросился по ступенькам вниз. Оба пленных находились в предобморочном состоянии, на полу у их ног валялся расплющенный в лепешку труп. Явно мужчина, больше ничего сказать не возможно, меня самого от одного взгляда едва не стошнило. Ноги подогнулись, и я неуклюже сполз по стене на последнюю ступеньку. Господи...

Следом, крестясь, спустились двое стрельцов. Мне удалось более-менее ровным голосом приказать им убрать тело. Кое-как, держась за стену, я выполз вверх. Баба Яга чем-то отпаивала Митьку. У забора меня все-таки вытошнило...

Яга силой усадила меня за стол и налила две рюмки с травными настоянками, одну горькую, другую сладкую. Я послушно выпил обе. Вроде бы полегчало.

– Как он?

– Митяй-то? В сенях на лавке сидит, дрожит мелкой дрожью и говорить не может. Напуган он, Никитушка, сильно напуган...

– Что же там произошло? Откуда взялся труп? Там же все забрызгано кровью, впечатление такое, словно человека кузнечным прессом

размазало...

– Уж и не знаю, что сказать... – развела руками бабка. – Давай-ка ты, соколик, мне помогать будешь. Надо парня нашего в чувство приводить, иначе ничего мы по этому делу не узнаем.

Я молча кивнул. Лично у меня не было даже самой малюсенькой зацепки насчет всего происходящего. Сначала Яга велела привести «пациента» и дала ему в руки кусок коричневого пчелиного воска. Потом я принес полное ведро холодной воды из колодца и поставил в печь большую сковороду на длинной ручке. Митьку посадили перед ведром, а Баба Яга, взяв из его безвольных пальцев уже размягченный воск, бросила его на сковородку.

Огонь и вода, холод и пар...
Все по слову моему обернитесь –
Как из сердца – страх,
Как из кожи – жар
От живой души отступитесь...
Злой переполах вылью без следа,
Из сырой земли просыпаю соль,
Ярый воск горяч, холодна вода,
Разгоните мрак, отпустите боль...

Наверно, были еще и другие куплеты, из-за треска расплавившегося воска я больше не расслышал. Митяй окончательно впал в транс, зачарованный бабкиными напевами.

– Лей! – крикнула Яга, и я махом булькнул содержимое сковороды в ведро с водой. Вверх взлетело дурманное облачко пара.

– Ну-ка, Митенька, посмотри да скажи нам, это ли тебя напугало?

– Да... – прокашлявшись, заговорил он. Древнерусская шоковая терапия одержала зримую победу – к нашему сотруднику вернулись ум и сознание. – Она это... насекомая окаянная...

Яга демонстративно ткнула крючковатым пальцем в ведро. Я осторожно заглянул – расплавленный воск застыл в ледяной воде причудливой лепешкой, по очертаниям своим более всего напоминавшей... муху!

– Теперь нам все ясно, – авторитетно-экспертным тоном заявила бабка. – Кое-кто хотел у нас и этих пленников на тот свет отправить. Для того и мухой обернулся, чтоб мимо стражи стрелецкой проскочить. Да кто

ж знал, что в порубе дурачок наш сидеть будет? Он небось муху-то углядел да со скуки и прихлопнул!

– Не со скуки, а по приказу начальственному, – хмуро буркнул Митька. – Никита Ивыныч сами сказать изволили: «Чтоб ни одна муха не пролетела!» Я и исполнял со всем служебным рвением...

– Ага, ладошки-то у него как лопаты совковые. Один раз хлопнул – все, лекарей зазря не тревожь, ищи гроб необычной формы. Вот так, Никитушка, оно все и было. Парень наш как труп увидел да руки свои к глазам поднес, сразу в крик ударился, стрельцов перебаламутил. Осталось узнать, кто ж это был...

– Один из охранников немецкого посла, исчезнувший вместе со своим господином, – задумчиво ответил я. – Там мало чего осталось для опознания, сплошное месиво. Только ноги как-то уцелели, а на них немецкие ботинки с пряжками. Фасон характерный, с сапожками сафьяновыми или лаптями никак не спутаешь. Что-то я подзабыл, а какой штат телохранителей был у нашего Шпицрутенберга? Восемь или десять человек? Двое были отравлены, четверо застрелены на месте преступления, один убит в порубе, двое живых под охраной – итого уже девять. Либо у посла остался всего один страж, либо мы не всех знаем.

– Сам-то он куда делся?

– Пропал. Вроде бы еще утром уехал во дворец, но там не появлялся, в слободу назад не поворачивал, но, может быть, ребята Еремеева уже что-нибудь выяснили. Мне кажется, за его исчезновением скрывается что-то важное...

– Думаешь, не пастор воду мутит? – прозорливо сощурилась Яга.

– Не знаю. Но готов предположить некоторую синхронность их действий. Или они работают в паре, умело прикрывая друг друга, или существует кто-то третий, успешно манипулирующий ими обоими. Вот этого третьего мы и не знаем...

– Батюшка сыскной воевода, – подал голос молчавший доселе Митька, – а вот за то, что я этого немца... муху эту... ну, прихлопнул... мне за это ничего не будет?

– Ничего, – решил я, – спишем как необходимую самооборону. Если бы он успел превратиться в человека, то для исполнения преступного замысла все равно должен был бы избавиться от тебя, как от свидетеля. На том и будем стоять в суде...

– Дык... я ж не об этом... а вот награда какая ни есть за это дело положена?

– Митя, не наглей! – построжел я. – У тебя уже одна медаль есть,

достаточно.

– Так ведь я ж... подвиг, можно сказать, совершил! Мало ли, такого злодея обезвредил... пленных спас, целых двух, да еще граждан сопредельного государства.

– Митенька, – с угрожающей лаской в голосе поднялась Баба Яга, – сходи, касатик, ко мне в комнатку, погляди не торопясь, чем там разные спорщики занимаются. Подумай на досуге. Как надумаешь, приходи...

Он пожал аршинными плечами, свысока посмотрел на Бабу Ягу, и, чуть рисуясь, отправился по указанному маршруту. Появившийся через пару минут Митька был уже совершенно другим человеком. Тихий, скромный, исполнительный, подчеркнуто вежливый и полный совершенно бескорыстного желания услужить всем сотрудникам отделения. Как все-таки умеет моя хозяйка находить нужные струнки в суровых мужских характерах... Она – врожденный педагог для исправительных колоний!

Мои теплые размышления прервал яростный стук в ворота. Стрельцы впустили на территорию отделения целый отряд конной гвардии царя Гороха. Начальствующий над ними боярин внимательно оглядел весь двор и грозно потребовал:

– А ну, говори, сыскной воевода, где у тебя святые отцы в заключении томятся? Думал, государь не узнает? Ан нет тебе! Ему уже доложили, как жида с пищалями да пушками всех священников православных к тебе в милицию на допрос прикладами позагоняли. Ну, кайся, сыскной воевода... Спрашиваю в последний раз, где мученики?!

Моих сил хватило только на кривую улыбку...

К вечеру я немного отошел. Баба Яга спровадила бородатого поборника «униженного жидами» христианства. Митька, побегав по городу, нашел Фому Еремеева и выяснил, что никаких следов немецкого посла по-прежнему не обнаружено, но поиски продолжаются. Пленные телохранители хоть и дрожали от пережитых волнений, но давать какие-либо показания отказывались категорически, ссылаясь на полное незнание языка. Пришлось скрепя сердце отконвоировать обоих в пыточную башню царского двора. Там и переводчиков больше, и сведения добудут без лишней суеты. Может, это кому и покажется нецивилизованным, но события давно вышли за рамки общечеловеческих ценностей.

Началась война... самая настоящая, с жертвами, планами боевых действий, линиями обороны, окопными перестрелками, неожиданными атаками, диверсионной деятельностью и кровью. В обычном мире борьба с преступностью не переходит границ взаимоприемлемого компромисса.

Милиция докладывает о планомерном «ужесточении методов», а преступники исправно легализуют свой бизнес и аккуратно платят налоги на содержание той же милиции. Все принимает взаимопроникающие формы, создавая определенную гармонию отношений. Здесь этому еще не научились, не тот уровень социального развития. Криминал пошел на уничтожение правопорядка! Что же нам остается? Только принимать адекватные меры – на войне как на войне. Поэтому, «бросая» двух явных преступников в «кровавые лапы» царских палачей, особых угрызений совести я не испытывал.

Как только небо стало мягко темнеть, мы с бабкой уселись за дежурное чаепитие. Хотя, скорее всего, это напоминало служебный отчет в неслужебной обстановке, корректировку планов действий и разработку будущих операций.

– Что делать думаешь, участковый?

– Ума не приложу. Вы же видите – стоит мне что-нибудь запланировать, как все тут же идет наперекосяк. То пастор не вовремя заболел, то посол решил похититься... Церковь их, строящуюся, я осмотрел – голые стены, ничего особенно подозрительного.

– Стены голые? – недоверчиво сощурилась Яга. – Вот уж странно так странно... Да ведь в храмах католических и мозаики, и витражи из стекол разноцветных, и полы разными плитами выложены, и колонны, и карнизы, и скульптуры всякие... Что, совсем ничего нет?

– Абсолютно, – кивнул я.

Честно говоря, никогда не имел особенного представления о том, как должны строиться культовые сооружения. Если вдуматься, то старушка совершенно права – в помещение без окон витражные стекла не вставишь, каменный пол повторно декоративными плитками не выстилают (или выстилают?), если строители этого не сделали сразу, то, значит, так и планировалось.

– Выходит, мы нашли место проведения черной мессы?

– Нашли. В нужный день они все стены черными полотнищами позанавесят, на пол черную кожу бросят, алтарь черным бархатом покроют – вот место и готово. Надо бы там охрану выставить...

– Рискованно... – призадумался я. – Двух-трех стрелцов могут попросту убить, а мы и так несем потери.

– Так оставь больше.

– Тогда они просто «залягут на дно» и, подобрав другое место, тайно проведут мессу там, а мы будем охранять пустое помещение. Я не хотел бы их спугнуть...

– Ладно, – решила Яга, – охрану я свою посажу. У моего Василия в немецкой слободе две крали есть, попрошу, чтоб по-свойски договорился. Из бюджета отделения оплатишь сметаной.

– Не понял?

– Ваське, я говорю! Коту моему... – доходчиво объяснила бабка.

– А-а-а... – допетрил я. – Он, в смысле кот, договорится с... кошками? И они ему сообщат, когда начнется месса? А он подаст докладную мне, в общем, за ведро сметаны?

– И крынки будет предостаточно. Нечего его баловать...

Перебивая наш разговор, из сеней раздался приглушенный спор, кто-то рвался меня видеть, а Митька не пускал. Мы невольно прислушались...

– Пошел прочь, носатый! Сказано тебе, не пойдет участковый на ночь глядя. (Вместо ответа какая-то хриплая ругань, хлопанье крыльев и крики, напоминающие карканье.) Уйди! Уйди, по-хорошему прошу, а не то как дам, вон, помелом поперек клюва! Утром прилетай со своим сообщением...

– Митька! Ты с кем это там воюешь? Пропусти человека.

– Да ежели б человека, рази б я не пустил? – жалобно прогудел Митькин бас, дверь распахнулась, и в горницу, поклонившись, вошел большой черный ворон! Здоровенная птица с блестящими перьями, умными круглыми глазами и опасным клювом сантиметров в десять.

Ворон величаво прошагал ко мне, склонил голову в коротком поклоне и на чистом русском доложил:

– Кощей Бессмертный хочет тебя видеть.

– Да неужели? Я бы тоже охотно на него полюбовался, желательно в тюремной камере...

– Не шути, гражданин начальник. Дело серьезное, иначе не послал бы.

– Что за дело? – перемигнулись мы с бабкой.

– До конца сам не ведаю. А только просил передать хозяин мой, что в Лукошкине сила иноземная поселилась и она ему все карты путает. Он тебе поможет, ты – ему. А уж как все кончится, так вы тогда между собой до конца биться будете.

– То есть нам предлагается временное перемирие и заключение союзнических обязательств с целью вытеснения западных интервентов?

– Да, – подтвердил ворон, – собирайся, я провожу.

– Поздно уже... – Я мельком глянул в окно.

– Кощей ждать не привык.

– Перебьется, – сурово заявила Яга. – Раз уж он сам в союзники к милиции набивается, то должен и наше мнение уважать. На ночь глядя никуда не полетим. Вот утро наступит, там и посмотрим...

Ворон сделал неувловимое движение, сходное с пожиманием плеч. Я встал из-за стола:

– Итак, до завтра. Митя, проводи гражданина...

Час спустя явился Еремеев, никаких следов немецкого посла по-прежнему обнаружено не было. На мой взгляд, это уже становилось подозрительным... Лукошкино, конечно, поменьше Москвы, но все равно достаточно крупный город. Народ здесь неглупый, в общественной жизни принимает самое активное участие, так неужели никто ничего не знает о большой карете, запряженной четверкой лошадей, выехавшей поутру из немецкой слободы в сторону царского дворца и бесследно пропавшей? Да тут еще с первыми петухами начинают бегать рассыльные мальчишки из лавок, меняется стрелецкая стража, а мелкие торговцы-лоточники спешат на базар занимать рублевые места. Просто не может такого быть, чтобы немцы ухитрились совсем уж никому не попасться на глаза. Старшина стрельцов только разводил руками и обещал усилить ночные патрули.

Нашего Митьку Яга заставила выпить две ложки какого-то успокаивающего и отправила спать. Мне она тоже посоветовала не задерживаться:

– Ложись-ка и ты почивать, завтра день трудный. К самому Кощею на переговоры полетишь, не хухры-мухры...

– Полетим, – уточнил я, – во множественном числе.

– Это ты меня, что ль, имеешь в виду?

– Естественно, не Шмулинсона же...

– Так не надейся даже – я не полечу, – категорически отказалась бабка. – У меня назавтра дел полно, стирка-глажка всякая, опять же за курыми присмотреть надо.

– Бабуля... вы темните.

– Ничего я не темню! Ясно тебе говорю, человеческим языком – нет и нет! Я у нас в отделении по штатной единице кто? Эксперт-криминалист! Чья кровь, откуда нитка, что за трава – это, пожалуйста, спрашивай. А вот чтоб добровольно к Кощею в зубы нос совать – фигушки!

– Но... как это... – беспомощно забормотал я, но Ягу уже понесло:

– А не нравится – увольняй меня к лешему! Да, именно к нему... Лучше уж я под старость лет с этим прощельгой под венец пойду, чем на Лысую гору ни свет ни заря к злодею нашему поковыляю. Не дождетесь!

– Вы... боитесь?!

– Дошло наконец! Боюсь! И не стыдно мне, ну ни капельки! Тебя он, видишь ли, в гости приглашает, на собеседование, еще чаем поить удумает.

А меня? На мою персону охранных грамот не выписывали. Или ты позабыл, участковый, какой я ему в прошлый раз «порядок» в бумагах навела? Кощей – мужик злопамятный... И не скажет, а действием припомнит. Нет уж, я и так на одну ногу хромая.

– Ай-ай-ай... пожилая женщина, а туда же... Впадаете в панику, как выпускница Гнесинки при виде пьяного лифтера. Ну кто там на вас косо посмотрит? Вы же не частное лицо, а представитель милицейского отделения, – укоризненно начал я. – И потом, вдруг мне на месте посоветоваться надо будет, детали обсудить... это ж без вашего участия – дохлый номер! Вы там уже бывали, все ходы-выходы знаете, да и я один вашей ступой попросту управлять не сумею.

– Тоже... боишься? – понимающе хихикнула Яга.

– Ну... есть немного, – скромно признал я. – Приглашение приглашением, а ну как меня опять в зайца превратят?

– Да что ж делать теперь... Если опять вдвоем полетим, на кого отделение оставим?

– Только не Митька!

– Вот и я о том же... У стрельцов своей службы хватит, царя до уголовных дел допускать – упаси Господь, выходит, что кроме меня – некому. Вот что, Никитушка, отправляйся-ка ты завтра сам, а в качестве товарища сотрудника нашего младшего возьми. Он хоть умом недалек, да кулаками крепок. В случае чего, глядишь, и отмашетесь...

Я почесал в затылке, прикинул так и эдак, в принципе она была абсолютно права. Если я на кого и могу положиться в свое отсутствие, так только на Бабу Ягу. Дорога туда-сюда, как помнится, занимала около суток, ну там еще часа два-три на достижение взаимовыгодных компромиссов. Это даже хорошо, что Кощей честно предупреждает о прежней, беспощадной борьбе после окончания общего дела. На постоянную дружбу с закоренелыми бандитами я бы ни за что не согласился. Митька, кстати, и впрямь может оказаться очень полезным. В заданиях, требующих чисто физической подготовки, он всегда показывал себя наилучшим образом. Будем надеяться, что драка нам вряд ли светит, но иметь такую «боевую башню» в тылу приятно, хотя бы из тщеславия. У Кощея наверняка нет настолько здорового телохранителя...

– Не буду спорить. Видимо, так и придется поступить. Берите всю операцию под свой контроль, а мы вдвоем выясним, какие предложения у нашего матерого уголовника.

– Ну вот... – ласково улыбнулась бабка, – говорила я тебе – спать иди, завтра рано подниму. Мне тут кое-чего тебе в дорогу подсобить надо, но

до рассвета и я пару часов вздремну. Спокойной ночи, сыскной воевода...

Меня разбудил петух... Если вспомнить, во сколько я лег и сколько мне досталось, он бы должен заткнуться из одного человеколюбия. Я с трудом оторвал голову от подушки, со скрипом приоткрыл один глаз и... ахнул! Этот мерзавец стоял на пороге моей комнаты и улыбался! Нет, может быть, клювом улыбнуться очень трудно другим птицам, а этот буквально смеялся мне в лицо. Он горделиво шагнул вперед, чуть покачивая мясистым гребешком, потом потянулся, захлопал крыльями и разразился таким «Ку-ка-ре-ку-у-у»! Меня аж подбросило на кровати. Петух склонил голову, любовно уставился на меня и, явно дожидаясь похвалы за свой бессовестный поступок, нагло спросил: «Ко?»

– Ко! – самым сладким голосом ответил я и, скинув одеяло, осторожно потянулся к висящей на стене царской сабле. Благородное оружие солнечным лучом выскользнуло из ножен.

– Ко...ко...ку... – протестующе забормотал петух, неуверенно пятясь к выходу.

– Убью! – Я отважно бросился вперед, из-под широкого лезвия сабли брызнули щепки, а ненавистная птица исхитрилась увернуться.

Полный праведного гнева, я выдернул клинок из половицы и, как был, в одних трусах, кинулся за удирающим мерзавцем. Он с диким криком пустился вниз по лестнице, необыкновенно ловко избегая моих свищущих ударов. Я тоже что-то орал, загоревшись азартом бешеной погони, скользя босыми пятками и едва дыша от совершенно неземного счастья. Сейчас я его поймаю и убью! И в суп! Беспременно в суп! Только так и не иначе... На последней ступеньке подлая домашняя скотина так бесстыже изменила курс на сорок пять градусов, что я не удержал равновесие и рухнул во весь рост. На шум и крики прибежала перепуганная бабка. Мерзопакостный петух совершил длинный прыжок, бестолково размахивая крыльями, но умудрился тем не менее попасть Яге прямо в заботливые руки. Там он уютненько устроился и опять поганенько так улыбнулся...

– Ты что это удумал, Никита Иваныч? – строго спросила Яга.

Я нехотя спрятал саблю за спину:

– А чего он... спать не дает? Может, мы сегодня цыпленка-табака изготовим? Мне понадобятся специи, два больших утюга и...

– Не городи чушь, участковый! Нельзя тебе этого петуха есть, вам с ним еще на дело идти.

– С ним? – еле выдавил я.

– С ним! – твердо объявила бабка. – В царство Кощеево без петуха

соваться никак нельзя. Недаром голоса его вся нечисть, как святой воды, боится. Он и товарищем послужит, и время подскажет, и кого надо в нужное место даже жареным клюнет.

– Минуточку, – вовремя вспомнил я, – а как же Митька? Мы ведь вчера вроде как договаривались...

– Так это Митька и есть.

– Что?!

– Митька, говорю, это и есть, – обезоруживающе улыбнулась Баба Яга. – В петуха я его оборотила. Всю ночь думала и порешила, что так лучше будет. В людском обличье Митя – парень солидный, а вот мертвецов все одно боится. Испугается не вовремя, и все... хорони обоих, весь терем в траур, а над отделением целый день дьяк Филимон поминальные молитвы будет отплясывать. А вот ежели с того же перепугу попугаюшину закричит – тогда уж всему Кощееву царству тошно станет! Выгодное дело, участковый.

Я обессиленно плюхнулся на ступеньку. Честно говоря, хотелось плакать. Не жизнь, а черт-те что и сбоку бантик. Лететь на серьезнейшее дело под защитой пестрого паразита с гребешком и шпорами?! Что я, буду на переговорах изображать карикатурное подобие Джона Сильвера с попугаем? Боже мой, кадровый лейтенант милиции с петухом на плече... Провалиться со стыда! Однако на мой жалобный взгляд Баба Яга так сурово сдвинула брови, что спорить стало совершенно бессмысленно. Во всех вопросах, касающихся колдовства, ее авторитет штатного эксперта был непререкаем.

– Он хоть говорить сможет?

– Ох ты ж... да неужто я ему речь человеческую оставить забыла? – всплеснула руками Яга.

Она скороговоркой буркнула пару фраз и наотмашь ударила петуха по лбу. Он на мгновение окосел, потом поднялся с пола и праведно возопил:

– Никита Иваныч, да что ж она, старая, еще и дерется?! Мало того, что безвинного сироту птицей беспородной оборотили да саблей невесть за что не зарубили, так еще и в морду кулаками без дела тычут! За какие грехи-провинности тяжкие?

– Дайте ему пшена и водички с валерьянкой за мой счет, – горько вздохнул я. – Делать нечего, пойду одеваться.

– Давай, давай, а то уж и самовар на подходе. Опять же посыльный Кощеев с утра на заборе дожидается...

Весь завтрак Баба Яга самым обстоятельным образом объясняла мне, как управлять ступой и помелом. Принцип движения этого старомодного

летательного аппарата я так и не понял, но основные приемы регулировки скорости, высоты, направления и правильных поворотов вполне усвоил. Очень похоже на управление дельтапланом (сам я на нем не летал, только по телевизору видел). Для поднятия вверх надо было совершать помелом загребающие движения вокруг задней части ступы. Где у нее зад, где перед – без разницы, как сел, так и будет. По достижении средней высоты («чуть выше леса стоячего») следовало взять помело под мышку и таким образом держать курс. Для снижения применялись те же загребательные взмахи, но уже с передней части. В общем, не слишком сложное устройство. Вот на каком топливе летает, как у нее с тормозами, не откажет ли внезапно на большой высоте... это все вопросы без ответа, я пробовал выяснить, но Яге, похоже, такие материи в голову не приходили.

– Ступа как ступа, Фома ты недоверчивый... очень даже исправная. Ну, ни пуха ни пера, участковый! Возвращайтесь побыстрее.

Черный ворон взмыл ввысь, указывая дорогу. Я сунул недовольного Митьку на дно ступы, чтоб не мешался под руками, и взялся за помело. Стрельцы перекрестились, сняв шапки. Ладно, не отпевайте раньше времени.

Мы плавно поднимались...

Полет проходил ровно, без приключений. Ворон молча летел впереди, и мы двигались за ним, как на веревочке. К управлению помелом я привык очень быстро, воздушных ям на такой высоте не было, перелетные птицы нас тоже не беспокоили. Митька вылез-таки на край ступы, глянул вниз, присвистнул и, балансируя крыльями, спустился на прежнее место.

– Че-то мутит меня, воевода-батюшка. Может, передохнем где на поляночке? Я перья почищу, зернышек поклюю, может, и букашкой какой порадуюсь...

– Нет.

– Никита Иваныч, да за что ж вы все сердитесь на меня, горемычного? – взвыл петух. – Я, что ли, по доброй воле в этих перьях пыльных ходить подрядился? Нет, чтоб пожалеть бедолагу...

– Нечего из себя униженного и оскорбленного строить, – нервно огрызнулся я, – превратили тебя в петуха, значит, так для общего милицейского дела надо! Будь любезен выполнять...

– Ну вот он я, выполнил... Сажу тут на дне, клювом в стенку, гребешок этот дурацкий вечно над глазом нависает, только обзор портит... А с саблей острой зачем на меня бросались?

– А на фиг тебе меня будить понадобилось? Разорался во всю глотку! Не мог, в конце концов, просто подойти, деликатно похлопать по плечу – дескать, вставать пора. (На секунду я сам представил себе такую картинку и аж вздрогнул: ранним утром, когда едва разлепляешь глаза, рядом с тобой стоит горделивый петух, фамильярно хлопает тебя крылом по спине и громогласно заявляет: «Подъем, участковый!» Это ж на всю жизнь заикой останешься...) Извини, я не знал, что это ты.

– Да как вы могли меня с нашим дворовым петухом спутать? У него и грудь уже, и шпоры короче, и хромает он, а хвост у него красный, а у меня – вон, зеленый. Гораздо красивее...

– Хватит, расхвастался, павлин несчастный! Тебя хоть Яга ввела в курс дела, куда летим и зачем?

– Никак нет, воевода-батюшка. Я как утречком-то проснулся, крылышки расправил, шейку к солнышку потянул, так и... едва на спину не хлопнулся. Пресвятая Матерь Божья, что ж это со мной сотворилось?! Оглядел себя – весь в перьях, ровно пташка перелетная, но покрупнее в теле буду. Подбежал к ведерку, глянул в воду – как есть петух! А тут и бабуленька наша входит, чтоб ей в гробу не кашлялось...

– Понятно. Нас обоих поставили перед фактом. Тогда слушай внимательно. Мы едем (в смысле, летим) на одну очень важную оперативную встречу. От исхода сегодняшних переговоров зависит судьба завтрашнего дня. Поэтому постарайся вести себя достойно работника милиции, червячков в цветочных горшках не выискивай, без дела клюв не разевай и, главное, не путайся у меня под ногами. Вопросы есть?

– Один, маленький, – подумав, сообщил Митька, – кто нас там ждет?

– Кощей Бессмертный.

– А-а-а-а!!!

– Один из крупнейших уголовных авторитетов в ваших краях, – невозмутимо продолжал я, совершенно игнорируя отчаянные попытки петуха изобразить невменяемую истерику. – Он намерен переговорить с нами по поводу объединения усилий в борьбе с засилием иностранной магии на территории, вверенной лукошкинскому отделению. Похоже, эта проблема живо затронула всех. Ты что-то там хотел кукарекнуть или мне показалось?

– Ники-ки-ки...

– Не понимаю, крякай отчетливее.

– Я ж не утка какая... – на мгновение обиделся Митяй, потом вспомнил о своей трагедии и снова затрясся: – Ники-ки-ки-та Иван-ныч... не хочу... не могу... не буду... и не уговаривайте! Остановите ступу

– я сойду.

– Да ради бога. – Я меланхолично шевельнул плечом и переложил помело перпендикулярно заданному курсу.

Ступа так резко затормозила, что мне едва удалось поймать слетевшую фуражку. Митька взлетел вверх, вцепился когтистыми лапами в деревянный бортик и, поудобнее угнездившись, глянул на меня глазами, полными упрека:

– Батюшка сыскной воевода, вы что ж, опять породу мою с кем-то путаете? Отсель вся земля одной тарелкой расписной кажется. На такой высоте только орлы летают, а я – петух, птица нежная, домашняя, если упаду, так и перышка целого не останется. Уж сделайте такую христианскую милость – опуститесь на поляночку...

– Нет проблем, Митя, – честно ответил я, – раз ты решил предать меня, Ягу, все наше милицейское дело – беги. Я даже не буду настаивать на том, что ты давал присягу и в данном случае тебя бы должны «покарать суровые руки твоих же товарищей». Просто мы улетели от города километров на сто семьдесят, внизу сплошные леса, полные гостеприимных лисичек. Как ты считаешь, у одинокого петуха много шансов добраться до дома?

После минутного раздумья петух принялся активно биться лбом об борт ступы.

– Предположим лучшее – тебе повезло. Ты не разбился в лепешку, а удачно влетел носом в муравейник. Лиса, волк, куница, барсук, хорек или кто-то еще выпустили-таки из грязных лап героического домашнего кукарекальника. В лукошкинские ворота гордо вбежал полуоципантый петух и принялся, плача, целовать родную землю. Что дальше? Дальше что, Митя? С гребешком и в перьях кому ты, на фиг, нужен? Только в суп... Расколдовать тебя может лишь Яга, но станет ли она это делать? Чем бы ни завершилась моя дипломатическая миссия у Кощея, мне почему-то кажется, что наша бабушка вряд ли будет особо церемонна с предателями...

– Да не предаю я вас, не предаю! – взвыл пристыженный Митька. – А только жить очень хочется.

– Всем хочется. И мне, и Яге, и Кощею, и Шмулинсону – всем... И немцы эти, и нечисть их заезжая – тоже жить хотят. Работа у нас такая, в милиции не все делаешь как хочешь, больше – как должен. Так что прекрати мне тут изображать трогательную барышню-курсистку и берись за дело. Посмотри, похоже, ворон заметил нашу остановку и спешит узнать, в чем дело. Ну, ты как – со мной или пешкодралом до Лукошкина?

Митька снова прыгнул вниз и, нахохлившись, молча просидел там

всю дорогу. Ближе к обеду мы были на месте.

Лысая гора ничем особенным не выделялась. Кроме своей полнейшей лысости, естественно. Так, не слишком высокий песчаный холм в дремучем лесу. Стволы вековых сосен стоят так плотно, что пробиться сквозь их сомкнутый строй нет никакой возможности. Попасть на Лысую гору можно только сверху. Я дважды заходил на посадку, пока не приземлился на очень удачном пятачке, прямо на макушке. Выпрыгнул наружу и по щиколотку увяз в белесом песке, а черный ворон, сделав круг, уселся на борт ступы.

– Вот мы и прибыли, участковый. Ну да дело не ждет, давай-ка побыстрее к Кощею заявимся, хозяин у нас больно строг и очень точность ценит...

– Растудыть его в качель, какой пунктуальный... – хмуро раздалось со дна ступы.

Бедный ворон едва не поседел от ужаса:

– Это... кто это?! Ты кого ж... да как ты посмел, ищейка милицейская?! В Кощеево царство петуха тащить? Совсем мозгов нет?

– Ты мне повыражайся тут! – рявкнул петух, взлетая на борт. Митька вздыбил перья, сдвинул гребешок на правый глаз и, грозно раздувая грудь, спросил: – Ну, кто тут на нас с участковым?

Черный проводник только распахнул клюв, глядя квадратными глазами.

– Эта благородная домашняя птица – на самом деле младший сотрудник нашего отделения. В приглашении не оговаривался состав нашей делегации. Если Кощея что-либо не устраивает, значит, переговоры не состоятся. Можешь слетать, доложить, минут десять мы подождем...

Ворон потерянно кивнул, неуклюже, боком спрыгнул наземь и резво засеменил в сторону. Шагах в двадцати от нас он трижды отрывисто каркнул, и в песчаном холме открылась потайная дверь...

– Митя, ты чего там бормочешь?

– Молитву творю Николаю Угоднику.

– А-а... дело хорошее. О чем просишь-то?

– О том, чтобы Кощей разобиделся и нас не принял... Да не отвлекайте же меня, Никита Иваныч!

– Не буду, не буду, извини... Молитва – это святое, продолжай.

Через пару минут из дверного проема, кувыркаясь, вылетел комок черных перьев. Нашего потрепанного сопровождающего я узнал далеко не сразу. Ворон едва не влип в ближайшую сосну и уже оттуда сипло прокричал:

– Идите... ждет... в большом раздражении... мама!

– Мама в раздражении? – не понял Митька, но ворон только всхлипнул и заскользил по стволу вниз головой.

– Ладно, пошли, раз зовут. Не отставай только. – Я поправил фуражку и отважно шагнул в проем, петух следовал за мной нога в ногу.

Буквально через первые же десять ступенек из стены высунулось уродливое привидение, с воем протягивающее к нам прозрачные руки. Я хорошо помнил таких еще с прошлого визита, они сильны лишь твоим страхом, если не обращать внимания – сами развеются. Но Митька-то этого не знал! Мгновение спустя он взлетел мне на плечо и в несусветном испуге так заорал «Кукареку!», что стены задрожали. Мощное эхо подхватило петушиный крик, донеся его в усиленном виде до самых стен подземного дворца. Что началось... Малахольные привидения дохли тут же, на наших глазах. Те, кто покрепче да попривычнее, с воем уползали в неведомые норы. Узорная ограда внизу из живых челюстей чугуна скуксилась и пожухла, кое-где покрывшись сетью мелких трещин. Ступеньки под нашими ногами несколько закачались...

– Прекрати орать, балбес! – прикрикнул я. – Нашел время и место... Не хватало еще, чтоб нас тут же и засыпало!

– Дык... я... м...н... а как же? – сипел Митька, пытаясь выдернуть клюв из моей ладони.

– Слушай, парень, Яга меня предупреждала, что петушиного крика вся нечисть боится. Для того тебя из человека бесполезного такой нужной птицей и сделали. Но ради всего святого – не ори ты по каждому поводу! Будет серьезная опасность – всегда пожалуйста... Дери глотку от всей души, я же тебе еще и спасибо скажу. Но, пока не просят, молчи, как... как... как селедка под шубой!

– Слушаюсь, батюшка сыскной воевода!

Таким образом мы дошли до дворца без малейших проблем. Острые шипы на воротах нацелились было в нашу сторону, но Митька отважно набрал полную грудь воздуха, и... металлические убийцы безропотно отступили, не дожидаясь петушиного крика. Вплоть до самого тронного зала нам поперек дороги становились разномастные уроды, плотоядно обнажавшие страшные зубы, но, видя у моего колена гордого деревенского петуха, тут же меняли угрожающие оскалы на гостеприимные улыбки. Кощей Бессмертный, одетый в подобающее случаю облачение (царственные доспехи из вороненой стали европейского фасона), поглядывал на нас сквозь прорези забрала. Его глаза отсвечивали неестественно синим. Рядом стояло штук шесть длинноволосых чудищ,

более всего напоминавших толстых, небритых геологов с отродясь не стриженными ногтями.

– Ха-ха-ха! – театрально рассмеялся хозяин дома. – Вот он, враг докучливый, Никитка из уголовного розыска... сам пожаловал! За отвагу твою беспримерную одарю тебя смертью страшной, но милостивой. Эй, вурдалаки мои верные...

– Митя, – ровным голосом попросил я, – кукарекни дяде.

– Не надо! – Кощей мгновенно поднял руки вверх, потом вспомнил, кто он есть, и сделал вид, что просто потягивается. – Да шучу я, шучу... не видно разве? Че сразу кукарекать-то? До петуха сам додумался али подсказал кто?

– Баба Яга посоветовала, она у нас в отделении экспертом-психоаналитиком подрабатывает.

– Вот чертовка старая, – сплюнул Кощей, – неймется же бабе! Давно ли в глухом лесу, в избушке на курьих ножках, проживала, царевичами-королевичами да Иванами-дураками питалась. А как готовила, как готовила... Пальчики оближешь!

– Вы тут на нашу бабушку не наговаривайте, – неожиданно подал голос мой петух, – она у нас хорошая!

– Ох ты ж... Это кто у меня тут разговаривает? А ну, дай погляжу... я-то думал, птица неразумная, а тут человек заколдованный. Хочешь расколдую?

– Не хочу, – допетрил Митяй, прячась за мою ногу. – Мы люди подневольные, нам без приказа начальства никак нельзя.

– А ты хитер... – начал было Кощей, но я решил вмешаться:

– Может быть, все-таки перейдем к делу? У меня не так много свободного времени.

– Ладно, участковый... пока на твоей стороне счастье, но смотри – на узкой дорожке нам двоим не разминуться.

– Это угроза?

– Понимай как знаешь... Ну, пойдем, о делах поговорим в моем кабинете, без лишних свидетелей.

Я пожал плечами. Кощей встал с трона и, скрежеща на ходу, как несмазанный трансформер, жестом пригласил нас следовать за собой.

– Садись, сыскной воевода, петух пускай за дверью подождет. Когда пахан с начальником разговоры перетирают, петухам да вертухаям рядом не стоять!

– Боюсь, вы нас не поняли, – чуть улыбнулся я, – Митя – младший

сотрудник нашего отделения, а петухом он является временно, только сообразно криминальной обстановке. В иных случаях он – обычный человек, работник милиции с нормальной, здоровой ориентацией. Так что попрошу все намеки на слово «петух» в тюремном жаргоне впредь не употреблять. Они оскорбительны и абсолютно беспочвенны.

– О чем это вы, Никита Иванович? – простодушно шепнул Митька.

– Потом объясню...

– Я вас понял, – медленно протянул Кощей, разочарованно приподнимая забрало. – Не знал, что тут может быть столько пыли из-за чести мундира. Не возражаете, если закурю?

– Ради бога.

Он поморщился, словно я сказал нечто непристойное, достал длинную голландскую трубку, набил черным табаком, зажег от собственного горящего пальца и пустил вверх густые клубы вонючего зеленоватого дыма.

– Значит, о деле... А ты не дурак, участковый.

– Спасибо, вы тоже не так просты, как хотелось бы.

– Почто напраслину возводишь? Злодеи мы и есть, как на роду написано, а только скрывать нам нечего...

– Мы болтаем не более получаса, – сощурился я, – а вы за это время уже успели сменить минимум три разговорных манеры. То ведете себя как матерый уголовник с сорокалетним стажем, то как беспощадный, но недалекий отрицательный герой русских сказок, то как интеллигентствующий гангстер в романах Марио Пьюзо... Если все это лишь с целью подобрать ко мне ключик, то мы бесполезно тратим время. Я приму вас любого. Мне совершенно наплевать, кого вы изображаете, пока мы поддерживаем условия взаимовыгодного партнерства. Вы ведь за этим меня приглашали?

Какое-то время он молчал, сосредоточенно глядя в угол и нервно посасывая янтарный мундштук.

– Хорошо, Никита Иванович, давай без околичностей. Дело вот в чем... Я все Лукошкинское государство в своей зоне влияния числю. Злодеев крупнее и сильнее меня – для вас нет. Мелкого жулья везде полно, но и от их трудов копеечных я свою долю во всем иметь буду. Соперники мне ни к чему. Да и тебе, если вдуматься, тоже... Пока я один есть, со мной и бороться проще. Другое дело, что одолеть меня тебе жил не хватит. Но – вот он я, враг всей твоей милиции, и в лицо тебе это говорю. Ты меня знаешь, я – тебя, мы с тобой наравне. Зачем же нам еще эти иноземцы?

– Расскажите поподробнее, кто именно?

– А ты не знаешь?!

– Мне известно лишь, что некие силы, обосновавшиеся в немецкой слободе, в ближайшем времени готовят некое магическое вторжение. Черная месса, пустующий храм, упыри, непонятные мухи... Речь идет о вызывании в наш, русский мир какого-то европейского демона?

– Да не какого-то, а великого Вельзевула – Повелителя мух! – в сердцах вскричал Кощей, решетчатое забрало с лязгом рухнуло к подбородку. – Это же по силе и мощи младший брат самого Сатаны! Да он из наших леших да водяных узлы морские вязать станет. Они ему, по правде сказать, тоже не спустят. И начнется...

– А что, собственно, в этом такого? – улыбнулся я. – По-моему, простые люди от этой войны только выиграют. Помните, у Высоцкого: «... билась нечисть груди в груди и друг друга извела. Прекратились навек безобразия, ходит в лес человек безбоязненно. Не страшно ничуть...»

– Зелен ты в наших делах, участковый, – глухо прозвучало из-за забрала. – А все потому, что не отсюда ты... чужой, сердцем не прикипел, традиций не уважаешь. Вельзевул сюда не один пожалует, он ведь весь свой бесовской легион приведет. Битва будет страшная, земля родить перестанет, в лесах деревья сохнуть начнут, реки вживую загниют, трава не вырастет, чем тогда люди твои жить станут? Ты тут шутки шутишь, стишки читаешь, а вот подумал бы, что будет, ежели не изведет нечисть друг друга! Ежели вдруг да победит иноземец проклятый? Весь мир русский накроет злая тень чужеродного демона. А изгонять его лишь католики да лютеране горазды, у православных и опыта такого нет. Поразмысли-ка, какие меж людишек брожения начнутся...

Он был абсолютно прав. Крыть нечем. Последствия такой войны для Лукошкинского государства сравнимы только с ядерной катастрофой. Я уж не говорю о глобальном нарушении экологического баланса. Как же мне все это не нравится...

– Ваши предложения?

– Давай мировую, Никита Иванович. Пока общего врага не одолеем – друг другу не вредить ни словом ни делом. Я сам в эту свару лезть не могу, мне за мои грехи в Лукошкино и нос сунуть невозможно. Отец Кондрат так проклянет – неделю отплевываться буду. Твое это ведомство – тебе и бой принимать. Я же со своей стороны обещаюсь ни одного беса исподтишка к границам русским на дух не подпускать. Пусть Вельзевул хоть горло сорвет вызываячи, у меня через кордон и вша на собаке не проскочит.

– По рукам. Я готов от лица лукошкинской милиции принять условия мирного партнерства на время ведения общих боевых действий. Что

должен сделать я?

– Останови мессу, участковый! Не дай немцу вызвать проклятого Повелителя мух. Сумеешь – честь тебе и хвала, а уж коли нет... Так тут мы с тобой навек и прощаемся.

– В храме дежурит наш человек... тьфу! В смысле – наш кот. Стрельцы готовы захватить всех, кто придет на обряд вызывания. Всех подозрительных арестовывают, мы получаем информацию с перебоями, но применять методы инквизиции...

– Что ж ты сразу не сказал? – резво встал царь Кощей. – В этом простеньком деле я тебе от души помогу. Вот здесь, в мешочке, порошок особый – безвкусный, безвредный, а кто его хотя бы понюхает, тотчас только правду говорить и будет. Для твоей милиции – вещь первостатейно важная.

– Хм... большое спасибо. Думаю, и вправду пригодится. Не возражаете, если я перед применением проконсультируюсь у специалистов? Мало ли чего...

– Не доверяешь ты мне, Никита Иванович...

– Есть немного, – согласился я.

– Ладно, показывай. Яге, что ли, понесешь? Неси, она бабка умная, сразу добро даст.

– Значит, договорились. Если других вопросов нет, я бы предпочел откланяться. Сегодня действительно такой напряженный день...

– Эх, – Кощей вновь широко улыбнулся, приподнимая забрало на лоб, – придется отпустить. А ведь как все удачно складывалось – сам пришел, сел, вот так взять бы, да и скушать! Ну, была не была, я слово дал, я и взял. Не могу, не удержусь, сыскной воевода...

– Ку! – угрожающе начал Митька, вызываяще делая шаг вперед. – Ка!

– Все, все, все... пошутил! А я пошутил, пошутил, люли-люли, тра-та-та, вышла кошка за кота! Уйми ты сотрудника своего окаянного, не ровен час, весь дворец мне развалит!

– Так вы бы не провоцировали. С милицией, знаете ли, шутки плохи, – наставительно отметил я.

Встал, надел фуражку, козырнул на прощанье и развернулся к выходу. Верный петух бодро маршировал рядом. Царь Кощей скрипел зубами, но задерживать нас не решался. В общем, до нашей ступы мы добрались без малейших проблем.

– Домой?

– Домой, Митя.

Мы плавно взмыли вверх и направились в сторону Лукошкина. В услугах черного ворона необходимости больше не было, я старался как можно лучше запомнить дорогу и теперь уверенно вел ступу по отмеченным ориентирам: одиноким горам, излучинам рек, степным проплешинам, болотам и особенно высоким деревьям. Петух, вольготно развалившись на дне ступы, самодовольно обмахивался крылом и приставал ко мне с расспросами:

– Что-то не совсем я его понял, воевода-батюшка. Какая же ему, злодею беспросветному, выгода нашей милиции помогать?

– Он сокращает число возможных конкурентов. Видишь ли, все преступники, как правило, делят «сферы влияния». Это облегчает процесс контроля над коммерческими структурами и создает у населения иллюзию устойчивой, стабильной власти. Многие даже обращаются к преступникам за помощью, наивно полагая, что раз они так уверенно ведут жизнь вне закона, то никакие законы над ними не властны, а значит, они – сильнее. Иногда бандиты действительно оказывают определенную услугу, за соответствующую плату разумеется. Но в большинстве случаев все заканчивается весьма плачевно для заказчика, его ставят на «счетчик» и шантажируют до полного разорения.

– Хм... это, похоже, как если бы для изгнания мелкого беса призывали более крупного, – рассудительно кивнул Митяй. – Божьим именем надо пользоваться, сиречь законоисполнительными органами, верно? А только раз мы все это знаем, зачем же нам Кощея-то от забот избавлять?

– Вся проблема в том, что на этот раз беда у нас общая. Я не могу допустить развязывания магической войны местной и приезжей нечисти на территории моего участка. Вот разберемся с этим Повелителем мух, тогда и займемся вплотную самим Кошчем.

– А пока, стало быть, мы союзники?

– В общем, да... Хотя мне очень не понравилось, как он с нами прощался. Я бы даже не удивился какой-нибудь тихой подлости нам вслед.

Митька заворочался, выбрался наверх и взял на себя обзор тыла.

– Вроде тихо, Никита Иванович, погони нет.

– Это уже приятно... Смотри там в оба.

– Слушаюсь, воевода-батюшка!

Я установил помело на высокий холм с кривой сосной, чернеющей на горизонте, и погрузился в серьезные размышления. После разговора с Кошчем Бессмертным почти все встало на свои места. Дело выглядело вполне логичным, резные плитки преступной мозаики встали на свои места. Единственное, что оставалось непонятным, так это исчезновение

немецкого посла.

Итак, если следовать по порядку, то рассказ выходил таким... В связи с гиперактивностью европейской инквизиции (а возможно, и в противовес ей) некие темные силы решили переселиться в более спокойные русские земли. Руководит проектом эмиграции один из верховных демонов ада, гражданин Вельзевул, по прозвищу Повелитель мух. Он управляет маленьким немецким пастором, который убежден, что именно ему выпала честь избавить темный русский народ от засилья чертей, водяных, домовых и леших. Для этой цели он должен выбрать храм, оформить его в соответствующих традициях и провести обряд черной мессы. Вызванный таким образом Вельзевул активно возьмется за уничтожение лукошкинской нечисти. Немецкий священник почувствует себя героем дня и будет наивно ждать исхода битвы, в полной уверенности, что, как только Повелитель мух победит, он легко упрячет его обратно в ад. Ну а благодарные северные варвары вознесут ему бурную хвалу, признают Папой и всем миром резво перебросятся в католичество. Вот только мнение самого Вельзевула почему-то не берется в расчет...

Значит, первоначально пастор Швабс тихо скупал у местных купцов черную ткань и кожу. Когда, по вине Шмулинсона, он упустил крупную партию товара, репоголовый немец стал молиться своему демону, и тот украл ткань. Никаких следов взлома мы обнаружить не смогли, их и не было. Почувствовав серьезную угрозу в лице сотрудников нашей милиции, пастор как-то сумел привлечь на свою сторону разношерстную охрану посла, так что те незаметно стали подчиняться именно ему, а не своему прямому начальству. Справедливо видя в нас главных противников своих «высоких промыслов», гражданин Швабс встал на стезю неприкрытой преступности. Не понимая, кто толкает его на противозаконные поступки, он планирует одно покушение за другим. В своей «праведной» слепоте он и не заметил, как стал послушным орудием чужой воли...

Что же теперь? Если честно, то я и близко не представлял, как можно силами одного милицейского отделения остановить зарвавшегося демона с целым легионом бесов. Видимо, придется обращаться за консультацией к отцу Кондрату, у него должен быть опыт в таких делах.

Загнать Вельзевула в ад я точно не сумею, экзорсизму и прочим тонкостям в школе милиции не обучают. Единственное, что мы реально могли бы сделать, так это не дать состояться черной мессе. Пусть они еще помучаются, выискивая подходящее место.

Но вот почему был похищен посол? Это стало у меня уже какой-то навязчивой идеей. В его исчезновении не было логического смысла. Если

сам захотел сбежать, то мог бы совершенно бесппроблемно отъехать «по срочному вызову», официально, не поднимая по этому поводу ни малейшего шума. Если пастор Швабс намеревался от него избавиться, то мог бы просто приказать убить. Теперь же стрельцы вторые сутки прочесывают город. Кому выгодна такая суматоха? По моему скромному разумению, подобные вещи надо устраивать, привлекая как можно меньше общественного внимания, а здесь все наоборот...

– Никита Иваныч, ку-ка-ре-ку-у-у!!!

– Что? – не сразу повернулся я.

– Дык... погоня!

Что и следовало ожидать... Я ведь чувствовал, так легко мы не уйдем. Кощей Бессмертный является порочным негодяем по самой своей натуре и просто не способен честно соблюдать условия партнерского договора. Он обязан был сделать какую-нибудь гадость. За нами бесшумно летели шесть огромных птиц. Размах крыльев впечатлял, они уверенно догоняли ступу, хотя я и пробовал увеличить скорость, как учила Баба Яга. Митька напряженно откашливался, прочищая горло, похоже, он надеялся разогнать врага неотразимым кукареканьем. Погоня приближалась, сначала я думал, что это орлы, но при более близком рассмотрении птицы оказались совами. Правда, очень большими и с неестественно красным сиянием пустых глазниц.

– Ку-ка-ре-ку!!! – грозно заорал мой младший сотрудник, вкладывая в крик всю душу.

Ничего не произошло.

– Может, надо подождать, пока подлетят поближе?

– Митя, еще минута, и они тебе с налету гребешок на затылок развернут! Кукарекай, пока не поздно.

– Ку-ка... ой! Они не падают! Матерь Пресвятая Богородица, спаси и помилуй меня, грешного... – И храбрый петух мигом скрылся на дне ступы.

Я стиснул зубы, приготовившись к худшему. Мысли были холодными, короткими и деловыми. Главное – не дать напасть на себя всем одновременно, навалятся со всех сторон и заклюют. По счастью, совы летели не сомкнутым штурмовым строем...

Первую я сшиб размашистым ударом помела, одновременно опуская ступу в глубокий штопор. Слабостью вестибулярного аппарата мне страдать не доводилось, и оглушенная сова мешком рухнула вниз. Я вел неравное сражение по всем писанным и неписанным законам воздушного боя.

Нападающие превосходили меня числом и маневренностью, ступа напоминала тяжелый танк, атакуемый вертлявыми мотоциклистами. С плеча сорвали погон, ремешок фуражки пришлось закусить зубами, но зато почти каждый мой удар находил цель и ряды врага уменьшились вдвое. Еще одна сова, не успев избежать нашего очередного финта, намертво завязла когтями и клювом в мореном дереве ступы. Представляете их силу и остроту? А двое оставшихся благодушно прекратили атаки и, развернувшись, плавно ушли за горизонт. Отдышавшись, я направил помело в сторону родного Лукошкина.

Пару минут спустя со дна ступы раздалось подозрительное бульканье. На свет божий показалась болтающаяся Митькина голова. Могут ли куры бледнеть? Не знаю, но этот петух был именно бледный, с прозеленью, иначе не скажешь...

– По-можите... ик! Плохо мне...

– Что, укачало?

– А-а-а... – Петух безвольно свесил головку за борт, по-моему, его стошнило. – По-помираю...

– Не волнуйся, это пройдет, – уверенно утешил я. – От «морской болезни» еще никто не умирал, а для работника милиции она просто неприлична.

– Пр-стите за... за все... не поминайте лихом... ик!

– Ты бы потренировался, что ли... На качелях-каруселях почаще бывать надо, еще разные там стариковские кресла-качалки очень помогают.

– Вот и-ик! Смерть моя... пришла...

– А знаешь, в моем мире ученые придумали массу лекарств от укачивания. Таблетки разные, говорят, еще крепкий табак помогает, лимон... Только его без сахара сосать надо.

– Да что ж... ик! У вас ни капли жалости ко мне нету?! – взвыл наконец раздосадованный Митька. – Я тут страдаю безвинно, с жизнью навек прощаюсь, а вы все о каких-то фруктах... Что за жизнь, все кому не лень сироту обижают...

– Не прибедняйся, у кого мама в деревне?

– Так ведь только мамонька родная и есть, – жалостливо всхлипнул петух, обхватив голову крыльями и пуская слезу, которая побежала вдоль клюва и повисла на кончике блестящим хрусталиком. – А батюшки родного давно нет на свете белом... спит в земле сырой, кормилец наш... один я у мамки остался, ни сестренки, ни братишки...

– Да, не повезло, – задумчиво признал я. – Один у мамы сын, и тот – милиционер...

– Вы к чему это, Никита Иванович?

– Так... глупая шутка из моего времени. Ну, вроде бы все... Ты оклемался?

– Не берет меня смерть, – грустно кивнул Митька. – Видать, грешен я, придется еще на земле помучиться.

– Ничего, вон, посмотри... Видишь там, на горизонте белую полосу с позолотой? Это лукошкинские колокольни, скоро будем дома.

– Вот и ладушки. А пока не прилетели, позвольте вопросик один полюбопытствовать? Спасибочки... Вот когда вы с Кощеем за переговоры сели, он как-то странно обмолвился, дескать, вертухаям да петухам рядом с вами не стоять... Это что ж он имел в виду? Чем ему, злодею, петухи-то не угодили?

– А-м... как бы... Вот этого, Митя, тебе бы лучше не знать, – почему-то смутился я.

– Ну, Никита Иваныч, ну пожалуйста! Ну растолкуйте, Христа ради, мне, необразованному, эту премудрость милицейскую. Не ровен час, по службе понадобится. Кто спросит, а я не знаю... Срамота! Уж сделайте такую милость, расскажите...

Я глубоко вздохнул, прикрыл глаза и как можно доходчивее, самыми простыми русскими словами, буквально на пальцах, объяснил младшему товарищу, кого на «зоне» называют «петухами», за что, чем они там занимаются. К концу рассказа Митька окосел! Он впал в полный столбняк, гребешок на голове встал дыбом, нижняя половинка клюва отвисла аж до груди, а круглые глаза увеличились до размеров царского пятака. Бедный петух молчал почти полчаса, с ужасом переваривая нанесенные ему оскорбления. Только когда мы уже сворачивали на наш двор, он неожиданно встряхнулся и страстно бросился ко мне:

– Воевода-батюшка, поворачиваем назад!

– Зачем?

– Поворачиваем! Я ему, гаду... Я ему за такие слова прямо в глаз... кукарекну!!!

На дворе отделения было подозрительно тихо. Нас встретили два стрельца под руководством Еремеева. По одному виду ясно, что в городе очередная трагедия. И, судя по их убитым мордам, трагедия глобальная...

– Не тяни, Фома, говори прямо, кого убили.

– Никого... – пряча глаза, пробурчал он.

– Час от часу не легче. – Я спрыгнул со ступы, шлепком отправив Митьку погулять с курами. – Что же тут такого страшного случилось?

– Да уж... случилось. Ягу твою мы... того... арестовали.

– Что?! – У меня, наверное, ноги подогнулись. – Кого вы арестовали?

– Да бабку же твою... – огорченно развел руками старший стрелец. – Тут такое было... В обед выбегает она из дому, орет невесть что на всю улицу и ложкой деревянной размахивает, ровно ударить кого хочет... Ну, думаем, все, ополоумела старуха! Глядим, так и есть – бьет ложкой своей по кустам да заборам, на месте крутится, ногами топает и ругается... хоть уши затыкай! А потом как развернется, подпрыгнет да как побежит... И куда бы ты думал? На соседнюю улицу, прямиком в мужскую баню!

– Ох... – Я схватился за сердце.

– Мы – за ней! – все более воодушевлялся своим рассказом Еремеев. – А из бани уже мужики голые выпрыгивать стали, шум, крик, суматоха! Внутри Баба Яга, вся в мыле на полу ползает, вроде как кого ложкой своей лупит... Ну, пока мы на нее кафтан стрелецкий накинули, пока в охапку сгребли, пока народ успокоили... Так в порубе и сидит...

– Боже мой, ни на минуту оставить нельзя, – тихо простонал я.

– Уж ты не серчай, сыскной воевода... зла мы ей не хотели, обращались со всевозможной вежливостью. А только сами к порубу не пойдем... Ежели она и в самом деле свихнулась, так и превратит не глядя в зверушку какую...

Я молча отодвинул его в сторону и пошел за бабкой. Дверь в поруб была заложена здоровенным поленом. Отшвырнув его в сторону, я шагнул вниз.

– Это ты, Никитушка? – глухо раздалось из самого темного угла.

– Я, бабушка Яга. Зря вы тут сели, сыро ведь и холодно. Помните, как вы на прошлой неделе на радикулит жаловались? Пойдемте наверх, стрельцов я отослал на всякий случай...

– Правильно, от греха подальше, – кивнула Яга, цепляя меня под локоток. – Ниче, ниче, Никитушка, не волнуйся за меня, я тут в порубе уже поостыла маленько... А ведь хотела их, охальников, всех в зайцев превратить, подчистую! Всю сотню еремеевскую! Впредь была бы наука, как мешать работнику милиции во время выполнения ответственного задания.

– Давайте-ка пойдем в терем, там за столом и расскажем.

Накрывал я сам, Митька было сунулся в сени, но Яга пихнула его лаптем:

– Не приставай, потом расколдую. Сходи вон курам своими подвигами похвастайся. Они слушать любят... Разогреть самовар, расставить чашки да положить на скатерть блюдо со сдобой – дело нехитрое...

Стрельцы благоразумно не показывались в секторе оконного обзора. Бабка отошла примерно к третьей чашке, начав страстный монолог в стиле гангстерского боевика:

– Все тихо было. Проблем дорожно-транспортных – никаких, драк да действий хулиганских – не замечено, с жалобами народ не являлся, ворье всякое стыд и меру знало, отчего ж не работать при такой-то жизни? Тут бы и я, старуха болезная, одна за всем порядком уследила. А вот недосмотрела только... Кота-то своего верного, Васеньку моего благородного, я ведь на подворье немецкое отправила! По приказу твоему с кошками ихними о слежке за мессой этой проклятущей договариваться. Сама в уголочке сижу, над носками тружусь. Вдруг – глядь, из дверей на подоконник ровно крыса какая пестрая бросилась. Да в окно, да в лопухи, да через весь двор – к воротам... Куры бедные так врассыпную и кинулись!

– Шмулинсон, – догадался я.

– Он самый, злодей! – хлопнула ватрушкой по столу разгорячившаяся бабка. – Стал, подлец, у забора, нашел щелочку да кулаком мне погрозил. Ну, я встала, схватила что под руку попало, да и за ним. А ить, он, пакостник мелкий, не дурак будет... все по кустам да репейникам лазил! Ему, по причине малорослости, так сподручнее, а мне-то, в мои годы, куда по колючкам подол трепать? Разозлилась я!

– Все ясно, прячась за растениями, он дунул по центральной улице и решил, что в бане уж точно от вас спрячется.

– И спрятался бы! Нешто у меня совсем мозгов нет, в мужскую баню лезть?! Чего я там не видала... А только у дверей обернулся же, паскудник, да на всю улицу обхамил меня антисемиткой. Тут уж я и не сдержалась...

– Так и не поймали, – посочувствовал я, подливая ей чаю.

– Нет, убег, – вздохнула Яга. – Шайкой я в него швырнула, да промазала! Но кипятком крутым обварила его здорово...

– Сейчас он, видимо, уже дома. Можно было бы послать стрельцов, но при таком росте этот сионский гробовщик свободно спрячется под мышкой у жены. Ладно, захочет, чтоб превратили обратно, – сам прибежит.

– Никитушка, а ты ему штраф за обзывание выпишешь? Рази ж можно так пожилую женщину при честном народе грязью поливать?!

– Вообще-то это не очень страшное слово, – улыбнулся я. – Антисемитами называют тех, кто не любит евреев. Вот вы их любите?

– Откель же мне знать? – приподняла бровь бабка. – Ко мне в избушку ихние королевичи отродясь не захаживали. Люблю ли? Так ведь это как приготовить, попробовать надо...

В свою очередь рассказав о визите к Кощею, я отдал ей порошок для экспертизы и сел за докладную царю. Особенно хвастать было нечем, но, с другой стороны, когда знаешь, с кем именно борешься, – это уже полдела. К Гороху я сегодня идти не намеревался, пусть Яга вернет Митьку в облик человеческий, он мой отчет и доставит. Хуже всего была полная неизвестность в сроках и датах. Прощенный Еремеев был допущен бабкой пред мои очи и сообщил, что в поисках посла просвета нет, ровно сквозь землю провалился. Из всего подозрительного мог отметить лишь визит злосчастного иконописца Саввы Новичкова в немецкую слободу.

– Зачем ходил, не уточняли?

– Как же, сразу на выходе и сгребли молодца... Спросили чество, че, мол, делал? Говорит, будто пастор немецкий в себя пришел да работу ему посулил.

– Какую работу? По специальности?

– Нет, по ремеслу, – пояснил старшина, – иконописную. Вроде храм какой-то расписать надобно.

– Очень хорошо. – Я сделал пометку в блокноте. – Узнайте, где остановился этот господин оформитель, и ведите постоянные наблюдения. Напомните мне, в каком храме служит отец Кондрат, нам надо побеседовать.

– В соборе Святого Ивана Воина, – уверенно ответил Еремеев. – Мы с ребятами тоже в ту сторону идем, проводим.

В общем, раздав всем соответствующие указания, я выдвинулся в район северных ворот. Храм Ивана Воина мне очень нравился, он был какой-то особенно ухоженный внешне и невероятно уютный внутри. Как вы уже поняли, религиозным человеком я не являюсь. Впрочем, и атеистом тоже. В смысле, истиной веры в душе нет, но, живя здесь и постоянно сталкиваясь с проявлениями нечистой силы, было бы глупо отрицать наличие и светлой. Так что Бог есть, в этом я убежден. Вот как связать такую убежденность с редкими визитами в церковь, внутренним неприятием религиозных ритуалов и всем прочим, что делает из человека настоящего христианина... А... на эту тему надо серьезно говорить со священниками, но отца Кондрата я хотел видеть совсем по другому поводу. Он оказался не занят, несколько подозрительно пригласил меня войти внутрь. Мы уселись в каком-то теплом помещении за алтарем. Дурманно пахло ладаном и воском, я решил не отвлекаться и сразу перешел к главному:

– Мне нужна консультация профессионала, вы не подскажете, кто такой Вельзевул?

– Повелитель мух? – скривился батюшка, едва сдерживаясь, чтоб не плюнуть от омерзения. – Один из верховных демонов ада, бес очень известный, силы немереной и честолубив до крайностей. Те, кто вызывает его, редко остаются живы, ибо свиреп он и коварен зело. К почитателям своим в образине мухи огромной является. Только тебе-то все это к чему, сыскной воевода?

– Есть серьезные основания предполагать, что некие граждане намерены совершить у нас в Лукошкине обряд его вызывания. Якобы с благими целями – для уничтожения местной нечистой силы. Лично у меня, да и не у меня одного, вызывает опасения сам факт возможности управления таким существом. Это вообще возможно?

– Нет, сын мой. Разве уж человек тот совсем святым отшельником будет, да и то – веры его хватит лишь Вельзевула назад в ад вернуть. А чтоб хозяином ему быть... такое никому не по силам. Демона только с цепи спусти, он уже себя покажет...

– Скажите, а вот если такое все же случится, смогут ваши священники, объединившись, какими-то специальными молитвами исправить положение?

– Не ведаю, – честно покивал бородой отец Кондрат, – хотелось бы верить, но ведь все в руках Божьих. Ежели придется – всех под священные хоругви подниму, а уж сумеем ли, нет ли... Тут не обессудь, участковый, мы своих сил не знаем.

– Но я могу рассчитывать на вашу помощь?

– Знамо дело, милиции родной завсегда помочь готовы. Хоть сегодня прикажу по всем церквам охранные службы служить...

– Спасибо, почему бы и нет? – Я встал, поблагодарил за содержательную беседу и двинулся к выходу: – Итак, если что-то серьезное, мы тут же ставим вас в известность.

– Не сомневайся, сыскной воевода, супротив Вельзевула незаконного мы все, как один, восстанем! Да только скажи, какой христопродавец здесь его вызывать удумал?!

– Сожалею... эти сведения пока остаются секретными в интересах следствия.

Отцу Кондрату это не понравилось. Но я не мог поступить иначе, только не хватало, чтоб он оповестил весь город о планах «немецких католиков» и возбужденная православным гневом толпа начисто смела всю слободу. Нет уж, я читал, на что способны религиозные фанатики... Уже на улице, где меня ожидал постоянный эскорт из двух рослых стрельцов, подошли еще двое. Оказывается, появились первые сведения об

исчезнувшем после. Вроде бы сразу за городом, у реки, что-то обнаружили. Я отправил одного стрельца на поиски Еремеева, а сам с остальными пошел на указанное место. Получасом позже мы были на месте. Река здесь делала крутой поворот, берег был низким, обрывистым и заросшим старыми ивами. Действительно, у их корней, уходящих в воду, виднелись какие-то обрывки ткани. Стрельцы, поддерживая друг друга, умудрились вытащить эту улику – оторванный рукав от посольского камзола! Кто-то пытался упрятать концы в воду...

– Берегись, сыскной воевода! – неожиданно заорал ближайший стрелец, толкая меня в плечо.

Раздался выстрел! Пуля свистнула у самого уха...

Из-за прибрежных кустов вышло четверо негодяев в немецком платье. Все были вооружены короткими ножами, а у самого последнего дымился ствол пищаля. Никто не задавал никаких вопросов, четверо на четверо, силы почти равны. Почти, потому что я не был вооружен, но из ворот уже бежал сотник Еремеев с товарищами. Нужно было продержаться не больше пяти минут...

Как там сцепились остальные – не знаю, лично я буквально был сбит с ног мощным броском своего противника и вместе с ним рухнул с берега в воду, подняв тучу брызг.

Он был гораздо сильнее и тяжелее... Подводным течением нас быстро несло в сторону, борьба в воде вообще очень проблематична: ни размахнуться толком, ни ударить. Противник попросту ломал мне ребра, обхватив поперек обеими руками. Я безрезультатно пытался сдавить ему горло, но воздуха не хватало, одежда тянула на дно. В полном безумии я как-то ухитрился выскользнуть из смертельных объятий, однако немец, тоже почти задохнувшийся, мертвой хваткой вцепился в мой китель. Легкие разрывало! Последнее, что я запомнил, – это синие и зеленые полосы перед глазами. Мне они что-то напомнили...

«...Оставайся с нами... Ты устал, ты так невероятно устал... Мир жесток, его невозможно исправить, как бы ты ни старался, зло никогда его не покинет. Там пыльно и жарко, там пот и кровь орошают землю, любой шаг превращается в борьбу за право жить... Оставайся с нами, отдохни от вечного бега за своей неустроенной судьбой. Отдохни от друзей и врагов, от шума и дел, от службы и суеты. Позволь нам снять с твоих плеч усталость, ни о чем не думай, не беспокойся, не страдай. Мы уложим тебя на мягкие водоросли, мы окружим тебя лаской и прохладой, наши руки навсегда утешат тебя, наши поцелуи...»

– Эй, участковый! – Кто-то сильно ударил меня чем-то мокрым в лоб. –

А ну, вставай! Разлегся тут...

Я с трудом разлепил глаза. Речка, отмель, лежу на старой, выбеленной коряге, недалеко мостик, тот самый, у которого я знакомился с русалками. Излучина речки Смородины, вот, значит, куда меня вынесло... А кто же тут?

– Да здесь я, здесь! Озирается еще... Слева, под корягой, на солнце в такую жару лезть неохота.

Я глянул вниз: действительно, из-под коряги на меня смотрели мутно-зеленые глаза, лягушачий рот кривился в знакомой улыбке, а с усов и белой бороды стекали мелкие капельки.

– В-водяной, если не ошибаюсь?

– Не ошибаешься, участковый, он самый и есть, – подмигнула голова. – Что ж это ты, друг любезный, делаешь? Тебя в Лукошкино зачем поставили? Порядок охранять! А ты тут чем занимаешься? Моих русалочек невинных соблазняешь...

– Простите великодушно, я... – Мне удалось прийти в себя и после второй попытки сесть. – Я совсем ничего... почти ничего не помню. Там... была драка на берегу, мы упали в воду. Наверно, я утонул?

– Конечно, утонул, – бодро подтвердил водяной, подавая мне фуражку. – Девоньки тебя уж почти готовенького на бережок вынесли, а там и я подоспел. Думаешь, мне очень надо речку милицией загрязнять?

– Вы... о чем это?

– О том, что у меня и без тебя мусора хватает... Шел бы ты домой, участковый, да делом занялся. Даром мы с лучшим тебя уму-разуму учили? Не ровен час, немцы эти мессу свою проведут... Вот и кончится наша спокойная жизнь.

– Да, конечно... – попытался встать я, но соскользнул, по пояс рухнув в воду. – Ой, извините, пожалуйста!

– Извиняю, – великодушно кивнул водяной, оттирая с лица брызги. – Беги давай, там тебя уж обыскались небось...

– Спасибо. И... я хотел бы поблагодарить Уну и Дину, вы передайте им...

– Передам! Мотай отсюда, я тебе говорю! Вот ведь напасть, как заведешь молоденьких русалок, так все подряд и липнут...

Я выбрался на берег, вылил воду из ботинок и широким шагом направился по тропинке в город. Уже на холме, обернувшись, я заметил две девичьи головки – русалки стояли по горло в воде в тени старой ивы и прощально махали мне вслед. Надо будет обязательно вернуться, принести бутылку водки старому хрычу, конфет и пряников девочкам, ну и бусы какие-

нибудь в подарок. Так сказать, за спасение утопающего...

Стрелецкий разъезд перехватил меня уже у мельницы. Мужики были страшно рады видеть мое благородие насквозь мокрым, но живым. У Фомы хватило мозгов отправить еще два таких наряда вниз по реке, в надежде выловить мое тело. Оказывается, мы угодили в специально подготовленную ловушку. Немецкие телохранители ждали именно меня, кроме посольского рукава в реке больше ничего не оказалось, так что поиски Кнута Гамсуновича по-прежнему продолжаются. Двое стрельцов получили пулевые ранения. Тот охранник, что боролся со мной, был найден утонувшим, еще один был убит в общей схватке, двое уцелевших доставлены в отделение. Яга, выслушав доклад о моей гибели, едва не бросилась на стрельцов с кулаками. Потом опомнилась, быстро поворожила на воде и сказала, что я жив, чтоб сей же час шли искать и чтоб без сыскного воеводы не возвращались. Ну, здесь все складывалось хорошо...

Митька, уже успевший вернуться от царя, ждал нас еще в воротах. Все соседи были тут как тут...

– Живой! Живого ведут!

– Славен Господь на небесах, и чудны его деяния...

– Участкового из речки за шнуры выловили! Говорят, враги на него покушались...

– Ох ты ж, да кому ж он так неугоден, защитник наш?!

– Да мало ли ворья беззаконного по земле ходит... А Никита Иванович никому спуска не дает! Ни купцам, ни боярам, а наемники и вовсе всех священников заарестовал! За что, за что... Значит, было за что!

– Ой, гляньте-ка, да ведь он мокрый весь...

– Знамо дело, дура... его ж из реки выловили, а не с бельевой веревки сняли.

– Совсем замаялся, сердешный наш... А, доброго здоровьичка, Никита Иванович! Не, не... мой больше не пьет! Спасибо за про...фи... фили... сифили...

– Да не лезь ты к коням под ноги, бедная скотина от твоей рожи аж шарахнулась! Вон у сыскного воеводы фуражечка на ухо съехала... Может, подмогнуть чем, батюшка?

Когда ворота захлопнулись, я облегченно вздохнул. Народ здесь простой, душевный и общительный, как увидят – здороваться лезут, разговоры заводят, мнениями обмениваются. Я, к сожалению, пока так и не выучился свободно разговаривать с людьми. Нужно иметь быстрый ум и хорошо подвешенный язык, а то тебе из толпы такого наговорят – всю

жизнь с красными ушами ходить будешь...

Яга моему возвращению не удивилась, глянула мельком и вновь повернулась к столу, на котором были расставлены разные мисочки и пузырьки.

Я понимающе кивнул, прошел к себе в комнату и переоделся в домашнее. Форму еще нужно было приводить в порядок, хотя она на мне, конечно, слегка подсохла, но мятая была до невозможности и на погоны налипли листики водорослей. Пусть повисит, а бабка освободится и быстренько сделает все, что надо.

– Есть будешь?

– Нет, спасибо... Как идет экспертиза?

– Уж и не знаю, что сказать... Либо я стара стала и подвоха Кощеева не вижу, либо он, злодей, и впрямь стоящую вещь подсунул. Надо бы по уму испытать на ком...

– Я могу попробовать.

– Тебе нельзя, да и мне тоже. Если мы с тобой на любой вопрос только правду резать будем, то как же секретность в следствии соблюсти?

– А Митька?

– Ему тем более... Он и без порошка все что хошь разболтает, лишь бы слушали. Нужен человек пришлый, к отделению отношения не имеющий.

– А как это хоть готовится? – полюбопытствовал я.

– Да проще пареной репы. Одну ложку на цельный самовар, что в горячем виде, что в холодном. Как выпьешь, с полчаса погоди, пока действовать начнет. А уж потом, как приспееет, – хоть рот зажимай, все равно все самое сокровенное растреплешь.

– Никита Иваныч, гости к вам, – раздался из сеней Митькин голос. – Прикажете пропустить?

– Да, – громко ответил я.

В горницу, сумрачно озираясь, вошел думный дьяк Филимон, известный скандалист и прощелыга. Начал он, как всегда, без предисловий, с прямолинейного хамства:

– Где тебя черти носят, сыскной воевода?! Я те что, малец босоногий, по всему Лукошкину за светлостью твоей участковой пятки мозолить? У меня ноги не казенные!

Я было приподнялся, но Филимон не дал мне и рта раскрыть:

– Что ж ты, участковый, порядку не знаешь? Всю бухгалтерию мне нарушаешь... Ты когда должен жалованье свое получать? Третьего дня! Али совесть не позволяет брать деньги незаработанные? Так у меня из-за

совести твоей баланс посейчас не сведен!

– А не откушаешь ли чайку с дороги? – неожиданно вмешалась Баба Яга, с подозрительным гостеприимством выставляя на стол большой поднос с ватрушками. Всю свою «химлабораторию» она незаметно сдвинула в угол. – Вот у меня и печево свежее, и самовар только вскипел, и вареньица разного достану...

– Благодарствуем, конечно... да только временем особым не располагаем. Из-за таких вот... Не приходят вовремя, а я за ними бегай!

– Вот и присядь на минуточку, отдышись, я те быстренько чашечку спроворю...

– Побольше! – сурово попросил дьяк, позволяя усадить себя на лавку. – И сахарку, уж не поскупитесь...

Я деликатно помалкивал, догадываясь, что затеяла Яга.

– Что нового на дворе царском слышно?

– Да как вам сказать, бабуленька... Государь наш в гневе, на милицию вашу сердает. Дескать, посла немецкого не уберегли, а у него теперь международная обстановка разваливается. Опять же квартирант ваш жалованье свое забрать ленится... Ну и молодежь пошла... Я, бывало, в его годы каждому грошику медному радовался, за каждой копеечкой бегал, каждому пятаку в пояс кланялся, работы не стыдился... Вы бы уж присмотрели тут, а то ведь, не ровен час, турнет государь вашего участкового за такую свинскую непочтительность.

– Присмотрю, присмотрю, а как же... – в тон пропела Яга. – Вы чай-то выпили?

– Да... – шумно выдохнул дьяк и потянулся к ватрушке, но бабка резко шлепнула его ложкой по пальцам. – Ау! Больно же...

– Раз чай выпил, давай выметайся отсель!

– Чего?!!

– Того! Хватит тут грубиянничать, иди себе подобру-поздорову.

От такой невероятной смены настроения бедный дьяк едва не сполз на пол. Когда же он наконец вылез из-за стола и, поджав губы, широким шагом двинулся на выход, Яга быстро остановила его, рывкнув вслед:

– Куда пошел?! А деньги?

– В приказе получит, в следующем месяце, – попытался свредничать Филимон, но моя хозяйка сдвинула брови и выпустила из ноздрей оранжевую струйку пара.

Дьяк побледнел, сунул руку за пазуху и быстренько выложил на стол новенькие червонцы.

– Еще раз задумаешь на милицию гавкать – попомни, мы тоже

кусаться умеем. – На прощанье Баба Яга изобразила широкую улыбку, продемонстрировав бюрократу кривые желтые клыки.

Из терема Филимон вылетел, думаю, он вплоть до самого дома бежал не оглядываясь.

– Зря вы с ним так...

– Заслужил, – огрызнулась Яга.

– Да я не об этом. Вы ведь ему порошок подмешали, время не вышло, как мы узнаем, что через полчаса он будет говорить только правду?

– Ну... увлеклась! Довел он меня упреками своими. Давай на ком другом еще попробуем.

– Так у нас же немецкие охранники в порубе! – вовремя вспомнил я, но Яга охладила мой пыл:

– Нет их там, в царскую тюрьму я их отправила. Допросила сперва, конечно, да только не знают они, где посол. Не врут, вправду не знают. Их дело было – тебя погубить, так им пастор слободской приказал. Я ж насквозь вижу, когда кто врет. Че их в порубе держать, может, он для дела понадобится...

В дверь снова забарабанили. Митька, дежуривший в сенях, доложил, что заявились стрельцы. Привели с собой незадачливого иконописца. Он под вечер направился на немецкое подворье, но парни решили перед этим завести его к нам, в том смысле, не угодно ли мне чего спросить? Я подумал и решил, что поговорить стоит. Яга поставила на стол чистую чашку, а вот использовать порошок не стала. Богомаз был человеком простодушным и вряд ли бы стал скрытничать.

Новичков задержанию не удивился и даже обрадовался случайной возможности заскочить в отделение. Вины он за собой не чувствовал, а к нам тянулся, видимо, из-за того, что мы первые, кто не костерил его самородное творчество.

– Как дела? Где устроились?

– У конюхов в торговых рядах, я лошадей люблю, – скромно отвечал художник, присаживаясь к столу. – Краски есть еще, рисую помаленечку.

– Появились заказы или так, для себя? – осторожно начал я.

Новичков не заметил подвоха и тут же пустился в доверчивый рассказ:

– Да вот недавно церковь немецкую мне под роспись предложили. Пастор ихний, Швабс, так и сказал – вот, мол, все стены твои – твори как хочешь, мы заплатим.

– Заплатили?

– Аванс дали, грех жаловаться. А на роспись только сегодня иду.

– Почему же так поздно? Дело-то к ночи. Я всегда считал, что профессиональным художникам необходимо естественное освещение.

– Оно бы конечно, – загорелся иконописец-авангардист, – но заказчик требует срочной работы, он хочет, чтоб церковь была закончена уже завтра.

Мы с Ягой тревожно переглянулись.

– Но... но это ведь нереально! Один человек не в состоянии расписать за столько времени целый храм.

– Успею... Вы меня не знаете, я как до красок дорвусь, так не ем, не пью, не сплю – кисти в руках так и бегают! Опять же мне там не живопись разводить, а в два цвета да в моей манере...

– Минуточку! – почему-то вздрогнул я. – Как это в два цвета? В какие же?

– В черный да красный, – пожал плечами Савва и взял еще плюшку.

– Но... не совсем понимаю... Конечно, я человек далекий от искусства, а в религиозных темах вообще ничего не смыслю, но неужели логично расписать храм изображениями святых, используя лишь два цвета? Ну, там белый или желтый – я бы как-то поверил, но черный и красный...

– Так им святых и не надо.

– Как это так? – не выдержала Яга, обычно бабуля предоставляет право задавать вопросы мне, а сама строго бдит за правдивостью ответчика.

– Мне сказано было ад изобразить, демонов да бесов разных. Чем страшнее, тем лучше, – на мгновение задумавшись, пояснил художник; видимо, его моральная сторона темы несколько не волновала, человек творил только ради чистого искусства.

– А мух вас не просили изобразить?

– Просили... А как вы...

– Служба такая – про всех все знать, – криво улыбнулся я. – Значит, вы говорите, что к завтрашней ночи все должно быть готово?

– Да.

– И платят хорошо?

– Десять червонцев обещано, два вперед дали.

– Угу... А позвольте полюбопытствовать, вы прямо на стенах писать будете или...

– Прямо на стенах не успею, – признался богомаз. – Это ж леса надо устанавливать, лазить по ним вверх-вниз, несподручно одному. Ткани должны были доставить черной, на полу расстелю, а уж после на стены разверну. Это и с лестницей сделать можно...

– Как же вы будете рисовать черным по черному?

– Что ж тут мудреного? Свет – красным проложу, а тени... краска-то черная только на первый взгляд одинакова, а ведь сколько оттенков у нее: сажа смоляная, кость жженная, виноградная, персиковая, гутанкарская, шахназарская, звенигородская... Это ж как технически интересно! Черным на черном, да черную душу демонизма во всем ужасе показать... Вот увидит отец Кондрат, сразу поймет мое искусство и еще небось и на работу к себе пригласит.

– Очень может быть, – сдержанно кивнул я.

Все складывалось более-менее ясно, хотя совершенно непонятно, что же, в конце концов, делать. Черная месса недалеко, возможно, ее проведут уже завтрашней ночью. К сожалению, четкого плана действий мы не выработали до сих пор...

Новичков, закончив с чаем, попрощался и ушел, я попросил стрельцов проводить его до немецкой слободы.

– Ну, что скажешь, сыскной воевода?

– Если честно, то сказать нечего.

– Будем всех арестовывать?

– Можно, но это не выход. Раз уж в деле замешаны такие темные силы, то взамен одного пастора они легко соблазнят десяток других. Необходимо не просто остановить черную мессу, а сделать так, чтобы впредь никакому Повелителю мух не взбрело в рогающую голову лезть к нам в Россию.

– Правильно мыслишь, Никитушка. Только как сделать-то? – развела руками Яга.

– Вот и у меня те же проблемы...

– Стало быть, думать будем...

Но долго думать нам не дали – едва не снеся дверь, в горницу вломились четверо стрельцов, да еще Митька держал в охапке двоих, пытаясь изобразить служебное рвение:

– Никита Иваныч, я их не пускал! Нельзя, говорю, без доклада. Их благородие с бабулей думу думают! А они, окаянные, так и прут...

– Беда, сыскной воевода! – шагнул вперед один из стрельцов.

– Царя убили? – вскинулся я.

– Хуже! Дьяк Филимон с ума сошел...

На этот раз мы отправились всем отделением. Стрельцы в минуту запрягли нашу кобылу, Митька прыгнул за вожжи, в общем, до дьякова дома добрались быстро. А уж народу там было... жители трех близлежащих улиц, половина гончарного квартала, бабы, сельские мужики, приехавшие на базар, дети с сахарными петушками на палочках, заезжие

торговцы, свободные от службы стрельцы, куча работного люду, побросавшего все дела, дабы послушать «политические откровения» Филимона Груздева. Сам дьяк влез на крышу домика и оттуда, держась за трубу, орал дурным голосом:

– А еще купцу Манишкину бумагу нечестную подписал, будто у него холстина батистовая для производства портновского дюже подходящая. Врал я! За взятку в полмешка муки да фунт сала кабаньего все воровство злодею дозволил. Грешен я! Каюсь перед всеми! Судите меня, православные!

– Ну что ж, сыворотка правды успешно действует. Как вы полагаете, долго продержится этот эффект?

– Часа два, а то и три, – задумчиво решила Баба Яга, а из толпы уже подбрасывали провокационные вопросы:

– Эй, длинногривый! А вот ты нам про бояр расскажи, правда ли, что они в царском тереме только водку жрут да девок щупают, а об судьбе Отечества никто не радеет...

– Правда! – вдохновенно вопил Филимон, осеняя себя размашистым крестом. – Вот давеча сам видел, как боярин Ржевский бабу Марфу с кухни в углу прижал. Та тока пищит, а он, распутник, сзади ее облапил и ручищами все по груди, по груди, так и возит... Словно ищет че, а че – непонятно...

– Митя, рот закрой, спустись с небес и слушай мой приказ. Учителя своего в другом месте дослушаешь...

– А? Что? Вы мне, воевода-батюшка?

– Тебе, дубина стоеросовая! – рявкнул я. – У нас в отделении пропажа – свидетель сбежал. Кучерявенький такой, с длинным носом, зовут Шмулинсон Абрам Моисеевич, ты его знаешь. Наша бабушка, в порядке программы охраны свидетелей, несколько уменьшила его рост, чтоб спрятать понадежнее, а этот неосознательный элемент взял и сбежал. Так вот, пока его куры не склевали, найди и верни. В поруб можешь не сажать, сунь за пазуху, пусть там загорает.

– Понял, Никита Иванович, а где же мне его по городу в сумерках искать?

– Думаю, в районе Шмулинсонова двора. Раз у него там жена и дети, значит, туда он и побежит. Порасспрашивай соседей, дело нехитрое, может, кто чего и видел.

– Соседи, они врать горазды, – шмыгнул носом Митяй.

– Ну не угощать же всех подряд Кощеевым порошком. Во-первых, мало его, а во-вторых, как людей уговоришь? Ладно, шутки в сторону...

Двигай давай, сориентируешься на месте. Кру-у-у-гом!

– Слушаюсь! – по-солдатски вытянулся он, сделал поворот и ушел, бормоча себе под нос: – Во-первых... во-вторых... щас сориентируюсь...

– Что делать-то, участковый? – протолкались ко мне стрельцы. – Он там уж всех бояр да князей осрамил, того и гляди, за государя возьмется.

– А царь-то наш совсем дела государственные забросил... – мгновенно донеслось с крыши. – Об женитьбе и думать не хочет, не дает народу на матушку царицу полюбоваться! Намедни я ему портретец донны Изабеллы Флорентийской как бы невзначай под нос сунул... так он меня за руку ухватил, да как нажмет, как согнет, как завернет – я ж света божьего не взвидел!

– Вяжите его, – тихо приказал я. – Двое на крышу, шестеро ловят внизу, остальным оцепить двор и деликатно попросить граждан расходиться по домам.

– А кто его, батюшку нашего, этому костоломству-то зверскому обучил?! Участковый, Никита Иванович, сыскной воевода! Мало ему воров ловить, так он еще и царя нашего в свою милицию заманивает! Уж не хочет государь в боярскую думу, хочет в опергруппу!..

На этом последнем истерическом вопле души дьяка сдернули за лапоть с крыши. Внизу ловко поймали, сунули кляп и, опутав веревками, бросили в нашу телегу. Народ немного поворчал, но большинство логично считало, что Филимон попросту сбрендил. «Вот посидит в порубе, на холодочке, ему и полегчает...» – говорили они. В общем, правильно. Если расчеты Яги верны, то завтра же бедный дьяк будет рвать на себе остатки волос, но... слово не воробей, вылетит – не поймает. Наговорил, конечно, от всего сердца. Ладно, осталось только применять это средство по уму, без суеты и расточительства, а так – вещь очень полезная.

Уже по дороге домой в мою голову забрела некая идея, нужно было срочно посоветоваться с Ягой, но сначала я поманил к себе стрельцов.

– Ребята, не напомним, у нас в Лукошкине есть какие-нибудь специалисты по настенной росписи? Ну, оформители храмов?

– Богомазы, что ли? Знамо, есть, цельная артель. На Иконной улице расположена.

– Тогда доставьте-ка ко мне их начальника. Извинитесь за поздний визит, но приведите.

– Как скажете, сыскной воевода! – Двое молодцов ушли влево по переулочку.

Яга повернулась ко мне и тихо протянула:

– Ну и хитер же ты, Никитушка...

– Но ведь вполне может сработать? – предположил я.

– Не знаю, не знаю... Это ж еще успеть надо, да Новичкова твоего предупредить, да чтоб немцы раньше времени ничего не заподозрили... А во всем прочем – план хоть куда! Вот Вельзевул-то обрадуется...

– Я еще уточню утром у отца Кондрата. Сейчас главное, чтобы артельщики не проболтались.

– Сделают дело – и в поруб их всех! – безапелляционно заявила бабка. – Ужо потом... отпустим с извинениями.

Я невольно вздохнул и призадумался, с каких же времен берут свое начало проблемы «превышения полномочий»?..

Спать легли рано, все намотались за день. Митяй пришел почти вслед за нами. Шмулинсона он не нашел, соседи его на смех подняли и по куширям лазить заставили. Дескать, только что туда измельчавшие евреи толпой бросились... Короче, похихикали над младшим сотрудником. Он им от моего имени пригрозил, за что был еще раз обсмеян задиристыми бабами.

Стрельцы привели щупленького старца с кроткими глазами и благообразной бородой. Вкратце объяснив ему, в чем дело, я получил степенное согласие и услышал такую сумму, выставленную в оплату, что едва не свалился с лавки. Выручила Яга, она сразу согласилась, оговорив, что полный расчет только по окончании работы, а до этого – скромный аванс в пять золотых червонцев. Ударили по рукам. Пусть пашут, потом с ними царь разберется... Барыги какие-то, а не свободные художники. Три шкуры с милиции драть...

Ночь прошла спокойно. Утро – тоже. Петух ко мне в комнату не входил, в голос орал за окном. Я еще с вечера принес старую тапку, подкрался к подоконнику и запустил в гада. Попал?! Надо же, попал! Петух брюквой рухнул в лопухи, только перья взлетели, выбрался оттуда, глянул на меня злобно и дернул жаловаться курицам.

Вниз к завтраку я спустился сам, не дожидаясь зова Яги. Старушка уже хлопотала у стола, готовя мне вареники со сметаной, оладьи с молоком и брусничный чай с клюквенными пирожками. Если бы ее поставили застоловой какого-нибудь захудалого санатория, то уже через год там не было бы свободных мест. Бабка готовит так, что пальчики оближешь! Сильно подозреваю, что знаменитая поваренная книга Молоховец на самом деле была написана Бабой Ягой и издана под псевдонимом.

– Никитушка...

– А?

– Да ты ешь, ешь... – Бабка уселась за стол и подперла подбородок сухонькими кулачками. – Ты кушай давай, а я тебе о делах докладывать буду.

– Есть новости? – любопытствовал я.

– Митя спозаранок в засаду бегал, Шмулинсона ловил. Вроде бы заприметил, как в евонном доме кто-то возится. Ближе подкрасться не мог, собачонка у них дюже злая. Разгавкалась на всю улицу, но Митька наш уверен, будто семейство еврейское вещи в узлы вяжет.

– Значит, Абрам Моисеевич уже дома. Что, выписать ордер на арест?

– Да ну его... не до них сейчас, поважнее дела есть. Нам ведь по совести Шмулинсон-то совсем не нужен. Это уж так, для порядка, чтоб знали, как из отделения сбегать. Бог с ним... Сегодня утром Вася мой вернулся.

– Кот? М-м... это хорошо. И какие известия?

– Вчера вечером к пастору шестеро монахов из-за границы пожаловало. Телохранители посольские не появлялись нигде, но кошки местные уверяют, что там они, в слободе, по подвалам прячутся. А вот самого посла нет как нет! И знаешь, Никитушка, версия твоя о похищении, видать, неверная. Карета посольская так за конюшней и стоит, никуда она со двора не выезжала.

– Тьфу, черт! Мы с Горохом там обыск устраивали... Как же не обратили внимания? Я же сам видел карету, но... наверно, думал, что они уже вернулись.

– А они и не выезжали вовсе. Это нам немцы с перепугу наболтали, чтоб от себя подозрения отвести. Так что ежели посол где и пропал, так только в собственной слободе.

– Значит, плохо искали, – пригорюнился я. – Сейчас, конечно, уже поздно. От трупa десять раз могли избавиться. А что же тогда искали в кабинете у посла?

– О том не ведаю, – пожала плечами Яга. – У меня все ж таки кот, а не криминалист. Что мог – выпросил, больше с него не возьмешь.

– Нет, нет, и на том спасибо. Вычтете из моего жалованья премию на покупку сметаны, наградить медалью не могу, их только служебно-розыскные собаки носят.

– Правильно, к чему ему медаль? Еще Митька заревнует. Он вон свою к мамке в деревню отправил, теперь перед девками хвастать нечем. А Васеньке моему, касатику, сметанка для здоровья полезнее. Ты сам-то что сейчас делать намерен?

– Схожу к отцу Кондрату, утрясу детали, пусть держит своих наготове.

Оттуда к царю, доложу сложившуюся обстановку, пусть даст приказ войскам оцепить слободу. Ну, а потом уж на Иконную улицу, надо взять бригаду оформителей и каким-то образом переместить их вместе с материалами в новую церковь.

– Ох! Старая я дура! – Яга хлопнула себя ладонью по лбу. – Совсем о главном запамятовала... Мессу черную сегодняшней ночью служить будут!

– Я знаю.

– Как? А... мне ж тока-тока Вася сказал...

– Бабуля, но раз Новичкову велели закончить работу к этой ночи, то и так понятно, что тянуть они не будут. Милиция на хвосте, каждый час на учете. Все свершится именно сегодня, тут и сомнений нет...

– Ладно, Никитушка, ты уж свои дела решай, а я своими займусь. Придумаем небось, как мастеров твоих в слободской храм посреди бела дня тайком доставить... Митьке-то чем заняться?

– Пусть продолжает наблюдения за Шмулинсонами. Это самое безобидное, что мы можем ему предложить, напортачить здесь трудно.

Разговор с отцом Кондратом был короткий и деловой. Батюшка сообщил, что нашел в городских храмах соответствующую литературу и вместе с церковным хором будет молиться всю ночь у ворот немецкой слободы. Случись Вельзевулу таки вырваться на свободу, они постараются Божьим именем загнать его обратно. Здесь проблем не было. Мы пожали руки и договорились о взаимовыгодном сотрудничестве. Вот с Горохом пришлось несколько туже...

– Меня с собой возьмешь!

– Ваше величество...

– Пастора ихнего я самолично арестую! Руки за спину – и в кутузку...

– Да там ровным счетом ничего интересного, – пытался договориться я, но царь был непреклонен.

– Щас как дам... скипетром по лбу за вранье... Вы, значит, там будете засаду устраивать, демона иноземного ловить, монахов заморских брать, а я тут сиди?!

– Но там опасно!

– Так ты, шавка участковая, меня трусом обзываешь?!

Тяжелая держава, как баскетбольный мяч, полетела мне в голову. Я ухитрился ее поймать и продолжал бессмысленные уговоры:

– Что дума боярская скажет? На меня тут и так все зубы точат... а если узнают, что я вашу светлость смертельному риску подвергаю?! Да они мне все отделение разнесут!

– Я тебе новое построю. Хочешь, как у меня, в четыре этажа?

– Нормальный царь должен на престоле сидеть, дела государственные решать, а не с опергруппой по углам шарить... Вот возьмем мы их тепленькими, приведем сюда на ваш царский суд – тут и потрудитесь на благо Отечества.

– Ты мне про Отечество не пой! Ишь, соловей легавый выискался... Всякий царь, ежели он к себе хоть каплю уважения имеет, поперед прочих должен любому злу в лицо глянуть! Особливо когда зло это всему царству-государству угрозу несет весомую. Хватит со мной спорить, участковый, уволью ведь... Вот те крест, уволью!

Мы оба выдохлись. В дверь постучали встревоженные охранники и, убедившись, что кровопролитие не состоялось, шепотом поинтересовались, не подать ли чего откусать? Мы переглянулись с царем и решили выпить мировую, но только чай – вечером серьезное дело. В таких случаях слуги не утруждают себя длительным соблюдением этикета, а накрывают на стол с налету в две минуты. Чай разливал государь:

– Тебе с медом или с вареньем?

– С вареньем. Спасибо, я сам положу.

– Во сколько начинать думаешь?

– После обеда надо загнать в католическую церковь весь отряд художников. До ночи они должны расписать ее, как пасхальное яичко. После десяти, к моменту выхода ночной стражи, ваши молодцы должны незаметно оцепить всю слободу по периметру. Ружей и пушек не брать, только сабли. Думаю, до прямого сражения дело не дойдет, в основном все жители слободы – честные, законопослушные немцы и к черной мессе никакого отношения не имеют. Но вот пастор, шестеро монахов и, возможно, трое-четверо охранников представляют серьезную опасность, нельзя дать им сбежать. Мы с Ягой, Митькой и Еремеевым попытаемся укрыться внутри, в самом храме. Если все пройдет по плану, то демон не вырвется. Если будут накладки, то у ворот слободы, на всякий пожарный, разместится сводная бригада священников под командованием отца Кондрата. Они готовят молитвы и псалмы, так что Вельзевула мы в любом случае скрутим.

– Мудреный план, но верный, – поддержал государь. – А как иконописцев обратно выводить будешь?

– Яга обещала позаботиться.

– Ну, тут и я подмогну. Сделаем второй визит с обыском. Пуццай пастор поволнуется... Пока я шорох наводить буду, твои богомазы и проскользнут.

– Годится, – кивнул я.

– Но на засаду в храме меня с собой возьмешь. И не перечь! Я просто оденусь, никто и не признает. Не спорь, сыскной воевода, я тоже отродясь живого демона не видел. Не одному тебе интересно...

Дальше все шло как по маслу. Горох кликнул верховую бригаду и вместе со мной отправился в немецкую слободу. Баба Яга с командой художников уже ждала в установленном месте. Пока царь со стрельцами шумел внутри, изображая активный обыск, моя хозяйка что-то пробурчала, помахала руками, и в надежных бревнах дубового забора образовалась мерцающая дыра.

– Быстро внутрь! – приказала бабка. – Церковь ихняя задним крылом как раз сюда приходится. А ну, смелей, тараканы безусые, один шаг – и вы на месте.

Понукаемые иконописцы, груженные красками, кистями и лестницами, лезли в дыру. Старший замыкал колонну, и Яга напомнила ему, строго подняв палец:

– Как в десять часов пушка бумкнет, чтоб все здесь же были, я вас обратно выпущу. Кто не успеет – сгинет смертью безвременной! Качество работы я уж потом сама погляжу, но ежели что не так, ноги у святых кривые али глаза косят...

– Побойся Бога, бабушка! – возмутился мастер. – Мы ж – люди крещеные, нешто не понимаем...

– Ну, то-то же... Новичкову приказ передашь, как я велела. Скажешь, от участкового. Он спорить не будет. Ну, в добрый час!

Вскоре на том же месте так же незыблемо стояли надежные тесаные бревна.

– Куда теперь, Никитушка?

– В отделение, – взглянув на часы, решил я. – Времени только половина первого, раньше десяти нам здесь делать нечего. Митька-то где?

– Все Шмулинсона ловит. У него уж какой-то пунктик по этому поводу. Ох, да вот и он, легок на помине. Только, что ж это, Никитушка, его стрельцы под белы ручки ведут?!

– Сейчас выясним. – Мы суровым шагом направились навстречу шестерым стрельцам, ведущим под прицелом нашего младшего сотрудника.

– Здравия желаем, сыскной воевода!

– Здорово, молодцы. Что у вас тут за конфликт, опять к милиции придираетесь?

– Никак нет! – гаркнули стрельцы. – А только заприметили мы парня

твоего, когда он в колодезь какой-то порошок горстями сыпал. Божится, что не яд...

На углу улиц Плешивой и Волконской шло натуральное сражение. Жители окрестных домов яростно выговаривали друг другу что накопело. Мужья лепили женам пресвятую истину, бабы в свою очередь откровенно докладывали благоверным тако-о-о-е... Ну, честное слово, в личной жизни любой семьи есть моменты, о которых стоит умолчать по причине сохранения нормальных отношений. Старики и старухи, друзья и соседи, даже дети малые и те периодически оглашали улицу какой-нибудь страшной тайной... Кое-где вовсю дрались, в других местах каялись и плакали, почти все просили прощения, причем у всех. На фоне происходящего разгула правды-матушки горькие исповеди дьяка Филимона казались цветочками. Ягодки – вот где!

– Митька-а-а!

– Да я всего горсточку! – жалобно выл он, валяясь у меня в ногах. – Случай-то какой... Шмулинсониha за водой собралась, то ли баню топить, то ли белье стирать, а только раза три с ведрами бегала. Я уж как просек, так рысью в отделение, порошка Кощеева взял да у колодца и жду. Думаю, сейчас опять придет, воды наберет, а я сзади в ведерко и сыпану! Пусть потом попробует скрыть, в какой щелке муж прячется... а ее нет и нет. Вдруг сзади как хлопнут по плечу! У меня аж сердце захолонуло... Обернулся – стрельцы! Че в колодезь сыпешь? Ниче не сыплю! Ну, глядь... а в руке-то... уже и впрямь ничего...

– Я с тобой дома разберусь.

– Не надо...

– Поздно. Довел ты меня. Так, ребята, – я обернулся к стрельцам, – народ здесь сам успокоится, особо буйных волоките в отделение, а вообще... ну пусть люди выскажутся.

И началось... Пока мы с Ягой пробились сквозь толпу, чего только не наслушались:

– Смилуйся, батюшка сыскной воевода, уж прикажи, Христа ради, дурака моего в тюрьму посадить! Сколько крови мне выпил... А вчерась слова бранные про власть говорил и песни орал сплошь разбойничьи. Посади, а? Не то мой любовник совсем ко мне бегать перестанет, мужнина голоса дюже пугается...

– Грешен, грешен я, гражданин участковый! Вяжите меня, в суд волоките, да первым этапом – на каторгу... Маму свою я ограбил! Мамку родную! Она себе червонец на Рождество скопила, а я унес да пропил...

Вяжи меня, участковый!

– Так вот кто деньги мои спер... Отойди, сыскной воевода, я сама энтому паршивцу задницу надеру! Ах ты аспид бессовестный, пьянь подзаборная! Вот тебе, вот тебе, вот!..

– Простите меня, бабы! Простите, люди добрые! Прости, милиция родная! Много зла я в жизни сделала, а ноне нет моего терпения молчать. Все скажу! Про всех своих полюбовников поведаю... и про Замохина-портного, и про Кольку-мясника, и про Банина-купца, и про... Ой, бейте меня, бабы-ы-ы!

– А у меня батяня вчера хвастал, будто они с тети Маниным мужем на двоих ведерную бутылку самогону выпили и яблоками ворованными закусывали. А яблоки те из боярского двора Шмыгаловых. А шмыгаловский сын к нашей Верке-распутнице нечестно бегаёт...

– Ужо ты прости меня, старую... я ить сокрыла, что сынок наш осьмнадцатый – не твой будет... Не твой, Па-шень-ка! Ан и не твой... от Сеньки Рыжего али от Борьки Кривого, но не твой, грешная я! А может, и твой? Не помню...

– Суди меня, участковый! Своей рукой суди! Казнь лютой, смертью безвременной, пытками страшными... А только не один я был! Погодь, щас всех поименно перечислю...

Это было что-то умозатмевающее. Когда Яга наконец буквально выдернула меня из толпы «кающихся грешников», я был уже не в себе.

Митька брел следом, размазывая слезы по щекам и тихо поскуливая, что он-то хотел как лучше...

Дома Яга заставила меня сходить в баню, надеть чистое белье и найти под кроватью царскую саблю. Вплоть до самого вечера мы молчали или обходились односложными репликами. Ожидание томило... Самым слабым местом в нашем плане являлись художники. Что, если они не успеют закончить роспись? Что, если авангардист Новичков не захочет выполнять мои приказы, переданные к тому же через третьих лиц. Что, если пастору взбредет войти в храм до наступления ночи и он поймает всех с поличным? Правда, царь обещал задержать его обыском, отвлекая вплоть до последней возможности, но нельзя исключать и случайностей. В таких операциях всегда срабатывает «закон подлости». К девяти часам подтянулся Еремеев с ребятами. Я наказал ему выбрать пятерых, самых опытных и отчаянных. В целом наш отряд насчитывал шестерых стрельцов, трех работников милиции и одного государственного деятеля. Десять человек для группы захвата вполне достаточно. Саблю я повесил через плечо, Митька вооружился коротким поленом, стрельцы оставили при себе только

холодное оружие. После короткого совещания и уточнения плана военных действий мы пошли на дело.

В Лукошкине рано ложились спать, поэтому и вставали с петухами. Случайных прохожих было мало. В Курином переулке за заборчиком уже вовсю молился сводный отряд отца Кондрата. Мы козырнули им на ходу и двинулись дальше. Примерно без пятнадцати десять царь со своей кавалерией покинул немецкую слободу и ворота захлопнулись. Почти сразу же со всех улиц тихо побежали затаившиеся стрельцы, они вплотную прижимались к слободскому тыну, окружая немецкое подворье со всех сторон. Операция «Дихлофос» началась...

Баба Яга дождалась выстрела из пушки, прозвучавшего ровно в десять, и вновь повторила свое заклинание. Из образовавшегося прохода быстренько выскользнули перепачканные краской богомазы.

– Все ли сделано, работнички?

– Все как уговорено, батюшка. Все стены расписали в лучших традициях, а поверх на гвоздики малые полотна малювальника вашего бездарного развесили.

– Гражданин Новичков не протестовал? – уточнил я.

– Да спит он! – хмыкнул старший иконописец. – Как мы пришли – уже дрых, но работу выполнил. На полу громадные полотна ткани черной красным да черным изукрасил. Суций демонизм... Мы аж плевались! Так до сих пор и спит...

– Ну что ж, объявляю благодарность за ударный труд. Расчет завтра утром в отделении, как договаривались. Спокойной ночи.

– Благодарствуем, сыскной воевода.

Сзади подоспел запыхавшийся царь. Судя по всему, он удрал от собственного конвоя и те будут до утра носиться по Горохову двору, разыскивая государя. А может, и не будут, решат, что он опять с какой-нибудь молодой под телегой прячется...

Наша группа на цыпочках вошла в немецкий храм. Я шепотом отправил Еремеева выставить стрельцов у всех стен. В церкви горели оплывшие свечи. Стены до самого потолка были завешаны громадными росписями на черном шелке. Автор тихо сопел в уголке. Новичков показал себя во всей красе. Черно-красные фигуры обнаженных демонов кривились в авангардно-кубических изломах и производили невероятно гнетущее впечатление. Хотелось закрыть глаза и не глядя бежать из этого черного ада. Если уж такая мысль появилась у меня, человека, закаленного атеизмом, то что же творилось в душах моих спутников...

– Завтра же сожгу мазилу проклятого! – сквозь зубы побожился Горох. – Надо же, чего нарисовал. У меня аж колени трясутся...

– Не надо! – так же тихо попросил я. – У парня большой талант. Может, он даже гений. Лучше возьмите его в придворные живописцы...

– Чтоб он и меня так приукрасил?!

– А что? Авангард – искусство будущего. Опять же, если такой портрет показывать вашим надоедливym невестам... Вы же вовек не женитесь!

– Да? – призадумался царь. – Ну, тут, конечно, прямая выгода...

Мы четверо прятались в самом дальнем углу, за колоннами. Еремеевские ребята заняли позиции в нишах стен, так, чтобы иметь возможность дотянуться до черных шнурков, удерживающих новичковские работы на гвоздях.

– Долго ли еще, воевода-батюшка? Я на двор хочу...

– Зачем? На дворе нам ловить нечего, они все сюда придут.

– Да я не в этом смысле! Я... ну, на двор надо мне...

– Терпи! – обрезала Яга. – Ох, Митька, ежели только ты мне юбку намочишь, я тебя на веки вечные петухом бесхвостым оставлю...

– Гляди, участковый! – восторженно влез государь. – Идут!

Двери в храм скрипуче распахнулись, и на пороге показалась делегация монахов в одинаковых черных капюшонах, скрывающих лица, с горящими факелами в руках. Трое посольских охранников, обнаженных по пояс, внесли небольшую статую рогатого, козлоподобного существа с когтистыми ногами и с женской грудью. Маленький пастор довольно оглядел нарисованных монстров, бросил презрительный взгляд на спящего художника и дал знак закрыть двери. После чего монахи достали длинные, причудливо изогнутые ножи и ловко прорезали в черном бархате, покрывающем пол, прямые линии.

– Пентаграмма! – угадал я.

– Звезда масонская, – подтвердила Баба Яга.

– Пагуба бесовская! – добавил царь.

– А мне не видно... – прогудел Митька.

Шестеро монахов спрятали ножи и, по-прежнему держа в руках факелы, встали в круг, каждый на вершине одного из лучей. Пастор раскрыл толстый фолиант, поставил его на треногу и, став спиной к алтарю, начал нудно читать какой-то латинский текст. Повинуясь его указаниям, охранники извлекли спрятанное большое деревянное распятие и, уложив его на алтаре, начали на нем прыгать. Хруст ломаемого дерева слегка перебивал непонятные латинские слова.

– Что творят, что творят, антихристы! Да не держи ты меня,

участковый, я им сейчас...

– Батюшка государь, – скромно вмешалась Яга, – уж ты не серчай, а только я тя щас в лапоть превращу али в лютик какой...

– Царя?! – ахнул Горох.

– А не мешай милиции...

Между тем охранники спрыгнули с алтаря и, войдя в центр пентаграммы, опустились на колени. Трое монахов, передав факелы близстоящим товарищам, вновь взяли за ножи и прежде, чем мы поняли, что происходит, вспороли глотки несчастным. Черный бархат залило кровью...

– Митенька, не пущай, не пущай его!

– Куда, участковый?! Их не спасешь, а себя погубишь!

– Бабуля, рот чем-нибудь заткните Никите Ивановичу, а уж мы с государем его удержим...

Видимо, у меня что-то перемкнуло в голове. Спокойно смотреть на ритуальное убийство в школе милиции не обучают. Самообладание вернулось не сразу...

– Ладно, пустите... все...

Пастор продолжал заунывное чтение, но его голос постепенно становился все громче и увереннее. В нотах проскальзывала истеричность и безумная радость настоящего религиозного фанатика. Мне показалось, что над распростертыми телами за клубился черный густеющий дым. Он все плотнел и плотнел, уже под самым потолком сбиваясь в грязный силуэт, обретающий мощь и объем.

– Насекомая... – на выдохе констатировал Митька.

Под потолком храма возилась, приводя себя в порядок, уродливая черная муха величиной с хорошую лошадь. Мы замерли, замороженные увиденным. Пастор Швабс воздел к ней руки и в полный голос завопил по-русски:

– О великий и прекрасный Вельзевул! Повинуйся слову моему, выйди из глубин ада на порочную землю Руси. Порази могуществом силы своей всю нечисть духа славянского. Покарай храмы их, грехи и заблуждения и дай нам, единственным хранителям истиной веры...

В этот момент в дверях церкви раздался взрыв! От дубовых досок не осталось даже петель... Из клубов желтоватого порохового дыма шагнула долговязая фигура немецкого посла:

– Все кончено... и будьте вы прокляты! – В его руке тускло блеснул ствол длинного пистолета.

Грохот выстрела слился с предсмертным визгом священника. Но он же и помог нам скинуть с плеч непонятное оцепенение.

– Еремеев, давай! – взревел я.

В тот же миг черные полотна рухнули на пол, а стены буквально озарили весь храм невероятно прекрасными фресками! Черная муха, яростно жужжа, заметалась под потолком, не зная, куда деться от суровых взглядов Иисуса Христа, Божьих архангелов и православных святых, изображенных на стенах с соблюдением всех канонов. Иконописцы не подвели! Даже мне теперь стало ясно, что та несусветная сумма, запрошенная ими за свой труд, – ничто в сравнении с тем ударом, который получил Повелитель мух. Стрельцы, во главе с царем, бросились на заезжих монахов, закипела рукопашная. Вельзевул неожиданно рухнул вниз и, сбив Кнута Гамсуновича, стал протискиваться наружу.

– Митька, бей! – заорал я, устремляясь в погоню.

Наш младший сотрудник в порыве служебной отваги рванул вперед и так врезал мухе в зад, что та пробкой вылетела во двор. Следом выбежали мы с Ягой. Черный демон ада, треща крыльями, с яростным жужжанием пытался взлететь, но... из-за забора слышались грозные церковные песни. Однако взбешенный Вельзевул сумел оторваться от земли, и тут... произошло чудо! Иного названия этому событию я не нахожу. С золоченого креста храма Ивана Воина сорвалось золотое копье, которое, беззвучно врезав мглу ночи, насквозь пронзило брюхо гигантской мухи! От нечеловеческого рева вскочил на ноги весь квартал... Люди выбегали в одном исподнем, по небу метались перепуганные облака, запах горелой плоти резал ноздри, но... все было позади. Повелитель мух грохнулся наземь и исчез, как бы провалившись сквозь землю.

– Все, что ль, Никитушка? – тяжело дыша, подбежала ко мне Баба Яга.

Я виновато пожал плечами. Действительно, все. Столько нервов, столько приготовлений, а вся война непосредственно с демоном заняла каких-то десять минут. Несерьезно...

Стрельцы успокаивали встревоженных немцев и отправляли спать набежавших лукошкинцев. Отец Кондрат заявился мокрый от волнений, долго плевался на то место, где сдохла муха, и ушел домой, лишь заручившись моим обещанием отстоять благодарственный молебен в храме Ивана Воина. Ему не пришлось меня уговаривать, я бы и сам предложил нечто подобное, но батюшке, видимо, хотелось несколько унять праведное волнение. Из его переулочка взлетевший Вельзевул был очень хорошо виден...

Фома Еремеев подошел с перевязанной головой. Четверых взяли в

плен, двое убиты, трое стрельцов ранены. Мы пожали друг другу руки, говорить не о чем, все завтра...

Царь Горох прибежал довольный по уши. Он тащил за руку «воскресшего» немецкого посла.

– Уважаемый гражданин участковый, я очень перед вами виноват. Мне следовало бы внимательнее прислушиваться к советам опытного оперативника. Когда я наконец понял, в какое положение попал и какие люди меня окружают, было поздно. Мне едва удалось спрятаться в амбаре у наших пекарей и не высовывать носу, так как меня искали все. А если бы нашли, то это могло кончиться только «несчастливым случаем»...

– Понимаю, хотя... если бы вы попытались войти с нами в контакт, можно было бы избежать многих проблем. Теперь это уже не важно. Я только хотел спросить, почему они устроили обыск в вашем кабинете?

– Я писал докладную в Германскую Епархию по поводу планов черной мессы и злонамеренного поведения пастора Швабса. В тот день он сам открыл мне свои намерения и предложил присоединиться к ритуалу. В противном случае мне угрожала смерть. Я обещал подумать, написал письмо и попытался тайно покинуть территорию слободы, но увы... Однако этой ночью я вспомнил, что такое дворянская честь и долг перед страной, принявшей нас. Пистолеты были у меня с собой, порох я украл ночью. Мне казалось, что, убив пастора, я сумею остановить черную мессу...

– Вы вели себя мужественно. Спасибо. Жаль, что нельзя будет увидеть Швабса на скамье подсудимых, но, в сущности... он бы получил тот же приговор.

– Только так! – поддержал меня государь. – Видишь, сколько тут интересного было, а ты меня брать не хотел! Вредный ты мужик, Никита Иванович, неуважительный... Вот не дам тебе мою царскую награду, будешь знать!

Из храма вышел заспанный богомаз Савва Новичков. По-моему, он так и не проснулся до конца. В его глазах застыло простодушное недоумение – он уснул среди авангардных демонов, а проснулся под укоризненными взглядами христианских святых. Ладно, ладно, потом объясню... Лично мне уже ничего не хотелось. Ни наград, ни почестей, ни разговоров. Накатилась какая-то невозможная усталость... Яга спорила с Митькой, царь командовал стрельцами, посол по-немецки успокаивал своих, а я сел в уголок у ворот, привалился спиной к теплому бревнышку и тихо уснул. Господи, должны же и милиционеры хоть иногда спать...

Утро. Тишина. Я поплотнее укутываюсь в лоскутное одеяло, стараясь укрыться с головой. Бесполезно... Нахальное солнце уже нащупало своими лучами мой нос и теребит ресницы. Почему не слышно петуха? Либо день начинается с чудес, либо этот маньяк, схлопотав от меня тапочкой, больше не рискует орать под окном в четыре утра. Снизу доносится какой-то манящий запах... Я невольно приподнимаюсь, отрывая голову от подушки, – куриный бульон! Вот что это такое! Неужели... неужели где-то услышали мои молитвы и Баба Яга все-таки сварила суп из голосистого мерзавца? В полном воодушевлении я вскочил с кровати, плеснул в лицо ледяной водой из рукомойника и, наскоро одевшись, бросился по ступенькам вниз. Так и есть! Баба Яга, празднично наряженная, доставала ухватом из печи дымящийся горшок.

– Никитушка? Сам встал, сокол наш ясный, а я уж собралась идти будить...

– Что у нас на сегодня? – кровожадно подмигнул я.

– Да вот, супчику с потрошками тебе приготовила. А то чтой-то заморился ты совсем, силы тебе поддержать надо... Куриная лапшичка тут наипервейшее лекарство!

– Куриная? – Я чмокнул ее в щеку. – То-то с утра нашего петуха слышно не было... Спасибо, бабуля!

– Ох, да кушай на здоровье... – Старушка аж покраснела от моей сыновней ласки. – А петуха-то я того...

– И правильно! Давно пора...

– Соседке отдала на денек. Она уж как просила, говорит, ее-то пустозвон совсем кур не обихаживает, у тех и цыплят-то нет... Никитушка, что с тобой? Обжегся, сердешный?

Я меланхолично вытирал подбородок... Только спокойствие. Итак, негодяй жив. Он еще не раз будет портить мне кровь. А в супе плавает какая-нибудь безвинно умерщвленная курица...

– Батюшка сыскной воевода, поймал! – От Митькиного рева мы с Ягой едва не подпрыгнули. – Вот он, арестант беглый! – воодушевленно вопил счастливый Митяй. – Я его, злодея, на спиртное приманил! Думаю, раз ты мужик, так все одно вылезешь... Спозаранок разлил водочку у него на подоконничке, а бутылку недопитую там же оставил. Сам в лопухах спрятался и жду... Глядь, есть! Висит на форточке, басурман, и носом водит. Потом бутылку заприметил, огляделся так воровато да и спрыгнул вниз. Я уж напрягся, а он в горлышко лезет... Тока-тока влез, тут я его и накрыл! Во! Получите! Тепленький.

Мы с бабкой устали на большую полуторалитровую бутылку. Там,

по пояс в мутной самогонке, сидел вдрызг пьяный Шмулинсон с самым философским выражением на лице.

– А вскоре еще и богомазы придут, – сухо отметила Яга, – за зарплатой.

Нет... утро явно начинается как-то не так...

– Митя, предупреждай всех, что у нас сегодня выходной. Все вопросы и претензии завтра, в письменном виде, через царскую канцелярию.

– Правильно, – поддержала бабка, – и поесть-то не дадут участковому. Гони их всех, Митенька...

– Рад стараться!

В общем, спокойная жизнь длилась едва ли не две недели. Последующее за тем дело всколыхнуло не только Лукошкино. Кто нам так удружил, как вы думаете? Кощей! Уж я не знаю, как он там охранял границу от легиона вельзевуловских бесов (Повелитель мух появился один, без войска), но, как только перемирие закончилось, злодей взял реванш. А началось все, как всегда, буднично. Во-первых, меня разбудил петух...